

Источник: Виндзорские проказницы. Пер. П. И. Вейнберга. С предисловием Ф. А. Брауна // Шекспир В. Полное собрание сочинений. / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 434-497.

ВИНДЗОРСКІЯ ПРОКАЗНИЦЫ

КОМЕДІЯ

ВЪ V ДѢЙСТВІЯХЪ

ПЕР. П. И. ВЕЙНБЕРГА
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ПРОФ. Ф. А. БРАУНА

434

Виндзорскія проказницы.

Многочисленные свидѣтельства, сохранившіяся у писателей-современниковъ Шекспира, говорятъ намъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на современную англійскую публику обѣими частями «Генриха IV». Выведенныя въ нихъ дѣйствующія лица быстро стали популярными и имена ихъ — нарицательными для обозначенія тѣхъ типовъ людей, представителями которыхъ они являлись. Уже въ 1599 году товарищъ и соперникъ Шекспира, Бенъ Джонсонъ, въ своей комедіи «Every man out of his humour» (V, 1) могъ ограничиться, при характеристикѣ одного изъ выведенныхъ имъ лицъ, простой ссылкой на схожій типъ во второй части «Генриха IV».

Особенно посчастливилось, конечно, «толстому рыцарю» Фальстафу, сразу ставшему всеобщимъ любимцемъ. Въ англійской литературѣ начинаютъ появляться болѣе или менѣе удачныя подражанія этому гениальному типу, да и самъ Шекспиръ, полюбивъ своего героя или уступая вкусамъ публики, хотѣлъ вывести его еще разъ на сцену въ пьесѣ, надъ которой онъ работалъ по окончаніи «Генриха IV». Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ эпилогѣ ко второй части хроники: «Если вамъ не прискучила жирная пища, нашъ смиренный авторъ продолжить исторію, въ которой дѣйствуетъ сэръ Джонъ, и развеселитъ васъ Катериной французской. Въ этой исторіи, насколько я знаю¹, Фальстафъ умретъ отъ смертельнаго пота, — если онъ еще не убитъ вашимъ суровымъ приговоромъ».

Въ этихъ словахъ заключается ясный намекъ на «Генриха V». Поэтъ, однако, своего обѣщанія не сдержалъ: въ «Генрихѣ V» Фальстафъ на сценѣ уже не появляется, и мы узнаемъ лишь о его смерти (II, 3).

435

Руководствуясь очень вѣрнымъ художественнымъ тактомъ, поэтъ, очевидно, отказался отъ первоначальнаго плана; онъ чувствовалъ, что въ героической драмѣ о Генрихѣ V Фальстафу и его пьяной компаніи мѣста быть не могло и что появленіе его на сценѣ внесло-бы въ художественную гармонію этой пьесы крупный и рѣзкій диссонансъ.

Мы не знаемъ, конечно, насколько Шекспиръ чувствовалъ себя связаннымъ своимъ обѣщаніемъ. Можетъ быть, онъ удовлетворился бы краткимъ рассказомъ о смерти Фальстафа, столь художественно заканчивающимъ изображеніе земного поприща героя, еслибъ не внѣшній поводъ, заставившій его вновь воскресить всеобщаго любимца. Онъ принялся за работу — и въ результатъ получилась новая пьеса, о которой поэтъ навѣрное не думалъ раньше: комедія о «Виндзорскихъ проказницахъ», гдѣ толстый рыцарь стоитъ въ центрѣ дѣйствія, сосредоточивая на себѣ весь интересъ послѣдняго.

Упомянутый нами внѣшній поводъ къ написанію комедіи состоялъ въ прямомъ приказаніи королевы Елизаветы. Свѣдѣніе объ этомъ сохранилъ намъ Джонъ Деннисъ (Dennis), который ровно сто лѣтъ послѣ перваго появленія въ свѣтъ нашей комедіи, т. е. въ 1702 г., издалъ обработку ея подъ заглавіемъ «Комическій любовникъ или любовныя затѣи сэра Джона Фальстафа» (The Comical Gallant, or the Amours of Sir John Falstaff). Вкусу публики начала XVIII вѣка комедія Шекспира казалась грубой; вотъ почему Деннисъ и счелъ необходимымъ «исправить» ее, такъ какъ сама по себѣ она была вполне достойна вниманія «по разнымъ причинамъ» — говоритъ Деннисъ въ предисловіи къ своей пьесѣ: — «во первыхъ, я хорошо зналъ, что комедія Шекспира снискала одобреніе одной изъ величайшихъ королевъ, которыхъ когда-либо видалъ свѣтъ, королева, которая была велика не только своею мудростью въ управленіи государствомъ, но и своими знаніями въ наукахъ и тонкимъ вкусомъ въ драматическомъ искусствѣ. Что она обладала такимъ вкусомъ, въ этомъ мы можемъ быть увѣрены, такъ какъ вѣдь она особенно любила писателей древности. Такъ вотъ, эта комедія («Виндзорскія проказницы») была написана по ея повелѣнію и указанію, и она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала видѣть ее на сценѣ, что велѣла, чтобы комедія была готова въ двѣ недѣли, и преданіе говоритъ, что королева потомъ, при представленіи, осталась очень довольна ею».

Первый біографъ Шекспира, Н. Роу (Rowe) дополняетъ это свѣдѣніе въ 1709 г. еще одной чертой. «Королева Елизавета, говоритъ онъ, такъ восхищалась достойнымъ удивленія характеромъ Фальстафа, что велѣла вывести его еще въ другой пьесѣ и изобразить его въ ней влюбленнымъ».

И такъ, «Виндзорскія проказницы» написаны по заказу самой королевы Елизаветы.

Провѣривъ эти показанія мы, конечно, не можемъ но у насъ нѣтъ повода не довѣрять имъ, несмотря на сравнительно позднее появленіе преданія о «Виндзорскихъ проказницахъ» въ литературѣ. Въ его пользу говоритъ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній.

Прежде всего, ему не противорѣчатъ данныя, имѣющіяся о внѣшней исторіи нашей комедіи. Она появилась въ печати впервые въ 1602 г. in 4°, подъ заглавіемъ «Весьма занимательная и отменно остроумная комедія о сэрѣ Джонѣ Фальстафѣ и веселыхъ виндзорскихъ женахъ. Съ многообразными и занятными шутками сэра

Гуга, валлійскаго рыцаря, мирового судьи Шэлло и его мудраго кузена Слендера», и т. д. Заглавіе называетъ также имя автора — Вильяма Шекспира — и упоминаетъ о томъ, что пьеса неоднократно давалась «какъ въ присутствіи ея величества, такъ и въ другихъ мѣстахъ».

Много споровъ вызвало въ ученой литературѣ изученіе текста этого перваго изданія. Дѣло въ томъ, что онъ далеко не совпадаетъ съ тѣмъ несомнѣнно болѣе вѣрнымъ текстомъ, который принятъ изданіемъ in folio 1623 г. и перешелъ отсюда во всѣ позднѣйшія изданія, тогда какъ худшій текстъ 1602 года былъ перепечатанъ лишь одинъ разъ еще, въ 1619 г. Въ немъ замѣчаются не только крупные пробѣлы, но и такія значительныя отступленія, что онъ можетъ казаться другой, какъ бы болѣе ранней, еще не окончательно отдѣланной редакціей пьесы. Основываясь на этихъ отступленіяхъ, нѣкоторые изслѣдователи полагали, что въ изданіи 1602 г. передъ нами первая, древнѣйшая редакція комедіи, написанная по заказу, на спѣхъ, въ тѣ «двѣ недѣли», о которыхъ говоритъ Деннисъ. Впослѣдствіи-же поэтъ, якобы сознавая крупные недостатки своей пьесы, вторично обработалъ ее и придавъ ей ту форму, какую она имѣетъ въ in folio 1623 г.

Но едва-ли это такъ. Не даромъ же

436

соперникъ Шекспира, Бенъ Джонсонъ, ставитъ ему въ упрекъ, что онъ никогда ни одной написанной имъ строки не вычеркивалъ, что онъ всегда какъ-бы импровизировалъ и никогда не возвращался къ прежнимъ своимъ пьесамъ съ цѣлью лучшей ихъ отдѣлки. Болѣе правы, вѣроятно, изслѣдователи — и на ихъ сторонѣ теперь большинство — усматривающіе въ текстѣ 1602 г. такъ называемое «хищническое изданіе» (piratical edition), которыхъ въ то время появлялось не мало. Предпріимчивый издатель посылалъ въ театръ людей, умѣвшихъ запоминать и быстро записывать со словъ актеровъ; эти записи, затѣмъ, кое-какъ отдѣлывались, склеивались — и пускались въ ходъ какъ подлинный текстъ пьесы.

Извѣстно, что не однѣ только «Виндзорскія проказницы» попали въ печать въ такомъ исковерканномъ видѣ: та-же судьба постигла напр. текстъ «Ромео и Джульетты», «Гамлета» и другихъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ у публики. Самъ Шекспиръ относился къ этому безцеремонному обращенію съ его литературной собственностью, повидимому, вполне равнодушно. Во всякомъ случаѣ, лишь въ посмертномъ изданіи 1623 г. мы имѣемъ право видѣть подлинный текстъ нашей комедіи.

Впрочемъ, для насъ во всемъ этомъ спорѣ важенъ только тотъ фактъ, что пьеса появляется на книжномъ рынкѣ лишь въ 1602 г. А такъ какъ Meres, который въ своей «Palladis Tamia» (1598 г.) перечисляетъ произведенія Шекспира, еще не знаетъ нашей комедіи, то догадки нѣкоторыхъ ученыхъ (въ особенности Charles Knight'a) о болѣе раннемъ происхожденіи «Проказницъ» теряютъ всякую почву. Вѣроятнѣе всего, что комедія возникла вскорѣ послѣ «Генриха V», т. е. около 1600 г. А этимъ косвенно подтверждается преданіе объ участіи Елизаветы въ ея возникновеніи.

Другой фактъ, поддерживающій повидимому, преданіе, это — приуроченіе дѣйствія къ Виндзору, одному изъ любимыхъ мѣстопробываній королевы, а также

прославление ордена Подвязки (V, 5), капитуль котораго засѣдалъ именно здѣсь. Весьма возможно, что пьеса написана для одного изъ частныхъ придворныхъ празднествъ въ Виндзорѣ и была разыграна здѣсь впервые.

Еще важнѣе, однако, доказательства, основанныя на внутреннихъ соображеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что наша комедія дѣйствительно производитъ — въ особенности по сравненію съ «Генрихомъ IV» — впечатлѣніе не свободнаго творчества, вызваннаго внутренней потребностью творческаго гениа, а чего-то дѣланнаго, искусственнаго, однимъ словомъ — заказаннаго. Изъ всѣхъ позднѣйшихъ пьесъ Шекспира «Виндзорскія проказницы», несомнѣнно, самая слабая, если не считать «Генриха VIII», также написаннаго, вѣроятно, по заказу. Притомъ это единственная изъ позднихъ комедій Шекспира, въ которой интрига преобладаетъ надъ характеристикой. Еще важнѣе, наконецъ, то, что въ отдѣлкѣ типа самого Фальстафа здѣсь сдѣланъ шагъ назадъ. Въ сравненіи съ гениальнымъ собутыльникомъ принца Уэльскаго, передъ нами здѣсь какой-то пройдоха съ мошенническими инстинктами, попадающійся въ грубую ловушку. Онъ, правда, еще довольно остроуменъ, но нѣтъ уже того веселаго смѣха надъ всѣмъ міромъ — не исключая и собственной толстой персоны, — который слышится тамъ. Это — Фальстафъ въ полномъ упадкѣ, потерявшій то глубокое знаніе людей, которое давало ему столько власти надъ окружающей средой, помогало ему выбираться изъ любого, хотя бы сквернѣйшаго положенія и окружало его ореоломъ какого-то триумфатора, не знающаго себѣ препятствій и преградъ. Онъ нѣсколько разъ подъ рядъ попадаетъ въ западню, поставленную ему двумя заурядными кумушками и терпитъ полное фіаско по всей линіи. Неужели Шекспиръ могъ добровольно ослабить этотъ сильнѣйшій изъ созданныхъ имъ комическихъ типовъ только для того, чтобы изобразить торжество добродѣтели надъ порокомъ? А вѣдь это пришлось-бы признать, разъ намъ выяснилось, что «Виндзорскія проказницы» написаны послѣ «Генриха VI» и «Генриха V».

Нѣтъ, сюжетъ, очевидно, былъ навязанъ Шекспиру, и навязанъ неразумно. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно представить себѣ Фальстафа «влюбленнымъ»? Какъ онъ понимаетъ любовь и какую любовь цѣнить — это въ достаточной мѣрѣ выяснено во второй части «Генриха IV». Къ чему еще новая пьеса? Королева, очевидно, не вполнѣ поняла Фальстафа, иначе она не включила бы въ свой заказъ условіе «влюбленности». Поэтъ-же не могъ уклониться отъ исполненія королевскаго желанія; и нужно отдать ему справедливость: — онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти своего героя, изобразивъ его не влюбленнымъ, а лишь затѣвающимъ любовную интригу — въ угоду королевѣ Елизаветѣ. И въ угоду ей-же

Фальстафъ, конечно, долженъ былъ попасться въ просакъ; другого исхода не было.

Какъ поэтъ приступилъ къ дѣлу, — это довольно ясно. Ему нужна была интрига для готоваго, законченнаго характера главнаго героя, въ которой послѣдній оказался бы въ совершенно новой обстановкѣ. Интрига эта должна была разыгратъ, конечно, не въ высшей дворянской средѣ, къ которой Фальстафъ, какъ рыцарь, имѣлъ бы доступъ при другихъ вкусахъ и нравственныхъ качествахъ; но и не въ той болѣе чѣмъ

легковѣсной компаниі, въ которой Фальстафъ проявляетъ свое пониманіе любви въ «Генрихъ IV» (2-ая часть, II, 4). Наилучшимъ исходомъ должна была казаться провинціальная буржуазная среда съ ея добродушною мелочностью, захолустнымъ веселіемъ и семейною добропорядочностью. Вотъ почему «Виндзорскія проказницы» оказались единственною среди произведеній Шекспира вполнѣ буржуазной комедіей, въ которой передъ нами развертывается яркая картина провинціальной жизни среднихъ классовъ «веселой Англіи» въ эпоху «доброй королевы Бетти».

Что касается самой интриги, то кое-какія частности ея Шекспиръ заимствовалъ изъ той литературы, которая и для цѣлаго ряда другихъ произведеній его послужила главнымъ источникомъ, т. е. изъ литературы итальянской. Въ сборникѣ новеллъ Страпаролы «Тринадцать весело проведенныхъ ночей» (Straparola, «Tredici piacevoli notti», Венеція 1550—1554) встрѣчается между прочимъ рассказъ о томъ, какъ нѣкій студентъ Filenio Sisterna на одномъ и томъ-же балу объясняется въ любви тремъ красавицамъ. Дамы, узнавъ объ этомъ другъ отъ друга, хотятъ наказать его за такое оскорбительное для нихъ легкомысліе. Онѣ подвергаютъ его разнымъ униженіямъ и мученіямъ, якобы для того, чтобы спасти его отъ неожиданно появляющихся мужей: одна прячетъ его подъ постель, гдѣ она заранѣе приготовила пукъ колючихъ вѣтокъ; въ домѣ второй онъ проваливается въ глубокой подвалъ; третья, наконецъ, высаживаетъ его ночью на улицу спящимъ и голымъ.

Затѣмъ, Giovanni Fiorentino въ своемъ сборникѣ «Pescorone»² передаетъ другой рассказъ, который также напоминаетъ намъ нѣкоторыя детали нашей комедіи. Нѣкій студентъ, обучающійся у старика-ученаго наукѣ о любви, хочетъ примѣнить свои познанія на дѣлѣ, притомъ — къ молодой красавицѣ — женѣ своего учителя. А такъ какъ онъ не знаетъ, кто она, то, какъ ученикъ, который радъ похвастаться своими успѣхами передъ учителемъ, онъ рассказываетъ послѣднему всякій разъ о тѣхъ уловкахъ, при помощи которыхъ его милая спасла его отъ глазъ ревниваго мужа. Посвящаемый, такимъ образомъ, во всѣ подробности дѣла, мужъ всячески старается поймать преступниковъ на мѣстѣ преступленія, но напрасно: на слѣдующій же день онъ отъ любовника-же узнаетъ, какимъ образомъ его провели. Жена прячетъ здѣсь своего милаго между прочимъ подъ грудой бѣлья, какъ у Шекспира. Тотъ же рассказъ повторяется и у Страпаролы, въ другой новеллѣ указаннаго сборника, но уловки жены здѣсь менѣе напоминаютъ комедію Шекспира: она прячетъ своего любовника за занавѣсью постели, въ сундукѣ подъ платьемъ и въ шкапу; когда разъяренный мужъ хочетъ поджечь всю комнату, то умная жена велитъ вынести изъ нея этотъ шкафъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ хранятся ея «семейныя бумаги».

Обѣ версіи были извѣстны въ англійской литературѣ еще до Шекспира: ими воспользовался писатель-актеръ Richard Tarlton въ рассказѣ о «двухъ любовникахъ въ Пизѣ» («The two lovers of Pisa»), вошедшемъ въ его «Новости изъ чистилища» («News out of Purgatory», 1590). Не подлежитъ сомнѣнію, что Шекспиръ зналъ и эту англійскую передѣлку, на что указываютъ нѣкоторыя совпаденія въ частности, встрѣчающихся только у Тарлтона. Но не новелла послѣдняго была его главнымъ источникомъ, такъ какъ способы, при помощи которыхъ любовникъ спасается отъ мужа, у Шекспира ближе къ Fiorentino, чѣмъ къ Тарлону.

Этимъ, однако, не исчерпывается число источниковъ Шекспира. Въ его комедіи есть мотивъ, притомъ очень удачный, который мы напрасно стали бы искать въ

итальянской новеллистикѣ, но который встрѣчается въ нѣмецкой литературѣ у современника Шекспира, извѣстнаго драматическаго писателя, герцога Генриха Юлія Брауншвейгскаго (1564—1613). Въ его «Трагедіи о нѣкой прелюбодѣйкѣ, трижды обманувшей мужа, но наконецъ принявшей страшную кончину» («Tragedia Hibaldeha von einer Ehebrecherin, wie die ihren Mann dreimal betrogen, aber zuletzt ein schrecklich Ende

438

genommen hatte». Вольфенбюттель, 1594) нѣкій купецъ, сомнѣваясь въ добродѣтели своей жены, хочетъ подвергнуть ее испытанію. Для этой цѣли онъ даетъ бѣдняку — студенту Памфилу, который за деньги готовъ любить кого угодно, средства съ тѣмъ, чтобы онъ нарядился дворяниномъ и пріударилъ за его женой; онъ-же, мужъ, будетъ наблюдать и убѣдится окончательно въ добродѣтели или порочности жены. Есть въ этой драмѣ и другія черты, напоминающія «Проказницъ»: такъ, жена велитъ вынести Памфила въ бочкѣ съ грязнымъ бѣльемъ. Но исходъ тутъ иной, т. е. пьеса кончается самоубійствомъ невѣрной жены.

Зналь-ли Шекспиръ нѣмецкую драму, или-же сходство съ нею объясняется заимствованіемъ изъ общаго источника³, это вопросъ нерѣшенный и, повидимому, нерѣшимый. Нелишне, однако, замѣтить, что при дворѣ герцога Брауншвейгскаго проживало не мало англійскихъ актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые вернулись въ Англію вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ «Трагедіи о прелюбодѣйкѣ». Весьма возможно, что отъ нихъ нашъ поэтъ узналъ о драмахъ нѣмецкаго герцога и между прочимъ о содержаніи названной трагедіи.

Вотъ элементы, изъ которыхъ составила фабула «Виндзорскихъ проказницъ». Скомпановаль ихъ Шекспиръ совершенно самостоятельно, углубивъ интригу, давъ ей другой исходный пунктъ, иное основное настроеніе и, наконецъ, другой исходъ. Дѣло въ томъ, что и у Страпаролы интрига получаетъ невеселую развязку: обманутый любовникъ жестоко мститъ своимъ мучительницамъ. Притомъ и психологическая подкладка иная. У итальянскаго писателя дамы казнятъ любовника не потому, что онъ, непрощенный, навязывается имъ, и не изъ добродѣтели, а лишь потому, что онъ объяснялся въ одинъ и тотъ-же вечеръ всѣмъ троимъ въ своей горячей любви; онъ оскорбленъ, и отсюда месть. Будь онъ осторожнѣе, результатъ получился-бы, можетъ быть, иной. У Шекспира, наоборотъ, на первый планъ выдвинута супружеская вѣрность «проказницъ»: онѣ поступили-бы съ Фальстафомъ не иначе, даже еслибъ онъ удовольствовался временно одной изъ нихъ. Интрига направлена противъ любовника и имѣетъ цѣлью наказать его за помысль, грѣховный по существу. Отсюда вытекаетъ морализирующая тенденція пьесы, совершенно отсутствующая у итальянцевъ.

Наконецъ, значительное углубленіе интриги состоитъ и въ томъ, что шутками хитрыхъ «проказницъ» казнится и исправляется также мужъ, ревнующій безъ всякаго основанія.

Нельзя не замѣтить, что дѣйствіе проведено бойко и весело; въ этой новой обстановкѣ и съ указанными измѣненіями и дополненіями оно производитъ совершенно иное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что и параллельное дѣйствіе — исторія

любви Анны Пэдждь и Фентона, въ которую вмѣшиваются докторъ Каюсъ и дурачекъ Слендеръ — всецѣло принадлежитъ фантазіи Шекспира.

Долго и много спорили о томъ, къ какому моменту жизни Фальстафа приурочить дѣйствіе нашей комедіи: происходитъ-ли оно, по мысли автора, до первой части Генриха IV, или между первой и второй его частями, или послѣ размолвки съ принцемъ, ставшимъ королемъ, или-же, наконецъ, оно одновременно съ дѣйствіемъ одной изъ этихъ драмъ. Споръ, въ сущности, лишній, тѣмъ болѣе, что, какое-бы рѣшеніе мы ему ни дали, мы всегда натолкнемся на непримиримыя противорѣчія. Въ особенное затрудненіе ставитъ насъ въ этомъ отношеніи личность продувной Квикли: въ первой части «Генриха IV» она — хозяйка гостиницы «Кабанья голова»; во второй части отмѣчается, что она вдова; въ «Генрихѣ V» она вторично вышла замужъ за Пистоля. А въ «Виндзорскихъ проказницахъ» Квикли увѣряетъ, что она — дѣвица. По «Генриху V» (2-ая ч., II, 4) она знаетъ Фальстафа уже 29 лѣтъ, а здѣсь она встрѣчается съ нимъ, какъ будто, впервые. На основаніи всего этого, полагали, что Шекспиръ представлялъ себѣ дѣйствіе «Проказницъ» происходящимъ до «Генриха IV». Но въ «Генрихѣ IV» нѣтъ еще Нима, который появляется впервые и умираетъ въ «Генрихѣ V», а въ «Проказницахъ» есть и онъ, и Бардольфъ, также умирающій въ «Генрихѣ V».

Изъ этого лабиринта противорѣчій есть только одинъ выходъ: предположеніе, что поэтъ самъ не искалъ приуроченія къ какому-нибудь опредѣленному моменту. Отдѣльныя фигуры всѣ были готовы, и въ Квикли, на примѣръ, мы узнаемъ, по характеру и типу, старую знакомую, несмотря на новое ея положеніе въ домѣ доктора Ка-

439

юса. Шекспиръ воспользовался тѣми изъ нихъ, которыя были ему пригодны для новаго дѣйствія, въ иномъ мѣстѣ и другой обстановкѣ, не задумываясь надъ тѣмъ, правдоподобно-ли ихъ новое сочетаніе или нѣтъ, и не противорѣчитъ-ли оно тому, что мы знаемъ о нихъ изъ историческихъ драмъ. Онъ тщательно избѣгаетъ всякаго намека на какое бы то ни было происшествіе изъ послѣднихъ, очевидно сознательно скрывая хронологическое соотношеніе ихъ. Важно лишь то, что дѣйствіе и вся характеристика въ «Виндзорскихъ проказницахъ» предполагаетъ типы Фальстафа и его сообщниковъ, а также госпожу Квикли, судью Пустозвона (Шэлло) уже извѣстными читателю и зрителю. Изъ однѣхъ «Проказницъ» типы эти не выясняются въ достаточной мѣрѣ, и въ особенности главный герой, Фальстафъ, становится жалкой и безжизненной каррикатурой для того, кто не знаетъ его изъ «Генриха IV». Въ этомъ, кстати замѣтить, одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ въ пользу того, что «Проказницы» дѣйствительно возникли по заказу, послѣ названныхъ историческихъ драмъ.

А если самъ Шекспиръ такъ свободно распоряжался созданными имъ типами, не считая нужнымъ пояснить намъ, какимъ образомъ Квикли стала дѣвицей и прислугой доктора Каюса, почему мистеръ Шэлло оказывается въ Виндзорѣ или, наконецъ, какимъ образомъ самъ Фальстафъ попалъ сюда, то и намъ нечего ставить этихъ вопросовъ. Шекспиръ произвольно собралъ ихъ въ новомъ мѣстѣ, для новой

интриги, вполне увѣренный въ томъ, что зритель узнаетъ всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. И мы дѣйствительно узнаемъ ихъ и рады встрѣчѣ.

Впрочемъ, вопросъ этотъ самъ по себѣ не такъ празденъ, какъ оно можетъ показаться на первый взглядъ. Стараясь опредѣлить хронологическое соотношеніе дѣйствія «Виндзорскихъ проказницъ», «Генриха IV» и «Генриха V», критики имѣли въ виду, въ сущности, болѣе важный вопросъ: о внутренней связи и зависимости «Проказницъ» отъ названныхъ драмъ. Нѣкоторые изслѣдователи (напр. Гервинусъ) полагаютъ, что такая внутренняя связь существуетъ, что «Проказницы» написаны какъ бы въ pendant къ «Генриху V», продолжая и заканчивая собою изображеніе той противоположности развитія Фальстафа и Генриха, характеристика которой была начата имъ уже во второй части «Генриха IV». Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ эта противоположность существуетъ: съ одной стороны, веселый и легкомысленный принцъ, мало по малу превращающійся въ героя и короля, достойнаго своего великаго призванія; съ другой стороны, Фальстафъ, все ниже спускающійся по ступенямъ разврата и порока. Постепенное отчужденіе принца отъ веселой компаніи Фальстафа, очень ясно проведенное во второй части «Генриха IV», доказываетъ, что изображеніе этого развитія въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ входило въ планъ поэта и было, можетъ быть, даже главной его цѣлью. Но привлеченіе «Виндзорскихъ проказницъ» къ той-же задачѣ представляется намъ большой натяжкой. Еслибъ, въ глазахъ Шекспира, «Проказницы» были прямымъ продолженіемъ и необходимымъ дополненіемъ къ «Генриху IV», то къ чему было ему скрывать хронологическое отношеніе ихъ дѣйствія къ дѣйствию этой драмы? Картина значительно выиграла бы въ ясности, еслибъ «Проказницы» были связаны съ «Генрихомъ IV» хотя бы какой-нибудь внѣшней чертой. Между тѣмъ, въ нихъ, какъ мы видѣли, нѣтъ и намека на подобную связь и хронологическое соотношеніе тщательно скрывается.

Къ тому-же, приведенныя нами выше соображенія о томъ, что наша пьеса написана по заказу, вѣроятно уже послѣ «Генриха V» или, во всякомъ случаѣ, не до него, соображенія эти, на нашъ взглядъ, съ достаточной убѣдительностью опровергаютъ подобныя искусственныя попытки внутренне связать «Виндзорскихъ проказницъ» съ серіей соответствующихъ историческихъ драмъ. Гервинусъ, допуская возникновеніе нашей комедіи по заказу, удивляется искусству поэта, который не удовлетворился такой «поверхностной темой» и «счумѣлъ придать ей болѣе глубокое этическое значеніе, внутренне связавъ ее съ своими самостоятельными работами и съ той этической идеей, которая занимала его тамъ». Но если мы вспомнимъ смерть Фальстафа, рассказъ о которой («Генрихъ V», II, 1.3) столь художественно вѣрно заканчиваетъ картину его развитія, то «Виндзорскія проказницы» всегда представятъ намъ ненужной привѣской, безъ всякой цѣли унижающей высоко-художественный типъ Фальстафа.

Вопросъ этотъ приводитъ насъ къ болѣе подробному разбору даннаго характера,

обѣщанному нами уже въ предисловіи къ «Генриху IV». Этимъ мы и закончимъ свою статью, такъ какъ Фальстафъ единственное дѣйствующее лицо нашей комедіи, въ

которое стоитъ всмотрѣться внимательно. Остальныя такъ ясны сами по себѣ, что выяснять въ нихъ нечего.

Съ внѣшней стороны; поэтъ, рисуя Фальстафа, находится въ нѣкоторой зависимости отъ дошекспировской драмы о «Славныхъ побѣдахъ Генриха V» (см. предисловіе къ «Генриху IV», стр. 125). Уже здѣсь мы въ обществѣ легкомысленнаго принца находимъ толстяка по имени Oldcastle, потѣшающаго публику, однако, не остроуміемъ, а исключительно только своею неимовѣрною толщиной. Это грубо-комическая фигура, лишь съ внѣшней стороны напоминающая Фальстафа. Тѣмъ не менѣе, изъ него именно выработался типъ послѣдняго. Вѣроятно даже, что Шекспиръ сохранилъ первоначально имя Ольдкэстля и измѣнилъ его лишь по требованію королевы или потомковъ этого рыцаря.

Дѣло въ томъ, что за нимъ скрывается историческая личность, Sir John Oldcastle, lord Cobham, знатный рыцарь и близкій другъ Генриха V, когда тотъ былъ еще принцемъ Уэльскимъ. Въ свое время онъ игралъ видную общественно-политическую роль, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ лоллардовъ, послѣдователей ученія Виклефа. Когда, по вступленіи Генриха V на престоль, началось, или, точнѣе, возобновилось преслѣдованіе лоллардовъ, то личныя отношенія между королемъ и Ольдкэстлемъ измѣнились. Неоднократно Генрихъ пытался уладить дѣло мирнымъ путемъ и уговорить своего стараго пріятеля вернуться въ лоно католической церкви, но тщетно: Ольдкэстль остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Дѣло дошло до открытой борьбы и онъ былъ схваченъ. Бѣжавъ изъ заточенія, Ольдкэстль былъ схваченъ вторично и казненъ какъ измѣнникъ и еретикъ.

Когда въ XVI вѣкѣ въ Англіи была проведена реформація, то отношеніе къ памяти Ольдкэстля должно было измѣниться; честь его была восстановлена и въ глазахъ протестантовъ онъ оказался мученикомъ, пострадавшимъ за правую вѣру. Уже въ 1544 г. одинъ изъ передовыхъ борцовъ за реформу, епископъ Джонъ Бэлъ (Vale) издалъ «Краткій разсказъ о процессѣ и смерти блаженнаго мученика сэра Джона Ольдкэстля, лорда Кобэмскаго».

Это новое пониманіе его личности не могло, конечно, мириться съ пріуроченіемъ его имени къ каррикатурному герою драмы, что и послужило, по преданію, поводомъ къ превращенію Ольдкэстля въ Фальстафа.

Таковъ вѣроятный ходъ дѣла. Прямой намекъ на него мы находимъ въ эпилогѣ ко второй части «Генриха IV», гдѣ непосредственно за приведенными нами выше (стр. 434) словами поэтъ замѣчаетъ отъ себя: «потому что Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а Фальстафъ не онъ». Слова эти, ничѣмъ въ самой драмѣ не вызываемыя, понятны лишь съ точки зрѣнія вышеизложенной гипотезы. Несмотря на измѣненіе имени, Фальстафъ, по вѣдомому, все еще напоминалъ публикѣ, привыкшей къ Ольдкэстлю, о послѣднемъ, и поэтъ счелъ нужнымъ сдѣлать свое заявленіе, чтобы тѣмъ какъ-бы восстановить честь мученика и оградить себя отъ упрековъ.

Напрасно нѣкоторые изслѣдователи, пытаясь доказать, что Шекспиръ былъ убѣжденнымъ католикомъ, пускали въ ходъ между прочимъ и Ольдкэстля, протестантскаго мученика, якобы намѣренно обращеннаго поэтомъ въ каррикатуру. Если Фальстафу и предшествовалъ Ольдкэстль, то все-же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ имя, такъ и каррикатурную внѣшность толстаго рыцаря

Шекспиръ просто взялъ изъ драмы о «славныхъ побѣдахъ Генриха V» безъ всякихъ заднихъ мыслей.

По существу-же Фальстафъ совершенно новый типъ, всецѣло принадлежащій нашему поэту, притомъ одинъ изъ величайшихъ художественныхъ типовъ, когда-либо созданныхъ всемірной литературой. Это типъ такого-же значенія, какъ Гамлетъ, Макбетъ, Отелло, Лиръ, и такое-же художественное откровеніе, поражающее насъ неисчерпаемой глубиной своей концепціи. Сколько о Фальстафѣ ни писалось, никто еще не исчерпалъ его характеристики, и сколько мы бы ни всматривались въ него, мы всегда откроемъ въ немъ новыя черты, ранѣе нами не подмѣченныя.

Съ своей стороны, мы желаемъ намѣтить лишь нѣкоторыя черты, кажушіяся намъ существенными, предоставляя самому читателю изученіе деталей.

Въ чемъ состоитъ сущность комизма Фальстафа? Почему онъ производитъ на насъ такое неотразимо комическое впечатлѣніе? Конечно, не однимъ комическимъ безобразіемъ своей фигуры и не однимъ гениальнымъ остроуміемъ. Какъ ни необходимо и то и другое для обрисовки полного

441

типа, однѣми только этими чертами типъ далеко не исчерпывается.

Много было споровъ объ этомъ въ ученой литературѣ, такъ какъ Фальстафъ ни подъ одно изъ ходячихъ опредѣленій комизма не подходитъ. Да и напрасно мы стали-бы трудиться надъ подысканіемъ точной формулы, которою онъ-бы исчерпывался. Ближе всего подходитъ къ истинѣ, можетъ быть, опредѣленіе Фишера (F. Th. Vischer, «Shakespeare-Vorträge», т. IV), который усматриваетъ существеннѣйшую особенность типа Фальстафа въ сочетаніи гениальнаго остроумія и веселаго смѣха надъ самимъ собой съ добродушной наивностью.

Съ первой частью этого опредѣленія до добродушія включительно мы охотно согласимся. Но съ наивностью? Фальстафъ не наивенъ; онъ отлично понимаетъ, что дѣлаетъ, тонко расчитывая каждое слово, вполне увѣренный, что оно произведетъ ожидаемое имъ впечатлѣніе. Это-то именно и даетъ ему такую власть надъ людьми и ту спокойно-величавую самоувѣренность, которая представляется намъ одной изъ важнѣйшихъ чертъ этого сложнаго характера.

Передъ нами, несомнѣнно, типъ отрицательный. Грубый матеріалистъ и эгоистъ до мозга костей, онъ не признаетъ въ жизни никакихъ идеальныхъ силъ и стремленій. Къ чему бы ни прикасались его зоркая наблюдательность и проницательный скептицизмъ, все превращается отъ этого прикосновенія въ ничто, въ фикцію, искусственно созданную людьми, и въ силѣ остается только то, къ чему онъ стремится самъ.

Но какъ скромнень онъ въ своихъ желаніяхъ! Почести, власть, богатство никакой цѣны въ его глазахъ не имѣютъ. Деньги онъ любитъ, но онѣ нужны ему лишь постольку, поскольку онѣ даютъ ему возможность удовлетворенія его немногосложныхъ потребностей, которыя исчерпываются сладкимъ испанскимъ виномъ, жирнымъ каплуномъ и, пожалуй, еще «любовью» такихъ дамъ, какъ Доли Тиршитъ въ кабацкѣ его пріятельницы Квикли. Дальше этого его желанія не идутъ. Зато въ нихъ онъ неисправимъ; онъ готовъ пуститься на какія-угодно продѣлки, лишь

бы на столѣ передъ нимъ всегда оказывались каплунъ и вино въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ отсутствіе ихъ — единственное, что нарушаетъ его душевное равновѣсіе. Къ сожалѣнію, безденежье случается съ нимъ довольно часто. «Я не знаю средства отъ этой карманной чахотки, замѣчаетъ онъ съ грустью (2 ч., I, 2); брать въ займы — лишь затягиваетъ ее; сама болѣзнь неизлѣчима».

Правда, онъ не прочь прихвастнуть при случаѣ своими заслугами и вліяніемъ при дворѣ. Онъ «убилъ» страшнаго Перси (1 ч. V, 4); онъ ловко пользуется своей легкой побѣдой надъ рыцаремъ Кольвилемъ, чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ принца Джона (2 ч. IV, 3). И сколько аристократической сдержанности сказывается въ его разговорахъ въ домѣ мирового судьи Шэлло (2 ч. V, 1.3), сколько самоувѣренной гордости въ его осанкѣ, когда онъ, узнавъ о смерти Генриха IV, обращается къ Шэлло: «Мистеръ Робертъ Шэлло, выбери себѣ какую тебѣ угодно должность въ государствѣ, она будетъ твоею!» Но во все это онъ самъ не вѣритъ, и тонкая иронія надъ самимъ собой слышится во всѣхъ этихъ сценахъ.

«Вотъ вамъ вашъ Перси. Коли отецъ вашъ захочетъ почтить меня чѣмъ-нибудь, ладно! а коли нѣтъ, то пусть справится съ слѣдующимъ Перси самъ. Право, я рассчитываю сдѣлаться графомъ или герцогомъ!» «Какъ, говоритъ ему принцъ, да вѣдь я-же самъ убилъ Перси и видѣлъ тебя мертвымъ!» «Вотъ какъ!» тономъ глубокаго негодованія отвѣчаетъ Фальстафъ. «Господи Боже мой, до какой степени люди преданы лжи!» (1 ч. V, 4).

А въ сценѣ съ Кольвилемъ (2 ч. IV, 3), когда принцъ Джонъ посмѣлъ усумниться въ храбрости Фальстафа: «Я такъ и зналъ, что порицаніе и упрекъ - награда за храбрость!» И въ его дальнѣйшемъ разказѣ о томъ, какъ онъ, замучивъ сто восемьдесятъ съ лишнимъ почтовыхъ лошадей, чтобы только поспѣть къ битвѣ, усталый отъ пути, въ своей «чистой и незапятнанной храбрости» побѣдилъ Кольвиля, «яростнаго рыцаря и храбраго противника»; въ его требованіи, чтобы подвигъ его былъ занесенъ на скрижали исторіи, иначе онъ самъ сочинить о немъ балладу и превзойдетъ всѣхъ своей славой, какъ полная луна превосходитъ своимъ блескомъ мелкія звѣзды, кажущіяся передъ нею булавочными головками, — во всемъ этомъ слышится столько веселаго шаржа, что въ искренность Фальстафа вѣрить невозможно. Да онъ и не требуетъ, чтобы ему вѣрили. Стоитъ прочесть его разсужденія о чести (1 ч. V, 1), чтобы понять, что Фальстафъ серьезно стремиться къ ней не можетъ. «Честь, это размалеванный щитъ въ похо-

442

ронной процессіи», — вотъ выводъ, къ которому онъ приходитъ, всесторонне расчленивъ понятіе чести. «Можетъ-ли честь приставить человѣку новую ногу? Нѣтъ! А руку? Нѣтъ. Или успокоить боль отъ раны? Нѣтъ. Стало быть, честь не хирургъ? Нѣтъ. Что-же такое честь? Слово. Что содержится въ словѣ честь? что такое честь? Пустой воздухъ. Хорошъ расчетъ! Кто-же обладаетъ ею? Тотъ, кто умеръ. Онъ ее чувствуетъ? Нѣтъ. Онъ ее слышитъ? Нѣтъ. Значитъ, она не ощущаема? Мертвецами — нѣтъ. Но, можетъ быть, она жива съ живыми? Нѣтъ. Отчего-же нѣтъ? А потому, что злословіе не допускаетъ этого. Коли такъ, то она мнѣ не нужна!»

Онъ, дѣйствительно, не стремится къ чести, какъ не стремится и ко многому иному, что другимъ людямъ кажется необходимымъ въ жизни. Его философія уничтожаетъ все, что такъ или иначе связываетъ человѣка, подчиняя его то тѣмъ, то другимъ требованіямъ нравственнымъ, социальнымъ или инымъ. Все — суета суеть, за исключеніемъ вина и каплуна. Это — олицетвореніе абсолютной свободы духа, связаннаго съ землею однимъ только желудкомъ, и этимъ Фальстафъ такъ и привлекателенъ — между прочимъ и для принца Генриха, - но въ этомъ-же, конечно, и обратная сторона медали. Отрицая все и вся, создавая для себя особую мораль, состоящую въ полнѣйшей нравственной безпринципности, онъ представляетъ изъ себя ферментъ разложенія, опасный для среды, въ которой онъ вращается; тѣмъ болѣе опасный, чѣмъ привлекательнѣе его остроуміе, чѣмъ заманчивѣе суверенная свобода духа, которою отъ него вѣетъ.

Онъ не знаетъ ни угрызений совѣсти, ни стыда; не знаетъ ихъ не потому, что онъ состарившійся въ порокахъ грѣшникъ. Дѣло просто въ томъ, что эти душевныя движенія предполагаютъ нѣкоторое пониманіе того, что такое честность или, по крайней мѣрѣ, хотя бы инстинктивное чувство добропорядочности. А этого-то, именно, у него и нѣтъ: оно поглощено его жизнерадостной всеуничтожающей житейской философіей, передъ которой ничто устоять не можетъ.

По природѣ Фальстафъ не злой и не преступный человѣкъ. Конечно, его пріятельница, мистриссъ Квикли, сильно преувеличиваетъ, когда она, прощаясь съ нимъ, говоритъ ему въ слѣдъ (2 ч. II, 4): «Вотъ уже 29 лѣтъ, что я тебя знаю; но честнѣйшаго человѣка и болѣе доброе сердце...» Она такъ взволнована и огорчена предстоящей разлукой, что не можетъ договорить: она хотѣла сказать, что болѣе честнаго человѣка ей не приходилось встрѣчать.

Конечно, такая характеристика каррикатурна; но въ этихъ словахъ есть и доля правды. Фальстафу несомнѣнно присуще добродушіе; оно даже одна изъ основныхъ чертъ его характера, придающая особый оттѣнокъ и его остроумію. Послѣднее всегда безобидно; оно никогда не имѣетъ цѣлью оскорбить, обидѣть кого-нибудь или отомстить за полученную обиду. Одинъ только разъ онъ нѣсколько мѣняетъ тонъ, въ сценѣ съ верховнымъ судьей, который съ высоты своего нравственнаго и должностнаго величія читаетъ старику внушительную нотацію (2 ч. II, 1). Но съ Фальстафомъ не такъ-то легко справиться, и одними только громкими словами на него, мастера слова, впечатлѣнія не произведешь. Съ первыхъ же словъ ему удастся повернуть фронтъ. Онъ, джентльменъ съ головы до пятъ, никого не обидѣлъ, а его обижаютъ и онъ требуетъ удовлетворенія. И такъ ловко и самоувѣренно ведетъ онъ свой маневръ, такъ легко и быстро привлекаетъ онъ на свою сторону обвинительницу Квикли, что судья принужденъ признать себя побѣжденнымъ и покинуть поле сраженія, получивъ отъ Фальстафа на послѣдокъ еще тонкій урокъ въ вѣжливости. «Что за пошлякъ научилъ васъ этимъ пріемамъ, сэръ Джонъ?» спрашиваетъ раздосадованный судья. Фальстафъ отвѣчаетъ не ему, а его спутнику: «Мистеръ Гоуеръ, если эти пріемы ко мнѣ не идутъ, то тотъ — дуракъ, кто научилъ меня имъ», т. е. самъ судья, который только что дѣйствительно былъ невѣжливъ съ Фальстафомъ, устранивъ его изъ разговора съ Гоуеромъ.

Это единственная сцена, въ которой остроуміе Фальстафа принимаетъ нѣсколько агрессивный характеръ. Но и здѣсь его шутка, въ сущности, безобидна, и урокъ,

полученный судьей, до известной степени заслуженъ имъ. Во всѣхъ-же остальныхъ сценахъ Фальстафъ — олицетворенное добродушіе. Не даромъ нашъ поэтъ сохранилъ за нимъ обликъ «толстаго» рыцаря: толстяки, по Шекспиру, всегда добродушны. Вспомнимъ Юлія Цезаря, не довѣряющаго сухощавому Кассію; онъ желалъ бы, чтобы его окружали одни тучные люди, они добродушнѣе и неспособны къ злобѣ.

443

Таковъ и Фальстафъ. Онъ трунить надъ другими и нисколько не обижается, а напротивъ даже радъ, когда надъ нимъ трунять. «Я не только самъ остроумень, заявляетъ онъ не безъ справедливой гордости, но и причина тому, что другіе остроумны» (2 ч. I, 2). Когда онъ сытъ и вина у него вдоволь, то онъ вполне доволенъ, и остроуміе его создаетъ атмосферу, въ которой и другимъ дышется свободно и весело. Онъ сознаетъ за собой много грѣховъ, но нравственную отвѣтственность за нихъ несетъ не онъ — Боже сохрани! — а тѣ, которые довели его до этого. Онъ, бѣдный, палъ безвинной жертвой соблазна. «Ты много передо мною виноватъ, говоритъ онъ со вздохомъ принцу (1 ч. I, 2), да прости тебѣ Господь! До знакомства съ тобой я былъ невиненъ какъ младенецъ, а теперь я, по правдѣ сказать, не лучше ни одного изъ безбожниковъ. Мнѣ надо отказаться отъ этой грѣховной жизни, и я откажусь. Ей Богу, ни изъ-за какого принца въ мірѣ я не хочу попасть въ адъ!»

Его толстая фигура не результатъ обжорливости и пьянства, о нѣтъ! «Чортъ поberi заботы и вздохи! они раздуваютъ человѣка словно кишку» (1 ч. II, 4).

Онъ вѣчно молодъ. «Мы, молодежь», говоритъ онъ про себя въ разговорѣ съ судьей (2 ч. I, 2); а когда послѣдній, не понявъ шутки, начинаетъ серьезно доказывать ему, что онъ старъ, то Фальстафъ, также сохраняя серьезный тонъ, побѣдоносно доказываетъ противное: «Сударь я родился въ 3 часа пополудни, съ сѣдой головой и какъ-бы толстымъ брюхомъ. Что касается моего голоса, то я его испортилъ громкимъ пѣніемъ на клиросѣ. Я не стану приводить вамъ другихъ доказательствъ моей молодости, но правда та, что я старъ только сужденіями и умомъ».

Онъ правъ; такіе люди, какъ онъ, старости не знаютъ. Ихъ вѣчная молодость плещется въ веселіи, какъ рыба въ водѣ, и выходитъ побѣдителемъ изъ любого положенія, въ которомъ потерялась бы менѣе изворотливая старость. Развѣ не побѣда надъ всѣми житейскими невзгодами — мирный сонъ праведника, которымъ онъ засыпаетъ, спрятанный за занавѣской, въ тотъ самый моментъ, когда за нимъ приходитъ шерифъ, чтобы арестовать его за открытый грабежъ (1 ч. II, 4)? Развѣ онъ не выходитъ триумфаторомъ изъ труднаго положенія, когда принцъ, въ той-же сценѣ, уличаетъ его въ наглой лжи по поводу ночного нападенія? Число враговъ, съ которыми ему, храброму Фальстафу, пришлось справляться, все растетъ. Сначала ихъ было двое, теперь уже четверо. «Такъ вотъ, эти четыре въ рядъ одновременно напали на меня. Не долго думая, я отпарировалъ ихъ семь шпагъ — вотъ такъ!» — «Какъ семь? говоритъ, смѣясь, принцъ: да вѣдь ихъ только что было четверо?» «Ну да, въ парусинномъ платьѣ», невиннымъ тономъ отвѣчаетъ Фальстафъ, словно не понимая вопроса принца. Наконецъ, онъ прижатъ къ стѣнѣ, принцъ раскрываетъ свои карты и возстановляетъ истину. Но если онъ рассчитывалъ смутить Фальстафа этимъ и

заставить его сознаться во лжи и трусости, то онъ ошибся: одно мгновеніе ока — и изворотливость его нашла и здѣсь выходъ. «Клянусь небомъ, говоритъ онъ спокойно, я узналъ васъ, узналъ какъ родной отецъ. Скажите, друзья мои, развѣ мнѣ подобало убить наслѣдника престола? Развѣ я могъ возстать на истиннаго принца? Ты знаешь, я храбръ какъ Геркулесъ; но вспомни объ инстинктѣ: левъ никогда не тронетъ настоящаго принца. Инстинктъ — великое дѣло. Я былъ трусомъ изъ инстинкта». Никто ему, конечно, не вѣритъ. Но это ему безразлично; важно то, что всѣ смѣются — и миръ возстановленъ.

Дѣйствительно, трусомъ Фальстафа, строго говоря, назвать нельзя. Въ сценѣ грабежа ему какъ-то не по себѣ, словно школьнику, попавшему въ неладное дѣло; быть побитымъ онъ не желаетъ. Но вѣсть о предстоящей войнѣ его нисколько не смущаетъ. Онъ хладнокровно отправляется въ походъ, хотя легко могъ бы остаться и дома. Онъ увѣренъ въ себѣ и знаетъ, что хладнокровіе и полная свобода духа не покинутъ его и на полѣ битвы. И онъ правъ. Спокойно-самоувѣренно вмѣшивается онъ въ разговоры сильныхъ міра сего (1 ч. V, 1); въ столкновеніи съ страшнымъ Дугласомъ, побѣдителемъ оказывается не послѣдній, а Фальстафъ, въ надлежащій моментъ представившійся убитымъ. «Лучшая часть храбрости — осторожность, и при помощи этой части я спасъ свою жизнь» (1 ч. V, 4). И веселая наглость, съ которой онъ приписываетъ себѣ смерть Перси, дѣлаетъ его однимъ изъ героевъ дня.

Есть, однако, еще черта въ обликѣ Фальстафа, которой мы коснулись пока лишь мимоходомъ. Это — его весьма сомнительная честность. Онъ откровенно сознается, что обирание чужихъ кармановъ — его профессія (1 ч. I, 2). Но на первыхъ порахъ эта

444

черта какъ бы скрашена добродушнымъ веселіемъ; она не выступаетъ такъ рѣзко, какъ во второй части «Генриха IV» и въ особенности въ «Виндзорскихъ проказницахъ». Выносишь впечатлѣніе, словно грабежъ близъ Гедсгилы — шутка, придуманная только для увеселенія принца и всей честной компаніи. Уже приготовленія къ нему до нельзя комичны. Фальстафъ хочетъ, чтобы «настоящій принцъ, ради веселія, сдѣлался мнимымъ воромъ, такъ какъ жалкія злоупотребленія нашего времени нуждаются въ исправленіи (1 ч. I, 2)». Упрекъ, съ которымъ Фальстафъ обращается къ принцу, когда тотъ отказывается принять участіе въ предпріятіи: «Нѣтъ въ тебѣ честности, нѣтъ мужества, и настоящаго товарищества въ тебѣ нѣтъ; и не отъ царской крови производишь ты, коли у тебя не хватаетъ духа протянуть руку за нѣсколькими “кронами”!»; комическій возгласъ его, когда онъ узнаетъ, что путешественниковъ «штукъ восемь или десять», а ихъ, грабителей, всего шесть: «Чортъ возьми, а что если не мы ихъ, а они насъ оберутъ?» его брань, когда, отнявъ у него коня, его заставляютъ идти пѣшкомъ; его обращеніе къ путникамъ: «Бейте ихъ! Сломайте негодьямъ шею! они ненавидятъ насъ, молодыхъ! оберите ихъ! Мы, молодежь, тоже хотимъ жить!» — все это смягчаетъ грубость сцены. А когда читатель узнаетъ, что принцъ вернулъ ограбленнымъ ихъ имущество (1 ч. III, 3), то онъ окончательно мирится съ фактомъ и готовъ видѣть во всемъ этомъ веселую шутку.

Но мало по малу краски сгущаются. Еще в первой части «Генриха IV», отправляясь в поход, Фальстаф, как он сам сознается, грубо злоупотребил королевским указом о рекрутском наборе, набрав, вместо 150 солдат — триста с лишним фунтов стерлингов, и тут же поясняет, как ему это удалось: он видите-ли, забирал только богатых землевладельцев, сыновей зажиточных фермеров, давно помолвленных холостяков накануне свадьбы, одним словом — «все народ, который так же охотно услышал бы голос дьявола, как звук барабана». Все они, конечно, успели откупиться от службы, и теперь у него, вместо настоящих солдат, 150 оборванцев, таких, что прохожий шутник спросил его, не снял ли он их со всех вислиц Англии. «В моей рот всего полторы рубахи; из них та, что представляет половинку, сшита из двух салфеток, накинута на плечи, как мантия без рукавов; а цѣльная рубаха, по правде сказать, сворована у трактирного хозяина в Сент-Альбанс или у красноносаго цѣловальника в Дэвентри» (1 ч. IV, 2). Ему немножко стыдно своих солдат и он не хочет пройти с ними по улицам Ковентри, но он весело вступает за них, когда принц и граф Вестморленд находят их вид слишком «нищенским». «Их бедность — право не знаю, откуда она у них; а что касается голодного их вида, то я уверяю, что не у меня они его переняли».

Но чем дальше, тем хуже. Фальстаф чувствует, что принц, под влиянием других, более серьезных интересов и забот, начинает чуждаться его. Жизнь становится серьезнее; он причислен к войску принца Джона Ланкастерского, который шутить не любит. Фальстаф предоставлен самому себе; ему приходится бороться за существование и напрягать все силы своего ума, чтобы удержаться на высоте. Сверховым судьей он справляется легко (см. выше); но денег нет — и начинается прежний маневр, взятки с новобранцев, на этот раз на наших глазах (2 ч. III, 2); сцена уже не скрашивается добродушными шутками Фальстафа, а выступает во всей наготу своей наглой безцеремонности. Глупостью мистера Шелло он пользуется для того, чтобы занять у него 1000 фунтов, хотя он отлично знает, что он их ему никогда не вернет. Разсуждения его в этом пункте чрезвычайно просты: «Если мелкая рыба на то и создана, чтобы служить приманкой для старой щуки, то я, по законам природы, не вижу причины, почему мне не проглотить его!» (2 ч. III, 2). Остроумие и ирония, направленная против самого себя, не покидают его и в момент первого горького разочарования, когда молодой король демонстративно, перед всем народом, отказывается от него. Но ирония принимает здесь оттенок горечи, которого до этого в шутках Фальстафа не замечалось: «Мистер Шелло, я вам должен 1000 фунтов!» «Впрочем, вы этим не огорчайтесь», продолжает он тут же, несколько оправившись от удара, «меня позовут к нему тайком; он, видите-ли, должен был напустить на себя этот вид перед людьми» (2 ч. V, 5).

Увы! Король Генрих его к себе не вызовет, и Фальстаф сам отлично понимает, что этому не бывать.

Въ «Виндзорскихъ проказницахъ» передъ нами, строго говоря, другой типъ. Все, что скрашивало и смягчало темныя стороны его — исчезло здѣсь совершенно. Осталась только оборотная сторона медали: наглое нахальство, грубый расчетъ на чужой карманъ при помощи омерзительно-гнуснаго маневра. И прибавилось нѣчто, чего въ Фальстафѣ «Генриха IV» не было вовсе: полное непониманіе людей, какое-то ослѣпленіе, дѣлающее его способнымъ вѣрить въ двойную побѣду надъ женскими сердцами. И это Фальстафъ, который такъ добродушно смѣялся надъ своимъ толстымъ брюхомъ и сѣдыми волосами!... Ловушка, которую ему ставятъ, до-нельзя груба — и онъ попадаетъ въ нее трижды. Онъ вѣритъ въ фей, онъ говоритъ о «сознаніи своей вины» (V, 5) и, наконецъ, ошеломленный и одураченный, беспомощно опускаетъ руки: «Дѣлайте со мной, что хотите!»

Это-ли Фальстафъ?!

Выше мы пытались выяснитъ, почему съ нимъ произошла эта перемѣна. «Виндзорскія проказницы» ничего положительнаго къ типу Фальстафа не прибавляютъ, а лишь унижаютъ и ослабляютъ его. Не будь «Генриха IV», имя Фальстафа было бы только именемъ одной изъ многочисленныхъ карриатуръ, наполняющихъ собой комическій театръ всѣхъ народовъ, своего рода Плавтовскій «miles gloriosus» въ новомъ изданіи, лишь нѣсколько лучше отдѣланный и болѣе остроумный, чѣмъ донъ Адриано де-Армадо и Пароль Шекспира-же.

Если, тѣмъ не менѣе, «Виндзорскія проказницы» занимаютъ въ ряду произведеній нашего поэта болѣе видное мѣсто, чѣмъ «Безплодныя усилія любви», то дѣло тутъ не въ Фальстафѣ, а въ бойкой интригѣ съ одной стороны, и въ главной прелести нашей комедіи — въ живыхъ бытовыхъ картинкахъ, которыя она рисуетъ, — съ другой.

Ө. Браунъ.

446

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Фентонъ.

Шэлло (Пустозвонъ), мировой судья.

Слендеръ, его кузень.

Фордъ }
 } виндзорскіе жители.

Пэдждъ }
 } виндзорскіе жители.

Вильямъ Пэдждъ, малолѣтній сынъ Пэджда.

Сэръ Гугъ Эвансъ, пасторъ.

Докторъ Каюсъ, французскій врачъ.

Хозяинъ гостиницы Подвязки.

Бардольфъ }
 } спутники Фальстафа.

Пистоль }
 } спутники Фальстафа.

Нимъ }
 } спутники Фальстафа.

Робинъ, пажъ Фальстафа.

Сэмпль, слуга Слендера.
Регби, слуга доктора Каюса.
Мистриссъ Фордъ.
Мистриссъ Пэджъ.
Миссъ Анна Пэджъ, ея дочь.
Мистриссъ Квикли, служанка доктора Каюса.

Мѣсто дѣйствія — Виндзоръ и его окрестности.

447

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Виндзоръ. Передъ домомъ Пэджа.

Входятъ судья Шэлло, Слендеръ и сэръ Гугъ Эвансъ.

Шэлло. И не просите меня, сэръ Гугъ: это напрасно. Я перенесу это дѣло въ Звѣздную Палату. Будь онъ хоть двадцать разъ сэръ Джонъ Фальстафъ, ему не удастся дурачить сэра Роберта Шэлло, эсквайра...

Слендеръ. Графства Глостерскаго, мирового судью и *coram*.

Шэлло. Да, Слендеръ — и *Cust-alorum*.

Слендеръ. И, сверхъ того, еще *ratologum*; дворянина *родовитаго*, господинъ пасторъ — дворянина, который подписывается *armigero*; да-съ, на всѣхъ запискахъ, повѣсткахъ, квитанціяхъ и обязательствахъ — *armigero*.

Шэлло. Да, это правда. Такъ подписываемся мы уже триста лѣтъ сряду.

Слендеръ. Всѣ его потомки, скончавшіеся прежде его, поступали такъ, и всѣ его предки, которые народятся послѣ него, могутъ поступать точно такъ же. Они будутъ имѣть право носить на своей рыцарской мантии двѣнадцать бѣлыхъ *ковшей*.

Шэлло. Это старая мантия.

Эвансъ. Двѣнадцать бѣлыхъ *вшей* — очень идутъ къ старой мантии. Это животныя близкія къ человѣку, и означаютъ — любовь.

Шэлло. Изъ *ковшей* пьютъ воду, а для *вшей* вода не нужна⁴.

Слендеръ. Могу я, кузень, взять и себѣ четверть этой мантии?

Шэлло. Можешь, сочетавшись бракомъ.

Эвансъ (*къ Шэлло*). Поступитъ ваша мантия въ бракъ, если это сдѣлается.

Шэлло. Нисколько.

Эвансъ. Непремѣнно! Если онъ возьметъ четверть вашей мантии, у васъ останется всего три четверти — по моему простому расчету. Но это все равно; оставимъ это. Если сэръ Джонъ Фальстафъ неприлично поступилъ съ вами, то я, какъ

служитель церкви, за удовольствіе сочту приложить усилія къ тому, дабы учинить между вами соглашеніе и взаимное благорасположеніе.

Шэлло. Государственный Совѣтъ узнаеть объ этомъ. Это бунтъ.

Эвансъ. Не приличествуетъ Совѣту узнавать о бунтѣ: въ бунтѣ нѣтъ страха божія. Совѣтъ, видите ли, желаетъ слышать о страхѣ божіемъ и не желаетъ слышать о бунтѣ. Примите сіе въ соображеніе.

448

Шэлло. О, чортъ побери, помолодѣй я теперь снова — мечъ покончилъ бы это дѣло.

Эвансъ. Лучше, чтобъ мечомъ были друзья и чтобъ они это покончили. И притомъ — въ разумѣ моемъ возникаетъ еще иное соображеніе, которое, быть можетъ, повлечетъ за собою хорошія послѣдствія. Извѣстна вамъ Анна Пэдждъ, дочь Томаса Пэджа, прекраснѣйшая дѣвственница?

Слендеръ. Анна Пэдждъ? У нея темно-каштановые волосы, и говоритъ она тоненькимъ женскимъ голоскомъ.

Эвансъ. Она то и есть та самая особа, какой только вы могли бы пожелать во всемъ свѣтѣ. И — сверхъ того — семьсотъ фунтовъ деньгами, и много золота и серебра оставлено ей дѣдомъ на смертномъ одрѣ — да пошлетъ ему Господь радостное воскресеніе! — съ тѣмъ, чтобы она получила ихъ, когда достигнетъ возможности имѣть семнадцать лѣтъ. Вотъ я и полагаю, что мы поступили бы хорошо, если бы оставили наши ссоры и раздоры, и уладили бракосочетаніе между мистеромъ Авраамомъ и миссъ Анною Пэдждъ.

Шэлло. Такъ ея дѣдъ завѣщалъ ей семьсотъ фунтовъ?

Эвансъ. Да, а отецъ оставитъ и получше сумму.

Слендеръ. Я знаю эту молодую дѣвушку: у нея хорошія качества.

Эвансъ. Семьсотъ фунтовъ и возможность имѣть еще больше — качества недурныя.

Шэлло. Ну, быть по вашему — отправимся къ почтенному мистеру Пэджу. А Фальстафъ тамъ?

Эвансъ. Солгать ли вамъ? Но я презираю ложь, какъ презираю все, что лживо, или какъ презираю все, что не правда. Сэръ Джонъ тамъ; но я умоляю васъ слѣдовать совѣтамъ вашихъ доброжелателей. Сейчасъ постучусь въ дверь мистера Пэджа. (*Стучитъ*). Эй! вы! Благослови Господи внутренность жилища вашего!

Пэдждъ (*за сценой*). Кто тамъ?

Входитъ Пэдждъ.

Эвансъ. Вы видите передъ собою благословеніе Господне, вашего благопріятеля, судью Шэлло, и юнаго Слендера, который, можетъ быть, расскажетъ вамъ другую исторію, ежели она придется по вкусу вамъ.

Пэдждъ. Очень радъ видѣть васъ, господа въ добромъ здоровьи. Мистеръ Шэлло, благодарю васъ за дичь.

Шэлло. Мистеръ Пэдждъ, мнѣ весьма пріятно видѣть васъ. Кушайте ее на здоровье, хотя, признаться, она не такъ хороша, какъ бы мнѣ хотѣлось: дурно подстрѣлена. Какъ поживаетъ добрѣйшая мистриссъ Пэдждъ? Я преданъ вамъ всей душой, видитъ Богъ, всей душой.

Пэдждъ. Покорнѣйше благодарю.

Шэлло. Это я васъ благодарю; право же, я благодарю.

Пэдждъ. Добрѣйшій мистеръ Слендеръ, мнѣ весьма пріятно видѣть васъ.

Слендеръ. Какъ поживаетъ ваша рыжая борзая? Сказывали мнѣ, что въ Котзелѣ ее обогнали.

Пэдждъ. Дѣло это осталось нерѣшеннымъ.

Слендеръ. Полноте, вы не хотите сознаться, не хотите сознаться.

Шэлло. Конечно, не хочеть. Жаль, что такъ случилось. А собака хорошая.

Пэдждъ. Дрянъ собака.

Шэлло. Нѣтъ-съ, хорошая собака и красивая собака. Можно ли сказать что-нибудь больше этого? Хорошая и красивая. Сэръ Джонъ Фальстафъ у васъ?

Пэдждъ. У меня, сэръ — и мнѣ бы очень хотѣлось уладить вашу ссору.

Эвансъ. Сказано, какъ подобаеть христіанину.

Шэлло. Онъ оскорбилъ меня, мистеръ Пэдждъ.

Пэдждъ. Сэръ, онъ отчасти самъ сознается въ этомъ.

Шэлло. Сознаться еще не значитъ расквитаться; такъ ли я говорю, мистеръ Пэдждъ? Онъ оскорбилъ меня, какъ есть оскорбилъ, въ полномъ смыслѣ слова оскорбилъ — ужъ повѣрьте, Робертъ Шэлло, эсквайръ, говоритъ вамъ, что онъ оскорбленъ.

Пэдждъ. Вотъ и сэръ Джонъ.

Входятъ Фальстафъ, Бардольфъ, Нимъ и Пистоль.

Фальстафъ. Ну-съ, мистеръ Шэлло, такъ вы собираетесь пожаловаться на меня королю?

Шэлло. Сэръ, вы избили мою прислугу, застрѣлили моего оленя и выломали дверь въ моемъ охотничьемъ домикѣ.

Фальстафъ. Но не цѣловаль дочери вашего лѣсничаго?

Шэлло. Ну, да что тамъ! Вы отвѣтите за такіе поступки.

Фальстафъ. Отвѣчу, даже сейчасъ: все это я сдѣлалъ. Вотъ и отвѣтилъ.

449

Шэлло. Совѣтъ узнаеть объ этомъ.

Фальстафъ. Для васъ было бы лучше, если бъ вы послушались моего совѣта — не говорить объ этомъ тому Совѣту; а то вѣдь васъ осмѣютъ.

Эвансъ. Рауса verba, сэръ Джонъ, добрыя слова. О, *словъ* добрыхъ на свѣтъ немного!

Фальстафъ. *Ословъ*-то добрыхъ немного! Полноте! Слендеръ, я сѣздилъ васъ по головѣ: что же вы имѣете противъ меня?

Слендеръ. О, чортъ возьми, въ этой головѣ много противъ васъ и противъ вашихъ негодныхъ соглядатаевъ, Бардольфа, Нима и Пистоля. Они затащили меня въ кабакъ, напоили, да и очистили мои карманы.

Бардольфъ. Ахъ, ты бенбургскій сыръ!

Слендеръ. Хорошо, хорошо, ругайся!

Пистоль. Ты что это расходился, Мефистофель?

Слендеръ. Ругайся, ругайся!

Нимъ. Къ чорту его! рауса, рауса! къ чорту — вотъ и все!

Слендеръ. Гдѣ мой слуга, Сэмпль? Не знаете ли, кузень?

Эвансъ. Покорнѣйше прошу васъ успокоиться. Приступимъ къ соглашенію. Сколько я могу уразумѣть, въ семь дѣлъ три посредника: мистеръ Пэдждъ — fidelicet мистеръ Пэдждъ; затѣмъ я самъ — fidelicet, я самъ, и третій, послѣдній и окончательный — хозяинъ гостиницы Подвязки.

Пэдждъ. Да, насъ трое готовыхъ выслушать дѣло и все уладить между ними.

Эвансъ. Очень хорошо. Я занесу это въ мою записную книжку — и вслѣдъ за симъ приступимъ къ разбирательству дѣла со всевозможнымъ безпристрастіемъ.

Фальстафъ. Пистоль!

Пистоль. Онъ слушаетъ ушами.

Эвансъ. Что за чертовщина такая — «онъ слушаетъ ушами»? Развѣ такъ говорятъ? Вычурно и неестественно.

Фальстафъ. Пистоль, ты очистилъ кошелекъ мистера Слендера?

Слендеръ. Очистилъ, очистилъ, кля-

450

нусь этими перчатками. Не войди я никогда въ мою собственную большую комнату, если это неправда! Семь гротовъ онъ стащилъ у меня — семь гротовъ шестипенсовою монетой, да еще два эдуардовскіе шиллинга, которые я купилъ у Эди Миллера по два шиллинга и два пенса за каждый. Клянусь этими перчатками, стащилъ!

Фальстафъ. Это правда, Пистоль?

Эвансъ. Нѣтъ, если было воровство, то это не правда, а обманъ.

Пистоль.

Ахъ, ты, пришелецъ изъ горъ!

(Фальстафу). Мой господинъ,

Сэръ Джонъ, зову на бой я эту саблю

Жестяную. (Слендеру). Кидаю въ носъ тебѣ

Я слово возраженья; это слово:

Ты лжешь, нагаръ и пѣнистая грязь!

Слендеръ. (указывая на Нима). Ну, такъ вотъ этотъ, клянусь моими перчатками.

Нимъ. Поосторожнѣе, сэръ: оставьте эти шуточки. Коли вы натравите на меня ваши глупыя остроты, такъ вѣдь я скажу вамъ: «пилъ — съѣшь самъ!» Поняли?

Слендеръ. Ну, такъ это сдѣлала вонъ та красная рожа — клянусь моею шапкой. Я хоть и не помню, что дѣлалъ, когда вы напоили меня пьянымъ, но все-таки не совсѣмъ же я осель.

Фальстафъ. Что скажешь ты на это, Джонъ Румяный?

Бардольфъ. Да что сказать? скажу, что сей джентельмень упился въ это время такъ, что лишился своихъ пяти чувствованій.

Эвансъ. То-есть пяти чувствъ. Фу, какое нѣвѣжество!

Бардольфъ. А нарѣзавшись, онъ, какъ говорится, свалился подъ столъ — и вотъ такимъ-то образомъ, мало по малу, совсѣмъ одурѣлъ.

Слендеръ. Да, вы и въ то время говорили по латыни; но не въ томъ дѣло. Послѣ такой штуки, я никогда въ жизни не буду пьянствовать иначе, какъ въ честной, благовоспитанной и доброй компаніи. Коли захочется мнѣ пить, буду пить только съ тѣми, въ комъ есть страхъ божій, а ужъ никакъ не съ мерзкими пьяницами.

Эвансъ. Добродѣтельное намѣреніе, суди меня Богъ!

Фальстафъ. Вы слышите, господа, что всѣ показанія опровергаются? вы это слышите?

Входитъ Анна Пэджъ съ виномъ, за нею мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэджъ.

Пэджъ. Нѣтъ, дочка, неси вино въ комнату, мы будемъ пить тамъ. (*Анна уходитъ*).

Слендеръ. О, небо: это миссъ Анна Пэджъ!

Пэджъ. Какъ ваше здоровье, мистриссъ Фордъ?

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ, честное слово, мнѣ весьма пріятно васъ видѣть. Съ вашего позволенія, почтенная мистриссъ! (*Цѣлуетъ ее*).

Пэджъ. Жена, проси къ намъ этихъ джентельменовъ. Пожалуйста; мы угостимъ васъ за обѣдомъ горячимъ пастетомъ изъ дичи. Прошу, господа. Я надѣюсь, что мы утопимъ въ винѣ всѣ непріятности.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Шэлло, Слендера и Эванса).

Слендеръ. Я далъ бы теперь сорокъ шиллинговъ, если бы могъ получить мою книгу пѣсенъ и сонетовъ.

Входитъ Сэмплъ.

Слендеръ. Наконецъ-то! Гдѣ это ты пропадалъ? Ужъ не долженъ ли я, по твоему, самъ себѣ прислуживать? Гдѣ моя «Книга Загадокъ»? — при тебѣ, что ли?

Сэмплъ. «Книга Загадокъ»? Да, вѣдь вы же сами изволили одолжить ее Алисъ Шорткекъ въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, за двѣ недѣли до Михайлова дня.

Шэлло. Пойдемъ, пойдемъ, кузень — мы ждемъ тебя. Только вотъ еще одно слово, кузень: знаешь, сэръ Гугъ сдѣлалъ издалека, обинякомъ, предложеніе, нѣчто въ родѣ предложенія. Понимаешь ты меня?

Слендеръ. Да, сэръ, понимаю, и вы увидите мое благоразуміе. Если это такъ, то я буду дѣлать все, что требуется благоразуміемъ.

Шэлло. Да ты прежде пойми меня.

Слендеръ. Я это и дѣлаю.

Эвансъ. Внемлите его внушеніямъ, мистеръ Слендеръ. Я составлю вамъ обзорѣніе этого дѣла, если вы способны вникнуть въ оное.

Слендеръ. Нѣтъ, я поступлю, какъ скажетъ кузень Шэлло — ужъ вы меня простите: онъ мировой судья въ графствѣ, а я, вѣдь, простой смертный.

Эвансъ. Но совсѣмъ не въ этомъ дѣло; рѣчь идетъ о вашей женитьбѣ.

Шэлло. Да, именно въ этомъ дѣло, сэръ.

Эвансъ. Собственно въ этомъ — о женитьбѣ на миссъ Аннѣ Пэдждъ.

Слендеръ. Что жъ, если это такъ, я

452

готовъ вступить въ бракъ на всякихъ благоразумныхъ условіяхъ.

Эвансъ. Но можете ли вы питать привязанность къ сей дѣвицѣ? Позвольте намъ услышать это изъ вашихъ устъ, или изъ вашихъ губъ, ибо нѣкоторые философы утверждаютъ, что губы суть частица устъ. И такъ объясните съ точностью, можете ли перенести свое благорасположеніе на сію дѣвицу?

Шэлло. Кузень Авраамъ Слендеръ, можешь ты любить ее?

Слендеръ. Надѣюсь, сэръ; по крайней-мѣрѣ, сдѣлаю для этого все, что слѣдуетъ дѣлать благоразумному человѣку.

Эвансъ. Нѣтъ, клянусь Богомъ и его ангелами, это все не то; вы должны отвѣчать положительно, можете ли отдать ей всю вашу любовь?

Шэлло. Да, ты долженъ отвѣчать положительно. Хочешь жениться на ней и взять хорошее приданое?

Слендеръ. Я сдѣлаю и больше этого, кузень, если вы того потребуете.

Шэлло. Нѣтъ, ты пойми, пойми меня, любезный племянникъ. Вѣдь, если я дѣлаю что, такъ только для твоего же удовольствія. Можешь ты любить эту дѣвицу?

Слендеръ. Я женюсь на ней, если вы этого желаете. Въ началѣ любовь, можетъ быть, будетъ и не очень велика, но потомъ, когда мы ближе познакомимся, женимся и покороче узнаемъ другъ друга — она, съ божьей помощью, можетъ и уменьшиться. Надѣюсь, что по мѣрѣ сближенія будетъ увеличиваться и взаимное нерасположеніе. Но если вы скажете: «женись на ней» — я женюсь. На это я рѣшился добровольно и необдуманно.

Эвансъ. Весьма разумный отвѣтъ, за исключеніемъ слова «необдуманно», ибо нельзя сказать «рѣшился необдуманно». Вы, вѣрно, хотѣли сказать: «обдуманно». Во всякомъ случаѣ, намѣреніе прекрасное.

Шэлло. Да, полагаю, что у него честныя намѣренія.

Слендеръ. Конечно — и пусть меня повѣсятъ, если я лгу.

Шэлло. Вотъ и наша красавица, миссъ Анна!

Входитъ Анна Пэдждъ.

Шэлло. Видя васъ, миссъ Анна, я жалѣю, что не могу помолодѣть.

Анна. Обѣдь на столѣ; батюшка проситъ васъ пожаловать.

Шэлло. Я иду къ нему, прекрасная миссъ Анна!

Эвансъ. Господи помилуй! Я тоже поспѣшу, чтобы не пропустить предобѣденной молитвы. (*Шэлло и Эвансъ уходятъ*).

Анна. Не угодно ли и вамъ пожаловать?

Слендеръ. Нѣтъ, благодарю васъ, повѣрьте честному слову, отъ всего сердца благодарю; мнѣ очень хорошо.

Анна. Обѣдъ ждетъ васъ.

Слендеръ. Я не голодень: благодарю васъ, честное слово. (*Сэмиллю*). Ты, какъ мой слуга, ступай прислуживать моему кузену Шэлло. (*Сэмилль уходитъ*). И мировой судья можетъ быть иногда благодаренъ своему другу за слугу. Теперь, пока еще моя мать жива, я держу только трехъ лакеевъ да одного мальчика. Но что жъ такое? я все-таки живу, какъ бѣдный, родовитый дворянинъ.

Анна. Я не могу вернуться домой безъ васъ. Пока вы не придете, не сядутъ за обѣдъ.

Слендеръ. Ей-богу, мнѣ рѣшительно не хочется ѣсть; благодарю васъ точно такъ же, какъ будто я и поѣлъ.

Анна. Пожалуйста, пойдете.

Слендеръ. Право, благодарю васъ; я лучше буду прохаживаться здѣсь въ это время. На дняхъ я ушибъ себѣ колѣно, фехтуя на сабляхъ и шпагахъ съ учителемъ фехтованія; условіе у насъ было — три удара за блюдо варенаго чернослива, и, клянусь вамъ честью, съ тѣхъ поръ я не могу выносить запахъ горячаго кушанья. Чего это ваши собаки такъ лаютъ? Не водятъ ли по городу медвѣдей?

Анна. Кажется — да; такъ я, по крайней мѣрѣ, слышала.

Слендеръ. Очень мнѣ нравится это увеселеніе, и никто въ Англіи не держитъ пари при этомъ такъ горячо, какъ я. А вы, я думаю, пугаетесь, когда видите спущеннаго медвѣдя?

Анна. Очень пугаюсь.

Слендеръ. А мнѣ такъ не давай ѣсть и пить, только показывай ихъ. Спущеннаго Секерсона я видѣлъ разъ двадцать и даже за цѣпь трогалъ; но если бъ вы слышали, какъ женщины кричали и визжали при этомъ — просто страсть, честное слово! Впрочемъ, дѣйствительно, для женщинъ медвѣди невыносимы; это такія грубыя, неблаговоспитанныя животныя.

Входитъ Пэдждъ.

Пэдждъ. Пожалуйста, любезнѣйшій Слендеръ, пожалуйста: мы всѣ ждемъ васъ.

Слендеръ. Мнѣ рѣшительно не хочется ѣсть; покорнѣйше васъ благодарю.

453

Пэдждъ. Нѣтъ ужъ, чортъ возьми, я не позволю вамъ распорядиться въ этомъ случаѣ. Пожалуйста, пожалуйста!

Слендеръ. Нѣчего дѣлать — прошу васъ идти впередъ.

Пэдждъ. Извольте идти вы, я слѣдую за вами.

Слендеръ. Миссъ Анна, вамъ слѣдуетъ идти первой.

Анна. Нѣтъ, пожалуйста, проходите вы.

Слендеръ. Нѣтъ-съ, ни за что: я никакъ не рѣшусь нанести вамъ это оскорбленіе.

Анна. Пожалуйста, сэръ.

Слендеръ. Нечего дѣлать, я буду лучше невѣжливъ, чѣмъ надоѣдливъ. Вы сами себя оскорбляете — право такъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ и Сэмплъ.

Эвансъ. Ступай и узнай, какъ пройти къ дому доктора Каюса. Тамъ живетъ мистриссъ Квикли. Она у доктора что-то въ родѣ его няньки, или его сидѣлка, или кухарка, или прачка, швея — что-то такое, однимъ словомъ.

Сэмплъ. Слушаю-съ.

Эвансъ. Нѣтъ, вотъ что будетъ еще лучше: отдай ей это письмо, потому что эта женщина давно знакома съ миссъ Анною Пэдждъ. А въ письмѣ ее просятъ содѣйствовать твоему господину въ сватовствѣ его къ миссъ Пэдждъ. Ступай же, пожалуйста, поскорѣе, а я пойду кончать обѣдъ; остались еще яблоки и сыръ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ, хозяинъ гостиницы, Бардольфъ, Нимъ, Пистоль и Ровинъ.

Фальстафъ. Почтеннѣйшій хозяинъ Подвязки!

Хозяинъ. Что скажетъ мой плутъ-забѣяка? Говори учено и умно.

Фальстафъ. Вотъ что, мой хозяинъ: я долженъ уволить кое-кого изъ моей свиты.

Хозяинъ. Увольняй, буйный Геркулесь, спроваживай. Пусть проваливаются рысцой, рысцой!

Фальстафъ. Я истрачиваю здѣсь по десяти фунтовъ въ недѣлю.

Хозяинъ. Ты императоръ, цезарь и кесарь! Бардольфа я возьму къ себѣ: онъ будетъ цѣдить и разливать вино. По сердцу ли тебѣ мои слова, свирѣпый Гекторъ?

Фальстафъ. Сдѣлай это, мой добрый хозяинъ.

Хозяинъ. Сказаль, такъ и кончено. Вели ему слѣдовать за мною. (*Бардольфу*).
Посмотримъ, какъ ты умѣешь пѣнить вино. Я слова своего не мѣняю. Ступай за мной.
(*Уходитъ*).

Фальстафъ. Бардольфъ иди за нимъ. Подносчикомъ быть не дурно. Изъ стараго плаща выходитъ новый камзолъ; поношенный слуга превращается въ свѣжаго подносчика. Ну, иди; прощай.

Бардольфъ. Этой жизни я всегда желаль; теперь мои дѣла пойдуть отлично.

Пистоль. О, низкій цыганъ! Такъ ты желаешь управлять краномъ?

(*Бардольфъ уходитъ*).

Нимъ. Онъ былъ зачатъ во хмелю. Какова острота? а? Въ немъ нѣтъ ничего геройскаго — въ этомъ и вся штука.

Фальстафъ. Я радъ, что спустилъ отъ себя этотъ ящикъ съ трупомъ. Его воровство было ужъ слишкомъ открытое; въ своихъ мошенническихъ продѣлкахъ онъ былъ похожъ на дурного пѣвца: не зналъ мѣры и такта.

Нимъ. Талантливый воръ крадетъ всегда съ паузами.

Пистоль. «Крадетъ!» экое глупое слово! Мудрый человѣкъ сказалъ бы: «перемѣщаетъ».

Фальстафъ. Все это хорошо, господа; но дѣло вотъ въ чемъ: я остался почти безъ сапогъ.

Пистоль. Въ такомъ случаѣ, берегись отморозить ноги.

Фальстафъ. Тутъ ужъ нечего дѣлать: приходится приняться за надувательство, приходится подыматься на разныя выдумки.

Пистоль. Молодые воронята должны же имѣть пищу.

Фальстафъ. Кто изъ васъ знаетъ здѣсь въ городѣ Форда?

Пистоль. Я его знаю: парень здоровый.

Фальстафъ. Честные друзья мои, я хочу сказать вамъ, что теперь во мнѣ...

Пистоль. Два ярда, да пожалуй и больше въ обхватѣ.

Фальстафъ. Полно, Пистоль, теперь не до остротъ! Правда, въ окружности я

454

имѣю два ярда, но теперь меня занимаетъ не убавка, а прибавка. Однимъ словомъ, имѣю я намѣреніе поиграть въ любовь съ женою этого Форда; чую носомъ благорасположеніе ея ко мнѣ. Она любезничаетъ, заигрываетъ, строитъ глазки. Я уразумѣваю смыслъ этого интимнаго стиля; въ немъ даже самая неблагопріятная для меня фраза означаетъ въ переводѣ на чистый англійскій языкъ: «я вся принадлежу сэру Джону Фальстафу».

Пистоль. Онъ изучилъ ея мысли, и перевелъ ея мысли съ языка непорочности на англійскій.

Нимъ. Якорь брошенъ глубоко. Хороша эта острота?

Фальстафъ. Ну-съ, люди толкуютъ, что кошелекъ мужа вполнѣ въ ея рукахъ, а у него цѣлый легионъ серебряныхъ ангеловъ.

Пистоль. Возьми себѣ въ услуженіе столько же дьяволовъ — и я скажу: «маршъ на нее, дитя мое!»

Нимъ. Остроуміе растетъ. Отлично! Поострите-ка на счетъ ангеловъ!

Фальстафъ. Я написалъ къ ней вотъ это письмо; а вотъ и другое — къ женѣ Пэджа, которая тоже нѣсколько часовъ назадъ дѣлала мнѣ глазки и весьма основательно осматривала всю мою персону. Лучъ ея взглядовъ золотилъ то мою ногу, то мое величественное брюхо.

Пистоль. Стало-быть, солнце кидало свои лучи на кучу навоза.

Нимъ. Благодарю тебя за эту остроту.

Фальстафъ. О, она пробѣгала по моимъ формамъ съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что вождельніе ея взглядовъ сожигало меня точно зажигательное стекло. Вотъ письмо и къ ней; она тоже управляетъ кошелькомъ; она — Гвіана, вся полная золотомъ и щедрости. Я сдѣлаюсь казначеемъ у этихъ барынь, а онѣ будутъ моими казначействами; я найду въ нихъ восточную и западную Индію и поведу торговлю съ обѣими. Такъ вотъ ты отнеси это письмо къ мистриссъ Пэджъ, а ты это къ мистриссъ Фордъ. Расцвѣтемъ мы, дѣти мои, расцвѣтемъ!

Пистоль.

И, значить, я, носящій на бедрѣ

Булатный мечъ, Пандаромъ Трои стану?

Нѣтъ, лучше пусть возьметъ насъ Люциферъ!

Нимъ. Я не хочу участвовать въ гнусной потѣхѣ. Возьми себѣ твое потѣшное письмо. Не желаю портить мою репутацію.

Фальстафъ (*Робину*).

Неси же ты, мальчишка, эти письма

Проворнѣ; несись, какъ мой корабль,

Къ темъ золотымъ странамъ. А вы, мерзавцы,

Вонъ! Къ чорту всѣ! Исчезните, какъ градъ!

Не вѣдайте покоя, пресмыкайтесь,

Пристанища ищите, безпрестанно

Взадъ и впередъ мечитесь! Вонъ сейчасъ!

Фальстафъ духъ времени усвоить — и отлично

Одинъ съ своимъ пажомъ онъ заживетъ практично.

(*Фальстафъ и Робинъ уходятъ*).

Пистоль.

Пусть коршуны кишки твои растреплютъ!

Не мало, братъ, костей фальшивыхъ есть,

Чтобъ надувать и богачей и бѣдныхъ —

И въ тѣ поры, когда ты будешь нищъ,

Фригійскій турокъ гнусный, будетъ туго

Мой кошелекъ монетами набить.

Нимъ. У меня есть замысль, который будетъ остроумнымъ мщеніемъ.

Пистоль.

Ты хочешь мстить?

Нимъ.

Хочу — клянуся небомъ

И звѣздами!

Пистоль.
А чемъ же мстить? мечомъ
Иль хитростью?

Нимъ.
И тѣмъ, и этимъ. Пѣджу
Я расскажу про замыслы его.

Пистоль.
А я пойду и Форду все открою,
Что гнусный плуть Фальстафъ намѣренъ тоже
Голубку взять его и завладѣть казною,
И смять его супружеское ложе.
Нимъ. Мое остроумное мщеніе не охладѣетъ. Я буду подстрекать Пѣджа употребить въ дѣло ядь; я вгною его въ желтуху, потому что такое потрясеніе мины — очень опасно. Вотъ каково мое остроуміе.

Пистоль. Ты — Марсъ всѣхъ недовольныхъ. Я твой помощникъ. Идемъ же!

(Уходятъ).

455

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ доктора Каюса.

Входятъ мистриссъ Квикли, Сэмпль и Регби.

Квикли. Вотъ что, Джонъ Регби, ты ступай, пожалуйста, къ надворному окну и смотри, не идетъ ли домой мой хозяинъ, докторъ Каюсъ; а то, если онъ вернется и застанетъ у себя въ доме кого-нибудь — опять начнетъ пытаться долготерпѣніе Господа и языкъ англійскаго короля.

Регби. Пойду сторожить.

Квикли. Да, иди; а за труды я вскипячу для тебя молочка на послѣднемъ огнѣ. (Регби уходитъ). Честный, услужливый, добрый малый; лучшій слуга, какого только можно принять въ домъ. И притомъ, увѣряю васъ, совсѣмъ не сплетникъ и не забіяка. Самый большой недостатокъ его, что онъ очень богомоленъ. На этотъ счетъ онъ довольно упрямъ; но вѣдь у всякаго есть свои недостатки. Оставимъ, однако, это. Вы говорите, что ваше имя — Питеръ Сэмпль?

Сэмпль. Да, за неимѣніемъ лучшаго.

Квикли. И вы слуга мистера Слендера?

Сэмпль. Совершенно такъ.

Квикли. Какой это Слендеръ? Съ этакой большой круглой бородой, похожей на ножъ перчаточника?

Сэмплъ. Совершенно не такъ: у него крохотное лицо съ маленькой желтой бородкой; на корицу похожа цвѣтомъ эта бородка.

Квикли. Человѣкъ онъ, кажется, смирный, спокойный?

Сэмплъ. Смирный, но при случаѣ ловко работаетъ кулакомъ, какъ и всякій другой, между моей головой и его головой. Разъ у него была драка съ полевымъ сторожемъ.

Квикли. Что вы говорите? О, теперь я припоминаю. Вѣдь это тотъ самый, что носить, такъ сказать, голову вверхъ и ходить фертомъ?

Сэмплъ. Совершенно такъ.

Квикли. Ну, въ такомъ случаѣ, дай Богъ Аннѣ Пэдждъ не найти худшей партіи! Скажите господину пастору Эвансу, что я сдѣлаю все, что могу для вашего хозяина. Анна дѣвушка хорошая, а я желаю...

Регби возвращается.

Регби. Горе намъ! Спасайтесь: баринъ идетъ.

Квикли. Будетъ намъ всѣмъ бѣда! Спрячьтесь, добрейшій молодой человѣкъ, въ эту комнату! (*Вталкиваетъ Сэмпла въ кабинетъ*). Онъ скоро уйдетъ. Эй, Джонъ Регби! Джонъ! Да поди же сюда. Джонъ, говорятъ тебѣ! Ступай, узнай, не приключилось ли чего съ нашимъ господиномъ? Ужъ не случилось ли чего съ нимъ, что его такъ долго нѣтъ? (*Напѣваетъ*).

Тамъ внизу, внизу низехонько...

Входитъ докторъ Каюсъ.

Каюсъ. О чемъ это ты распѣлась? Не люблю я этихъ штукъ. Принеси мнѣ изъ кабинета un boitier vert — ящикъ, зеленый ящикъ; понимаешь, что я говорю? зеленый ящикъ!

Квикли. Конечно, понимаю; сейчасъ принесу. (*Въ сторону*). Я очень рада, что онъ не идетъ туда самъ; застанъ онъ тамъ молодого человѣка, началъ бы бодаться рогами, какъ бѣшеный.

456

Каюсъ. Fe, fe, fe, fe! ma foi, il fait fort chaud! Je m'en vais a la Cour — la grande affaire.

Квикли. (*выходя изъ кабинета*). Этотъ ящикъ?

Каюсъ. Oui; mette le au mon карманъ; dêrêchez, проворнѣй. Да гдѣ этотъ каналъ Регби?

Квикли. Эй, Джонъ Регби! Джонъ!

Регби. Здѣсь, сэръ!

Каюсъ. Ты Джонъ Регби, ты и дуракъ Регби. Бери скорѣй свою рапиру и сопровождай меня ко двору.

Регби. Рапира готова, сэръ, и стоитъ въ сѣняхъ.

Каюсь. Я ужасно замѣшался. Ахъ, чортъ побери! Qu'ai j'oublié? Тамъ у меня въ кабинетѣ есть лѣкарства, которыя я ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы забыть дома.

(Уходитъ въ кабинетъ).

Квикли. Ахъ, бѣда! Онъ найдетъ тамъ молодого человѣка — и взбѣлится.

Каюсь. О, diable, diable! Кто это въ моемъ кабинетѣ? Бездѣльникъ! I arron!
(Выталкиваетъ Сэмпля). Регби, мою рапиру!

Квикли. Мой добрый господинъ, успокойтесь!

Каюсь. По какой причинѣ я могу успокоиться?

Квикли. Этотъ молодой человѣкъ — честный человѣкъ.

Каюсь. Честному человѣку какое дѣло въ моемъ кабинетѣ? Честный человѣкъ не станетъ входить въ мой кабинетъ.

Квикли. Умоляю васъ, не будьте такимъ флегматикомъ и выслушайте, въ чемъ дѣло. Онъ присланъ ко мнѣ пасторомъ Эвансомъ...

Каюсь. Хорошо.

Сэмплъ. Совершенно такъ... Чтобы просить эту даму...

Квикли. Замолчите, пожалуйста.

Каюсь. Замолчи ты. *(Сэмплю).* Рассказывай.

Сэмплъ. Чтобы просить эту почтенную женщину, вашу служанку, замолвить миссъ Аннѣ Пэдждъ доброе слово за моего барина, который ищетъ ея руки.

Квикли. Ну, да! вотъ и все! Но я ни за что не положу пальца въ огонь, да и не имѣю въ этомъ надобности.

Каюсь. Тебя послалъ сэръ Гуть? Регби, baillez мнѣ бумаги. А ты подожди минутку.

(Пишетъ).

Квикли. *(тихо Сэмплю).* Я очень рада, что онъ такъ спокоенъ; если бы онъ вспылить, слышались бы вы его криковъ и его меланхолии. Но чтобы тамъ ни было, молодой человѣкъ, я сдѣлаю для вашего барина все, что могу; вся штука-то въ томъ, что французъ-докторъ, мой господинъ... Я могу называть его моимъ господиномъ, потому что управляю его домомъ: стираю, глажу, варю, пеку, чищу, стряпаю кушанье и питье, дѣлаю постель — и все это дѣлаю сама.

Сэмплъ. Для рукъ одной персоны весьма много работы.

Квикли. Вы находите? Конечно, много работы — и, вѣдь, приходится всегда вставать рано и ложиться поздно. И несмотря на то — скажу вамъ это на зло, только, пожалуйста, чтобъ осталось между нами — мой баринъ самъ влюбленъ въ миссъ Анну Пэдждъ. Но чувства миссъ Анны извѣстны: ничего тутъ не выйдетъ.

Каюсь. Ну, вотъ, олухъ, отдай это письмо пастору Эвансу. Это вызовъ на дуэль, чортъ меня побери! Я перерѣжу ему горло въ паркѣ; я покажу этому паскудному олуху, какъ вмѣшиваться въ чужое дѣло и прислуживаться. Теперь можешь идти: больше тебѣ не слѣдъ оставаться здѣсь. Чортъ меня побери, я его выхолощу — у него, чортъ меня побери, не останется ничего даже собакѣ бросить.

(Сэмплъ уходитъ).

Квикли. Бѣдный — вѣдь, онъ хлопочетъ только о своемъ другѣ.

Каюсъ. Мнѣ это рѣшительно все равно. Вѣдь, ты же сама сказала мнѣ, что Анна Пэдждъ будетъ моя! О, чортъ меня побери, я убью этого болвана пастора! Мѣрять наше оружіе я выбралъ хозяина de la Jarretière. Анна Пэдждъ должна быть моя, чортъ меня побери!

Квикли. Сэръ, эта дѣвушка любитъ васъ, и все кончится хорошо. Пусть себѣ народъ болтаетъ, сколько хочеть; экая бѣда!

Каюсъ. Регби, сопровождай меня ко двору. Чортъ меня побери, если Анна Пэдждъ не будетъ моя, я вытолкаю тебя головой за двери. Регби, слѣдуй по моимъ пятамъ. *(Каюсъ и Регби уходятъ).*

Квикли. Ослиныя уши останутся тебѣ, вотъ что! Нѣтъ я знаю мысли Анны на этотъ счетъ; ни одна женщина въ Виндзорѣ не знаетъ мыслей Анны лучше меня. Никто, благодаря Бога не можетъ сдѣлать съ ней то, что могу сдѣлать я.

Фентонъ. *(за сценой).* Эй! кто тутъ есть?

Квикли. Кто это тамъ? Войдите!

457

Входитъ Фентонъ.

Фентонъ. Здорово, добрѣйшая! Какъ поживаешь?

Квикли. Очень хорошо, тѣмъ больше, что ваша милость изволите спрашивать объ этомъ.

Фентонъ. Что новаго? Какъ здоровье прекрасной миссъ Анны?

Квикли. Вы правы, сэръ, она и прекрасна, и добродѣтельна, и мила, и — ужъ кстати сказать - совсѣмъ не врагъ вамъ, благодаря Бога.

Фентонъ. Такъ ты полагаешь, что это дѣло мнѣ удастся? что труды мои не пропадутъ даромъ?

Квикли. Все въ волѣ божьей, сэръ; но я, все-таки, готова поклясться на евангеліи, что она любитъ васъ. Вѣдь, у вашей милости есть бородавка надъ глазомъ?

Фентонъ. Есть. Что же изъ этого?

Квикли. Да съ этой бородавкой цѣлая исторія. Сказать правду, причудливая она дѣвушка; но, клянусь Богомъ, честнѣе всѣхъ, какія только когда-нибудь ѣли хлѣбъ. Цѣлый часъ мы толковали съ ней объ этой бородавкѣ. Ни съ кѣмъ не смѣюсь я столько, сколько съ этой дѣвушкой. Правда, она ужъ слишкомъ склонна къ меланхоліи и задумчивости; но, что касается васъ — одно скажу, не робѣйте.

Фентонъ. Хорошо; я повидаюсь съ ней сегодня. Вотъ тебѣ деньги; поговори, пожалуйста, въ мою пользу. Если увидишь ее прежде меня, похлопочи о моемъ дѣлѣ.

Квикли. Еще бы не похлопотать! Конечно, похлопочемъ; а въ слѣдующій разъ, какъ увидимся, я вамъ побольше расскажу о бородавкѣ, да кстати и о другихъ женихахъ.

Фентонъ. Хорошо. Прощай: теперь я очень спѣшу.

Квикли. Добраго здоровья вашей милости! (*Фентонъ уходитъ*). Очень хорошій джентльмень; но Анна не любитъ его. Никто, вѣдь, не знаетъ мыслей Анны лучше меня! Ахъ ты, Господи, какъ же это я забыла! (*Уходитъ*).

458

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Пэджа.

Входитъ мистриссъ Пэджъ, съ письмомъ.

Мистриссъ Пэджъ. Каково: въ праздничные годы моей красоты я была избавлена отъ любовныхъ писемъ, а теперь сдѣлалась предметомъ ихъ! Посмотримъ. (*Читаетъ*).

«Не спрашивай, почему я люблю тебя: если любовь и дѣлаетъ разсудокъ своимъ докторомъ, то никогда не допускаетъ его въ качествѣ совѣтника. Ты уже не молода, я тоже; вотъ тебѣ и симпатія; ты любишь похохотать, я тоже — ха, ха, ха! Вотъ и еще симпатія. Ты охотница выпить, я тоже: какой же тебѣ еще симпатіи? Будь довольна, мистриссъ Пэджъ — если только любовь солдата можетъ удовлетворить тебя — тѣмъ, что я тебя люблю. Я не прошу, чтобъ ты сжалилась надо мной: такія выраженія неприличны солдату; я говорю только: полюби меня!

Вѣчный рыцарь твой,
И днемъ, и ночной порой,
И во всякій часъ другой,
За тебя готовый въ бой —
Джонъ Фальстафъ».

Экій — Иродъ Іудейскій! О, испорченный, испорченный свѣтъ! Вѣдь, вотъ человекъ — совсѣмъ истрепалялся отъ старости, а туда же корчитъ изъ себя молодого любезника. Кажется, никакою легкостью въ обращеніи не могла я подать этому фламандскому пьяницѣ — чортъ бы его побралъ — поводъ такъ дерзко подѣзжать ко мнѣ! Вѣдь, онъ и трехъ разъ не встрѣчался со мною! Неужели же я могла сказать ему что-нибудь такое? Да нѣтъ — въ то время я всячески сдерживала мою веселость, прости мнѣ Господи! Рѣшительно, внесу въ парламентъ билль объ истребленіи мужчинъ. Однако, чѣмъ мнѣ отомстить ему? А что я отомщу ему — это такъ же вѣрно, какъ то, что его кишки состоятъ изъ пудинга.

459

Входитъ мистриссъ Фордъ.

Мистриссъ Фордъ. Ахъ, мистриссъ Пэдждъ! А я, честное слово, шла къ вамъ.

Мистриссъ Пэдждъ. А я, честное слово, шла тоже къ вамъ! Но что съ вами? — вы сегодня что-то нехороши съ лица.

Мистриссъ Фордъ. Никогда не повѣрю этому — могу доказать противное.

Мистриссъ Пэдждъ. Право, на мой взглядъ, такъ...

Мистриссъ Фордъ. Очень можетъ быть, но повторяю вамъ, что могу доказать противное. — О, мистриссъ Пэдждъ, посоветуйте мнѣ...

Мистриссъ Пэдждъ. Въ чемъ дѣло, голубушка?

Мистриссъ Фордъ. О, голубушка, не бойся я сущаго пустяка, въ какую честь я вошла бы!

Мистриссъ Пэдждъ. Плюньте на этотъ пустякъ, голубушка, и берите честь! Въ чемъ же дѣло? — не дурачьтесь — и скажите, въ чемъ дѣло?

Мистриссъ Фордъ. Еслибъ я согласилась отправиться въ адъ на одну или двѣ минуты вѣчности, то могла бы получить за это рыцарское званіе.

Мистриссъ Пэдждъ. Не можетъ быть! вы лжете! Сэръ Алиса Фордъ! Дюжинное это выйдетъ рыцарство! По моему, лучше вамъ не мѣнять своего дворянскаго званія.

Мистриссъ Фордъ. Мы тратимъ время попусту. Вотъ, лучше, прочтите — тогда узнаете, какимъ образомъ я могла бы сдѣлаться рыцаршей. (*Отдаетъ ей письмо*). Пока мои глаза будутъ въ состояніи отличать наружность одного человѣка отъ другого, я буду смотрѣть какъ нельзя хуже на толстяковъ. А между тѣмъ этотъ толстякъ не ругался, превозносилъ женскую скромность и такъ разсудительно и поучительно осуждалъ всякое неприличіе, что я готова была присягнуть, что у него совершенно одно на умѣ и на языкѣ — и вотъ оказывается, что его слова и мысли точно такъ же идутъ другъ къ другу, какъ сотый псаломъ къ пѣснѣ о зеленыхъ рукавчикахъ. И какая буря, скажите, выкинула на виндзорскій берегъ этого кита, у котораго столько бочекъ сала въ брюхѣ? Какъ мнѣ отомстить ему? Лучше всего, я полагаю, было бы тѣшить его надеждой до техъ поръ, пока онъ не растопится въ своемъ собственномъ жирѣ подъ мерзкимъ огнемъ своей похотливости. Слыхали ль вы что-нибудь подобное?

Мистриссъ Пэдждъ. Слово въ слово; разница только въ именахъ: тамъ — Пэдждъ, А здѣсь — Фордъ! Чтобы совсѣмъ разъяснить вамъ тайну вашей дурной репутаціи — вотъ близнецъ вашего письма; но пусть наслѣдствомъ воспользуется ваше, потому что мое — ужъ за это я поручусь — навсегда отказывается отъ этой чести. Навѣрно, у него тысяча такихъ писемъ, гдѣ оставлены только пробѣлы для различныхъ именъ, которыхъ у него въ запасѣ, безъ сомнѣнія, еще больше. Наши же — ужъ второе изданіе. Онъ, конечно, тиснетъ ихъ въ печати: ему, вѣдь, все равно, что ни тискать, когда онъ рѣшился взять обѣихъ насъ въ тиски. Я бы лучше согласилась быть гигантшей и лежать подъ горой Пеліономъ! Право, я скорѣе найду вамъ двадцать распутныхъ голубокъ, чемъ одного цѣломудреннаго мужчину.

Мистриссъ Фордъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, это одно и тоже; тотъ же самый почеркъ, тѣ же слова. Какого же онъ мнѣнія о насъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Ну, ужъ не знаю; это почти подбиваетъ меня ссориться съ моею собственною честностью. Я готова смотрѣть на себя, какъ на человѣка совершенно незнакомаго мнѣ. Вѣдь, если бы онъ не открылъ во мнѣ какой-нибудь

слабой стороны, которой я сама не замѣчаю — неужели онъ рѣшился бы на такой бѣшеный абордажъ?

Мистриссъ Фордъ. Вы называете это абордажемъ? Ну, я ручаюсь, что на мою палубу онъ не взберется.

Мистриссъ Пэджъ. И я тоже. Еслибъ ему удалось пробраться въ мои люки, я послѣ этого ужъ никогда не пустилась бы въ море. Отомстимъ ему, назначимъ ему свиданіе, подадимъ какую-нибудь надежду на успѣхъ и будемъ ловко водить его изо дня въ день до тѣхъ поръ, пока онъ не заложитъ своихъ лошадей хозяину Подвязки.

Мистриссъ Фордъ. Извольте, я готова сыграть съ нимъ всякую скверную штуку, лишь бы она не пачкала чистоты нашей добродѣтели. О, еслибъ мой мужъ увидѣлъ это письмо! Оно дало бы его ревности вѣчную пищу!

Мистриссъ Пэджъ. Да вотъ кстати и онъ. Мой добрякъ тоже съ нимъ; ну, да мой такъ же далекъ отъ ревности, какъ я отъ всего, что могло бы возбудить ее; а это разстояніе, надѣюсь, неизмѣримо далекое.

Мистриссъ Фордъ. Вы счастливые меня.

Мистриссъ Пэджъ. Посовѣтуемся,

460

чѣмъ отплатить этому жирному рыцарю. Отойдѣмъ сюда. (*Отходятъ въ сторону*).

Входятъ Фордъ съ Пистолемъ и Пэджъ съ Нимомъ.

Фордъ. Ну, полно, я надѣюсь, что это не такъ.

Пистоль.

Въ иныхъ вещахъ надежда песь безхвостый.

Сэръ Джонъ Фальстафъ прельщенъ твоей женой.

Фордъ. Да помилуйте, моя жена уже не молода.

Пистоль.

Волочится онъ за простой и знатной,

За бѣдной и богатой, молодой

И старую — за всѣми безъ разбора.

Охотникъ онъ до винигрета! Фордъ,

Смотри за нимъ!

Фордъ.

Мою жену онъ любитъ?

Пистоль.

Всей печенью, горящей какъ огонь.

Предупреди, иль будешь ты украшень,

Какъ Актеонъ, затравленный въ лѣсу

Собаками. О, пасквильное слово!

Фордъ. Какое это слово?

Пистоль.

Да слово рогъ. Прощай. Не спи, смотри
Во всѣ глаза: вѣдь, воры ходятъ ночью;
Смотри, пока къ намъ лѣто не пришло,
Или пока кукушка не запѣла.

Идемъ, капраль сэръ Нимъ. Вѣрь, Пэдждъ, ему:
Онъ говоритъ умно и справедливо. (*Уходитъ*).

Фордъ. (*Въ сторону*). Буду терпѣливъ. Надо разузнать правду.

Нимъ. (*Пэджу*). И это онъ сказалъ правду; я не охотникъ до лжи. Онъ оскорбилъ меня въ нѣкоторомъ отношеніи. Я бы, пожалуй, могъ отнести къ ней его замысловатое письмо; но у меня есть мечъ, который кусаетъ въ случаѣ необходимости. Онъ любитъ вашу жену: вотъ вамъ и вся штука безъ обиняковъ. Меня зовутъ капраломъ Нимомъ; я говорю и утверждаю. Это вѣрно; меня зовутъ — Нимъ, а Фальстафъ любитъ вашу жену. Adieu! Не въ моемъ характерѣ пробавляться хлѣбомъ и сыромъ — и въ этомъ заключается весь мой характеръ. Adieu! (*Уходитъ*).

Пэдждъ. Его характеръ! Вотъ тоже малый, отъ котораго всякій англичанинъ одурѣетъ.

Фордъ. Стану наблюдать за Фальстафомъ.

Пэдждъ. Никогда не встрѣчалъ я такого болтливаго и жеманнаго бездѣльника!

Фордъ. Если только узнаю что-нибудь — хорошо же!

Пэдждъ. Ни въ чемъ не повѣрю такому китайцу, если бы даже священникъ нашего города рекомендовалъ его за честнаго человѣка.

Фордъ. Онъ добрый, благоразумный малый. Хорошо! (*Мистриссъ Пэдждъ и мистриссъ Фордъ подходятъ*).

Пэдждъ. Что скажешь, Мегъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Куда это ты идешь, Джорджъ? Послушай-ка.

Мистриссъ Фордъ. Что это, мой милый Франкъ, ты такъ задумчивъ?

Фордъ. Задумчивъ? — я не задумчивъ. Ступай-ка домой, ступай.

Мистриссъ Фордъ. Нѣтъ у тебя въ головѣ какія-то причуды. Идемъ, что-ли, мистриссъ Пэдждъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Ты придешь къ обѣду, Джорджъ? (*Тихо мистриссъ Фордъ*). Смотрите, кто идетъ сюда: она будетъ нашей посланницей къ этому жалкому рыцарю.

Мистриссъ Фордъ. (*тоже тихо*). Я только что о ней думала. Да, она все отлично устроить.

Входитъ мистриссъ Квикли.

Мистриссъ Пэдждъ. Вы пришли къ моей дочери Аннѣ?

Квикли. Да-съ, именно такъ. А какъ здоровье добрѣйшей миссъ Анны?

Мистриссъ Пэдждъ. Пойдемте съ нами, сами увидите. Мы имѣемъ кое о чемъ поговорить съ вами.

(Мистриссъ Пэджъ, мистриссъ Фордъ и мистриссъ Квикли уходятъ).

Пэджъ. Ну, что скажете, Фордъ?

Фордъ. Вы слышали, что этотъ бездѣльникъ сообщилъ мнѣ?

Пэджъ. Да. А вы слышали, что другой мнѣ сказалъ?

Фордъ. Какъ вы полагаете — правду они говорятъ?

Пэджъ. Повѣситъ бы ихъ, мерзавцевъ! Не думаю, чтобы рыцарь рѣшился на это: вѣдь эти люди, обвиняющіе его въ замыслахъ противъ нашихъ женъ — его же соб-

461

ственные лакеи, прогнанные имъ. Теперь они безъ мѣста, — вотъ и мошенничаютъ напрапалую.

Фордъ. Да развѣ они прежде служили у него?

Пэджъ. Ну, да.

Фордъ. Отъ этого мнѣ не легче. Вѣдь, онъ живетъ въ гостиницѣ Подвязки?

Пэджъ. Ну, да. Если онъ дѣйствительно начнетъ подѣзжать къ моей женѣ, я ее же натравлю на него — и пропади моя голова, коли онъ добьется отъ нея чего-нибудь, кромѣ ругани.

Фордъ. Я совершенно увѣренъ въ моей женѣ, но для меня было бы весьма прискорбно, если бы между ею и имъ началась схватка. Мужья иногда черезъ-чуръ доврчивы. Я рѣшительно не желаю рисковать моей головой. Меня этимъ не удовлетворишь.

Пэджъ. Вотъ идетъ хозяинъ Подвязки. Экъ онъ деретъ горо! Ужъ коли онъ такъ весель — значить, у него или водка въ головѣ или деньги въ кошелькѣ.

Входитъ хозяинъ гостиницы.

Пэджъ. Какъ поживаете, хозяинъ?

Хозяинъ. (*кричитъ за сцену*). Ну, что жъ ты тамъ, забіяка? Ты, вѣдь, джентльмень, cavalero-судья! Гдѣ же ты?

Входитъ Шэлло.

Шэлло. Иду, хозяинъ, иду. Двадцать разъ здравствуйте, добрѣйшій мистеръ Пэджъ! Угодно вамъ пойти съ нами, мистеръ Пэджъ? У насъ въ виду потѣшная штука.

Хозяинъ. Скажи ему, cavalero-судья, скажи ему, негодный драчунъ, въ чемъ дѣло?

Шэлло. Сэръ, предстоитъ поединокъ между сэромъ Гутомъ, валлійскимъ пасторомъ, и Каюсомъ, французскимъ докторомъ.

Фордъ. На одно слово, добрѣйшій хозяинъ Подвязки.

Хозяинъ. Что скажешь, дорогой забіяка? (*Отходятъ*).

Шэлло. (*Пэджу*). Что-жъ — пойдете съ нами взглянуть? Нашего весельчака-хозяина выбрали, чтобы мѣрять оружіе, а онъ, какъ мнѣ кажется, назначилъ каждому

изъ нихъ свиданье въ разныхъ мѣстахъ, - потому что, какъ я слышалъ, пасторъ не охотникъ до шутокъ. Вотъ послушайте, я расскажу вамъ въ чемъ будетъ наша потѣха. *(Тихо разговариваютъ).*

Хозяинъ. Не имѣешь ли ты какого денежнаго взысканія на моего постояльца, благороднаго рыцаря?

Фордъ. Честное слово, никакого — и я дамъ тебѣ цѣлую бутылъ отличнѣйшаго вина, если ты сведешь меня съ нимъ и скажешь, что мое имя — Потокъ. Мнѣ это нужно только для шутки.

Хозяинъ. Вотъ тебѣ моя рука, чудовище! Я доставлю тебѣ и входъ, и выходъ — вѣдь, хорошо сказано? — и твое имя будетъ Потокъ. Онъ у меня веселый парень! Ну, идемъ, что ли, мингеры?

Шэлло. Мы къ вашимъ услугамъ, хозяинъ.

Пэдждъ. Я слышалъ, что французъ мастеръ драться на рапирахъ.

Шэлло. Эка штука! Въ былое время я бы не то могъ показать вамъ. Теперъ вы придаете важное значеніе разстоянью и всякимъ тамъ пассадамъ, эстокадамъ и прочему, ни вѣсть чему. А вѣдь самое главное, мистеръ Пэдждъ, сердце; вся штука въ немъ, только въ немъ. Было время, когда моимъ длиннымъ мечомъ я могъ бы разогнать, какъ крысъ, четырехъ такихъ здоровяковъ, какъ вы.

Хозяинъ. Въ дорогу, ребята, въ дорогу, въ дорогу! Идемъ, что-ли?

Пэдждъ. И я съ вами, хотя лучше желалъ бы присутствовать при ихъ перебранкѣ, чѣмъ при этой дуэли.

(Пэдждъ, Шэлло и хозяинъ гостиницы уходятъ).

Фордъ. Пэдждъ — безпечный дуракъ, и пусть онъ слѣпо довѣряетъ добродѣтели своей жены; но я — я не могу такъ легко измѣнить свое мнѣніе. Я знаю, что она видѣлась съ нимъ въ домѣ Пэджа; а что они тамъ дѣлали — не знаю. Но я допытаюсь правды; переодѣвшись, мнѣ легко будетъ вывѣдать все у Фальстафа. Если она окажется невинною — труды мои не пропадутъ даромъ; случится иначе — они тоже будутъ хорошо вознаграждены.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ и Пистоль.

Фальстафъ.

Не дамъ тебѣ ни гроша.

Пистоль.

Ну, такъ мѣръ

Мнѣ устрицею будетъ — и я вскрою

Ее своимъ губительнымъ мечемъ.

Фальстафъ. Ни гроша. Не разъ уже я позволялъ тебѣ закладывать мой кредитъ и выпросилъ три отсрочки у моихъ добрыхъ друзей для тебя и твоего однокашника Нима. Не дѣлай я этого, вы бы выглядывали изъ-за рѣшотки, какъ пара обезьянъ. Я заранѣе предалъ себя въ адъ, поклявшись моимъ друзьямъ-джентльменамъ, что вы хорошіе солдаты и славные люди; а когда мистриссъ Бриджетъ потеряла рукоятку своего вѣера, я поручился моею честью, что эта вещь не у тебя.

Пистоль. А развѣ я не подѣлился съ тобой? разве ты не получилъ пятнадцать пенсовъ?

Фальстафъ. Такъ и слѣдовало, каналья. Скажите, пожалуйста! Ты, можетъ быть, думалъ, что я стану рисковать моею душой gratis? Да что тутъ толковать попусту: перестань виснуть на мнѣ — я для тебя не висѣлица. Проваливай. Короткій ножъ да толпа — вотъ что тебѣ нужно. Проваливай въ свой замокъ Петчь. Негодяй, не хотѣлъ снести письма для меня! Какъ можно! честь этого не позволяетъ. Ахъ, ты, бездонная низость, да, вѣдь, даже я едва-едва могу удерживаться въ границахъ моей чести! я, самъ я, иногда принужденъ оставлять страхъ божій въ сторонѣ и, прикрывая честь необходимостью, хитрить, изворачиваться, надувать. А ты, каналья, хочешь тоже прятать подъ маску чести свои лохмотья, свои взгляды черной кошки, свои кабачныя выраженія, свои площадныя ругательства!... И изъ-за этого отказываешь мнѣ!

Пистоль. Я каюсь въ этомъ. Чего жъ тебѣ еще надобно?

Входитъ Робинъ.

Робинъ. Сэръ, какая-то женщина хочетъ поговорить съ вами.

Фальстафъ. Пусть приблизится къ намъ.

Входитъ мистриссъ Квикли.

Квикли. Добраго здоровья вашей милости.

Фальстафъ. Добраго здоровья, добрая женщина.

Квикли. Не совсѣмъ такъ, съ позволенія вашей милости.

Фальстафъ. Ну такъ значить, дѣвушка.

Квикли.

Такая же, клянусь, какою мать была

Въ тотъ часъ, когда меня на свѣтъ произвела.

Фальстафъ. Вѣрю твоей клятвѣ. Чего жъ тебѣ надо отъ меня?

Квикли. Угодно будетъ вашей милости получить отъ меня два-три слова?

Фальстафъ. Хоть двѣ тысячи, моя красавица; а отъ меня ты получишь аудіенцію.

Квикли. Есть на свѣтѣ, сэръ, нѣкая мистриссъ Фордъ... Отойдите, пожалуйста, немного подальше... А я живу у доктора Каюса.

Фальстафъ. Хорошо; дальше. — И такъ, мистриссъ Фордъ?

Квикли. Совершенно вѣрно извоили сказать... Пожалуйста, ваша милость, отойдите немного подальше.

Фальстафъ. Не безпокойся, никто насъ не услышитъ; тутъ все мои люди, мои собственные люди.

Квикли. Въ самомъ дѣлѣ? Да благословить ихъ Богъ и сдѣлаеть своими слугами!

Фальстафъ. Итакъ, мистриссъ Фордъ... Что же ты имѣешь сказать о ней?

Квикли. Ахъ, сэръ, она очень добрая женщина. Господи, Господи! какой вы соблазнитель, ваша милость! Да простить Богъ вамъ и всѣмъ намъ — это моя молитва.

Фальстафъ. Итакъ, мистриссъ Фордъ... Продолжай же объ этой мистриссъ Фордъ.

Квикли. Да чтобъ долго не толковать, вотъ вамъ въ двухъ словахъ все дѣло. Вы до того взбудоражили ее, что просто удивительно. Лучшему изъ придворныхъ, въ приѣзды двора въ Виндзоръ, не удавалось такъ сильно взбудоражить ее. А вѣдь тутъ были и рыцари, и лорды, и джентльмены въ своихъ каретахъ; вѣрите ли — карета за каретой, письмо за письмомъ, подарокъ за подаркомъ такъ и сыпались; и все это такъ отлично пахло мускусомъ, и все это такъ шелестѣло золотомъ и шолкомъ... А рѣчи-то какія были галантерейныя! а вина-то какія дорогія и сладкія! Ни одна женщина не устояла бы, кажись, противъ нихъ! И что жъ вы думаете? отъ нея и взгляда никто не могъ добиться. Вотъ мнѣ самой еще сегодня утромъ давали двадцать ангеловъ; но я принимаю ангеловъ этого рода — какъ говорится — только за честное дѣло... А ее, честное слово, не могли склонить даже на то, чтобъ она хоть губы обмокнула въ бокаль самаго знатнаго изъ нихъ; а тутъ бывали и графы, и даже — это еще поважнѣе — пенсіонеры, но для нея, вѣрите слову, что тотъ, что другой — все равно.

Фальстафъ. Что же послала она сказать мнѣ? Не будь многорѣчива, о мой добрый Меркурій женскаго рода!

Квикли. Да вотъ что: получила она ваше письмо и велѣла тысячекратно благодарить

464

вась за него, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать вамъ знать, что ея мужа не будетъ дома между десятью и одиннадцатью часами.

Фальстафъ. Десятью и одиннадцатью?

Квикли. Совершенно такъ. Вотъ въ это-то время вы можете придти посмотреть на картину, которую, какъ она говоритъ, вы знаете. Мистера Форда, ея мужа, не будетъ дома. Ахъ, не весело жить съ нимъ моей голубушкѣ!... Онъ страсть какой ревнивый; ей, сердечной, съ нимъ не житье, а каторга.

Фальстафъ. Между десятью и одиннадцатью. Женщина, кланяйся ей отъ меня; не премину явиться.

Квикли. Прекрасно сказано. Но у меня есть еще одно порученіе къ вашей милости. Мистриссъ Пѣджъ тоже посылаетъ вамъ сердечный поклонъ. Позвольте мнѣ шепнуть вамъ на ушко: эта дама скромная и деликатная, и притомъ съ прекраснымъ характеромъ; ужъ повѣрьте, никто въ Виндзорѣ не ходитъ аккуратнѣе ея въ церковь утромъ и вечеромъ... Она приказала мнѣ передать вашей милости, что ея мужъ рѣдко не бываетъ дома; но она надѣется, что когда-нибудь это да случится.

Никогда еще мнѣ не случалось видѣть женщину, такъ ужасно врѣзавшуюся въ мужчину. Навѣрно, у васъ есть какой-нибудь приворотный корешокъ; ужь это безъ сомнѣнiя.

Фальстафъ. Увѣряю тебя, что нѣтъ; за исключенiемъ привлекательности моихъ достоинствъ, у меня нѣтъ никакихъ приворотныхъ чаръ.

Квикли. Благослови Господи ваше сердце за это!

Фальстафъ. Но скажи мнѣ, пожалуйста, вотъ что: жена Форда и жена Пѣджа открылись одна другой въ своей любви ко мнѣ?

Квикли. Вотъ это была бы забавная штука! Надѣюсь — онѣ не такъ просты. Да, штука это была бы, нечего сказать! Да вотъ еще что: мистриссъ Пѣджъ умоляетъ васъ всею любовью прислать ей вашего маленькаго пажа; ея мужъ удивительно разочарованъ этимъ маленькимъ пажомъ — а мистеръ Пѣджъ, вѣрьте слову, прекрасный человекъ. Ни одна женщина въ Виндзорѣ не живетъ лучше ея: она дѣлаетъ все, что ей угодно, имѣетъ все, платитъ за все, ложится спать, когда ей вздумается, встаетъ тоже, когда ей вздумается; все дѣлается, какъ она хочетъ, и, вѣрьте слову, она вполнѣ стоитъ этого: коли есть въ Виндзорѣ милая женщина, такъ ужь это, конечно она. Вы должны послать къ ней вашего пажа; тутъ ужь ничего не подѣлаешь.

Фальстафъ. Что жъ, я пошлю.

Квикли. Да, пошлите, пожалуйста. Притомъ, изволите видѣть, онъ можетъ быть посредственникомъ между ею и вами. А на всякiй случай приберите какое-нибудь условное слово для передачи дружка дружкѣ вашихъ мыслей такъ, чтобы этотъ мальчикъ не могъ ничего понять. Дѣтямъ не слѣдъ понимать грѣшки; а люди въ лѣтахъ, какъ вы изволите знать, имѣютъ, какъ говорится, скромность, и знаютъ свѣтъ.

Фальстафъ. Прощай. Кланяйся отъ меня обѣимъ. Вотъ тебѣ мой кошелекъ; я остаюсь еще твоимъ должникомъ. Ты, мальчикъ, ступай за этой женщиной. (*Мистриссъ Квикли и Робинъ уходятъ*). Эта новость вскружила мнѣ голову.

Пистоль.

Изъ флота Купидонова ладья
Ко мнѣ плыветъ. Ставь паруса! Въ погоню!
Открой борты! Пали! Она моя, —
Иль пусть имъ всѣмъ погибнуть въ океанѣ!

(*Уходитъ*).

Фальстафъ. Что ты на это скажешь, дружище Джекъ? Смѣлѣй. — Ну, теперь постараемся извлечь изъ своего стараго тѣла побольше пользы, чѣмъ когда-либо. Стало-быть, женщины все еще заглядываются на тебя? Стало-быть, истративъ столько денегъ, ты теперь начнешь получать барыши? Ну, спасибо тебѣ, мое доброе тѣло. Пусть говорятъ, что я топорной работы; это мнѣ все равно, коли сработано хорошо!...

Входитъ Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ Джонъ, тамъ внизу какой-то мистеръ Потокъ; онъ очень желаетъ поговорить и познакомиться съ вами. Сегодня утромъ онъ прислалъ вашей милости бутылъ вина.

Фальстафъ. Его зовутъ Потокъ.

Бардольфъ. Точно такъ.

Фальстафъ. Зови его сюда. (*Бардольфъ уходитъ*). Мнѣ по сердцу тѣ потоки, которые состоятъ изъ такой жидкости!... Ага, мистриссъ Пэдждъ и мистриссъ Фордъ, попались въ мою западню? Впередъ! *via!*

Бардольфъ *возвращается съ передѣтымъ Фордомъ.*

Фордъ. Добраго здоровья, сэръ.

Фальстафъ. И вамъ, сэръ. Вамъ угодно поговорить со мною?

Фордъ. Съ моей стороны не деликатно беспокоить васъ съ такою безцеремонностью.

465

Фальстафъ. Милости просимъ. Что вамъ угодно? Оставь насъ, подносчикъ. (*Бардольфъ уходитъ*).

Фордъ. Сэръ, я джентельмень, истратившій много денегъ; мое имя Потокъ.

Фальстафъ. Добрѣйшій мистеръ Потокъ, мнѣ очень желательно ближе познакомиться съ вами.

Фордъ. Добрѣйшій сэръ Джонъ, я тоже ищу вашего знакомства, но не для того, чтобы быть вамъ въ тягость, потому что, надо вамъ сказать, я имѣю возможность давать въ займы деньги больше васъ. Это-то и дало мнѣ отчасти смѣлость такъ безцеремонно явиться къ вамъ. Въдь, говорятъ, что когда деньги идутъ впереди — всѣ дороги открыты.

Фальстафъ. Деньги, сэръ, храбрый солдатъ, всегда идущій впереди.

Фордъ. Совершенно вѣрно, и вотъ у меня мѣшокъ съ деньгами, который затрудняетъ меня. Если хотите облегчить мнѣ эту ношу, сэръ Джонъ, возьмите все или хоть половину.

Фальстафъ. Сэръ, я не знаю, чѣмъ могу заслужить честь быть вашимъ носильщикомъ.

Фордъ. Это я объясню вамъ, если вамъ будетъ угодно выслушать меня.

Фальстафъ. Говорите, добрѣйшій мистеръ Потокъ; мнѣ будетъ очень пріятно услужить вамъ.

Фордъ. Я слышалъ, сэръ, что вы человѣкъ ученый. Постараюсь объяснить покороче. Давно уже вы извѣстны мнѣ, хотя до сихъ поръ не имѣлъ желаннаго случая познакомиться съ вами. Теперь я открою вамъ одну вещь, которая обнаружитъ мои собственные недостатки. Но, добрѣйшій сэръ Джонъ, въ то время, какъ я стану рассказывать вамъ про мои грѣшки, вы однимъ глазомъ смотрите на нихъ, а другимъ заглядывайте въ списокъ вашихъ собственныхъ грѣшковъ. Можетъ быть, вы станете не такъ строго обвинять меня, когда сознаете на самомъ себѣ, какъ легко провиниться такимъ образомъ.

Фальстафъ. Очень хорошо, сэръ, продолжайте.

Фордъ. Въ нашемъ городѣ живетъ одна госпожа — фамилія ея мужа Фордъ.

Фальстафъ. Хорошо-съ.

Фордъ. Я долго любилъ ее и, даю вамъ честное слово, очень много сдѣлалъ для нея. Я слѣдовалъ за нею страшною настойчивостью, пользовался всевозможными случаями встрѣчаться съ нею, жадно ловилъ каждую минуту, когда могъ взглянуть на нее; не только покупалъ множество подарковъ собственно для нея, но и щедро платилъ другимъ, чтобъ узнавать, какой подарокъ былъ бы для нея пріятнѣе. Однимъ словомъ, я преслѣдовалъ ее точно такъ же, какъ любовь преслѣдовала меня — то есть на крыльяхъ всевозможныхъ случаевъ. Но чего бы я ни заслуживалъ, какъ моими чувствами, такъ и дѣйствіями — знаю одно, что ни тѣ, ни другія не принесли мнѣ никакой пользы, если не считать опытности драгоцѣнностью. Вотъ за эту-то драгоцѣнность я заплатилъ неизмѣримо дорого, и тутъ-то я узналъ, что

«Любовь, какъ тѣнь, бѣжитъ того,
кто вслѣдъ за ней спѣшитъ,
Преслѣдуетъ бѣгущаго, гонителя бѣжитъ».

Фальстафъ. И вы никогда не получали отъ нея никакого утѣшительнаго обѣщанія?

Фордъ. Никогда.

Фальстафъ. А приставали вы къ ней съ этой цѣлью?

Фордъ. Никогда.

Фальстафъ. Такъ какого же сорта была ваша любовь?

Фордъ. Она была похожа прекрасный домъ, построенный на чужой землѣ. Такимъ образомъ я потерялъ зданіе, потому что ошибся въ выборѣ мѣста, на которомъ построилъ его.

Фальстафъ. Съ какою цѣлью рассказали вы мнѣ все это?

Фордъ. Объяснивъ вамъ эту цѣль, я объясню вамъ все. Ходитъ слухъ, что какъ ни неприступна она для меня, но съ другими доводитъ свою веселость до того, что о ея добродѣтели отзываются не совсѣмъ благопріятно. Вотъ тутъ-то, сэръ Джонъ, и есть самая сердцевина моего замысла. Вы — джентльмень, прекрасно воспитанный, удивительно краснорѣчивый, у васъ огромный кругъ знакомыхъ, вы пользуетесь общимъ уваженіемъ по своему положенію и личнымъ достоинствамъ, и признаетесь всѣми за опытнѣйшаго воина, царедворца и ученаго.

Фальстафъ. О, сэръ.

Фордъ. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что сами знаете это. Вотъ вамъ деньги; тратьте, тратьте ихъ; тратьте все, что я имѣю, а въ замѣнъ этого я прошу только одного: удѣлите мнѣ столько изъ вашего времени, сколько понадобится на любовную осаду неприступности жены этого Форда. Пустите въ ходъ ваше искусство; заставьте ее уступить вамъ. Если это воз-

можно, то, конечно, вамъ скорѣе, чѣмъ кому-либо.

Фальстафъ. Но будетъ ли удобно для пылкости вашей страсти, если я одержу побѣду надъ тою, которою вы сами хотите обладать? По моему, вы прописываете себѣ весьма странное лѣкарство.

Фордъ. Поймите хорошенько мой планъ! Она такъ самоувѣренно опирается на непоколебимость своей добродѣтели, что безуміе души моей не смѣетъ подступиться къ ней; она слишкомъ ярко свѣтитъ, чтобъ можно было прямо смотрѣть на нее. Но если бы я могъ явиться къ ней съ какимъ-нибудь обличительнымъ доказательствомъ, мои просьбы имѣли бы себѣ въ немъ ходатая и защитника; съ этимъ оружіемъ въ рукахъ я могъ бы выбить ее изъ этой крѣпости безпорочности, доброй репутаціи, супружеской вѣрности и тысячи другихъ окоповъ, которые теперь такъ страшно сопротивляются мнѣ. Что скажете на это, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Мистеръ Потокъ, сперва я безъ церемоніи возьму ваши деньги; затѣмъ, дайте мнѣ вашу руку, и, наконецъ, получите отъ меня слово джентльмена, что жена Форда будетъ ваша, если вы этого желаете.

Фордъ. О, добрѣйшій сэръ!

Фальстафъ. Повторяю, она будетъ ваша.

Фордъ. Не жалѣйте денегъ, сэръ Джонъ; у васъ будетъ ихъ, сколько захотите.

Фальстафъ. Не жалѣйте мистриссъ Фордъ, мистеръ Потокъ; у васъ будетъ ея, сколько захотите. Могу вамъ сообщить, что я скоро буду имѣть съ ней свиданіе, которое она сама мнѣ назначила. За нѣсколько минутъ до васъ, ушла отъ меня ея помощница, или, по-просту, сводня. Я буду съ ней видѣться между десятью и одиннадцатью часами, потому что въ это время ея мужъ, гнусный и негодный ревнивецъ, не будетъ дома. Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ: узнаете, насколько я успѣлъ.

Фордъ. Знакомство съ вами, сэръ, для меня сущее благословеніе. А вы знаете этого Форда?

Фальстафъ. Чортъ бы побралъ этого бѣднаго, рогатаго бездѣльника! Я-то его не знаю; но напрасно называю его бѣднымъ, потому что, какъ говорятъ, у этого мерзкаго ревнивца груды золота. Изъ-за этого-то и его жена такъ приглянулась мнѣ. Она будетъ для меня ключемъ къ сундуку этой рогатой каналы — и тутъ-то я начну собирать жатву.

Фордъ. Мнѣ было бы желательно, чтобъ вы узнали въ лицо Форда; такимъ образомъ, при встрѣчѣ съ нимъ, вы могли бы избѣгать его.

Фальстафъ. Пропади онъ, бездѣльникъ, на соленомъ маслѣ! Я заставлю его помѣшаться отъ моихъ взглядовъ; я уничтожу его моею палкой; она будетъ носиться, какъ метеоръ, надъ рогами рогоносца. Знайте, мистеръ Потокъ, я одержу верхъ надъ этимъ мужикомъ, и вы раздѣлите ложе съ его женою! Фордъ олухъ, и я хочу умножить его титулы: вы скоро узнаете, мистеръ Потокъ, что онъ и олухъ, и рогоносецъ. Приходите ко мнѣ пораньше вечеромъ. (*Уходитъ*).

Фордъ. Что за проклятый, гнусный эпикуреецъ! Сердце мое готово лопнуть отъ нетерпѣнія. Вотъ и говорите теперь, что моя ревность неосновательна! Моя жена посылала къ нему; часъ свиданія назначенъ; сдѣлка заключена. Могъ ли кто-нибудь подумать это? О, какое адское мученіе имѣть измѣнницу жену! Мое ложе будетъ запятнано, мои деньги расхищены, моя репутація поругана; а я не только сдѣлаюсь жертвою этихъ мерзкихъ оскорбленій, но и буду выслушивать отвратительныя ругательства отъ того же самаго человѣка, который наноситъ мнѣ эти оскорбленія. И какія ругательства! какія прозвища! Амаймонъ — прозвище не дурное; Люциферъ — хорошее; Барбасонъ — хорошее; а вѣдь это все имена дьяволовъ, злыхъ духовъ. Но

рогоносець! слѣпой рогоносець! о, у самого чорта нѣтъ такого прозванія! Пѣджъ осель, самоувѣренный осель; онъ полагается на свою жену, онъ не ревнивъ. Да я скорѣ довѣрю мое масло фламандцу, мой сыръ — пастору Гугу, мой штофъ, съ водкой — ирландцу, мою лошадь для прогулки — вору, чѣмъ мою жену — ей же самой! Она и интригуетъ, и замышляетъ, и придумываетъ разныя штуки — а ужъ коли женщина рѣшила въ сердцѣ сдѣлать что-нибудь, такъ она сердце разобьетъ, а сдѣлаетъ. Благодарю Бога за то, что я ревнивъ! — Свиданіе назначено въ одиннадцать часовъ. Но я предупрежу его, застаю врасплохъ мою жену, отомщу Фальстафу и посмѣюсь надъ Пѣжемъ... Поспѣшу туда; лучше придти тремя часами раньше, чѣмъ одной минутой позже. Тьфу! тьфу! тьфу! рогоносець! рогоносець! рогоносець! (*Уходитъ*).

467

СЦЕНА III.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ Каюсъ и Регби.

Каюсъ. Джекъ Регби!

Регби. Что прикажете, сэръ?

Каюсъ. Который часъ, Джекъ?

Регби. Часъ, въ который сэръ Гугъ обѣщалъ явиться, прошелъ.

Каюсъ. Чортъ меня побери, онъ спасъ свою душу тѣмъ, что не пришелъ; онъ вѣрно горячо молился по своей библии, что не пришелъ; чортъ меня побери, Джекъ Регби, онъ былъ бы теперь ужъ мертвъ, еслибы пришелъ.

Регби. Онъ хитеръ, сэръ; онъ зналъ, что ваша милость убили бы его, если-бы онъ явился.

Каюсъ. Чортъ меня побери, сеledка не такъ мертва, какъ будетъ онъ мертвъ, когда я убью его! Возьми свою рапиру, Джекъ; я покажу тебѣ, какъ я убью его.

Регби. Ай, ай! сэръ, я не умѣю фехтовать.

Каюсъ. Возьми свою рапиру, негодяй!

Регби. Остановитесь! сюда идутъ.

Входятъ хозяинъ гостиницы, Шэлло, Слендеръ и Пѣджъ.

Хозяинъ. Да благословитъ тебя Господь, неукротимый докторъ!

Шэлло. Доброга здоровья, докторъ Каюсъ!

Пѣджъ. Здравствуйте, добрѣйшій докторъ!

Слендеръ. Мое почтеніе, сэръ.

Каюсъ. Что вы всѣ пришли сюда? Одинъ, два, три, четыре.

Хозяинъ. Пришли смотрѣть, какъ ты будешь драться, фехтовать, дѣлать всякіе траверсы, кидаться то туда, то сюда; пришли смотрѣть на твои вольты, выходы, реверсы, парировки. Ну что, умеръ мой эюіопъ? убитъ мой Франциско? Говори же,

забіяка! Что скажетъ мой Эскулапіусъ? мой Галень? моя сердцевина изъ бузины? Говори же, мой буйный другъ мочи, умерь онъ? убить?

Каюсъ. Чортъ меня побери, онъ самый трусливый попъ въ свѣтѣ: онъ и глазъ сюда не показалъ.

Хозяинъ. Ты кастильянскій король Уриналь! Гекторъ Греціи, душа моя!

Каюсъ. Прошу васъ быть свидѣтелями, что я ждалъ его шесть или семь, три или четыре часа, и что онъ все-таки не пришелъ.

Шэлло. Онъ благоразумный человекъ, сэръ. Вѣдь онъ врачъ души, а вы — врачъ тѣла; еслибъ вы стали драться, то погладили бы ваши профессіи какъ разъ противъ шерсти. Такъ ли я говорю, мистеръ Пэдждъ?

Пэдждъ. Мистеръ Шэлло, вы сами, хотъ теперъ и сдѣлались мировымъ судьей, были прежде большимъ забіякой.

Шэлло. О, чортъ возьми, мистеръ Пэдждъ, хотъ я уже старъ, и занимаюсь мировымъ дѣломъ, но все еще не могу видѣть мечъ безъ того, чтобы мои пальцы не начали зудѣть. Да, мистеръ Пэдждъ, у всѣхъ насъ, и судей, и докторовъ, и служителей церкви, всегда остается кое-что отъ молодого духа; мы сыновья женщинъ, мистеръ Пэдждъ.

Пэдждъ. Это правда, мистеръ Шэлло.

Шэлло. Такъ оно и должно быть, мистеръ Пэдждъ. Докторъ Каюсъ, я пришелъ сюда для того, чтобы препроводить васъ домой. Я — присяжный мировой судья; вы выказали себя мудрымъ врачомъ, а сэръ Гутъ выказалъ себя мудрымъ и терпѣливымъ служителемъ церкви. Вы должны идти со мною, докторъ.

Хозяинъ. Винаватъ, драгоценный судья. Позвольте на одно слово, *monsieur* Мокрый Навозъ!

Каюсъ. Мокрый Навозъ! это что значить?

Хозяинъ. Мокрый Навозъ на нашемъ англійскомъ языкѣ — доблесть.

Каюсъ. О, чортъ меня побери, въ такомъ случаѣ, во мнѣ столько же мокраго навоза, сколько во всякомъ другомъ англичанинѣ! Проклятый попъ! мерзкая собака! Ужъ отрублю я тебѣ уши, чортъ меня побери!

Хозяинъ. Накостыляетъ онъ тебѣ шею порядкомъ.

Каюсъ. Накостыляетъ! это что значить?

Хозяинъ. Значить, что онъ дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Каюсъ. О, въ такомъ случаѣ, чортъ меня побери, вы увидите, что онъ меня накостыляетъ; да, чортъ меня побери, я хочу этого!

Хозяинъ. А я заставлю его сдѣлать это; иначе, пропади онъ къ чорту!

Каюсъ. Покорнѣйше васъ благодарю.

Хозяинъ. И, сверъ того, мое чудовище... (*Тихо другимъ*). Но прежде вы, мистеръ судья, и вы, мистеръ Пэдждъ, и вы, *cavalero* Слендеръ, отправляйтесь черезъ городъ въ Фрогморъ.

Пэдждъ. Вѣдь сэръ Гутъ тамъ?

Хозяинъ. Тамъ. Узнаете, въ какомъ онъ расположеніи духа, а я проведу туда доктора полями. Вѣдь хорошо такъ будетъ?

Шэлло. Мы идемъ.

Пэдждъ, Шэлло и Слендеръ. Прощайте, добрѣйшій докторъ! (*Уходятъ*).

Каюсъ. Чортъ меня побери, я хочу убить попа, потому что онъ хлопочетъ у Анны Пэдждъ за обезьяну.

Хозяинъ. Да, пусть онъ умретъ; но пока вложи въ ножны свое нетерпѣніе, облей холодной водой свой гнѣвъ, и пойдёмъ со мной полями во Фрогморъ; я приведу тебя на сельскій праздникъ, гдѣ теперь Анна Пэдждъ, и тамъ ты будешь строить ей куры и всяческіе амуры. Хорошо сказано?

Каюсъ. Спасибо за это, чортъ меня побери! Вы мнѣ нравитесь, чортъ меня побери! Я доставлю вамъ хорошихъ покупателей — графовъ, лордовъ, джентльменовъ — все моихъ пациентовъ.

Хозяинъ. А я за это буду твоимъ противникомъ у Анны Пэдждъ. Хорошо сказано?

Каюсъ. Хорошо, чортъ меня побери, хорошо сказано! (*Уходятъ*).

Хозяинъ. Ну, такъ маршъ!

Каюсъ. Слѣдуй по моимъ пятамъ, Джекъ Регби! (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Поле близъ Фрогмора.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ и Сэмплъ.

Эвансъ. Прошу васъ, служитель добраго мистера Слендера, другъ мой, Сэмплъ по имени, скажите, съ которой стороны высматривали вы мистера Каюса, титулующаго себя докторомъ медицины?

Сэмплъ. Да со всѣхъ сторонъ, сэръ: и съ лондонской дороги, и съ парка, и съ старой виндзорской дороги; только съ городской дороги и не смотрѣлъ.

Эвансъ. Наинастоятельнѣйше прошу васъ посмотрѣть и съ этой стороны.

Сэмплъ. Слушаю-сь. (*Уходитъ*).

Эвансъ. Господи помилуй! какъ преисполнена душа моя гнѣва, какъ мятется духъ мой! Я былъ бы радъ, если-бъ онъ обманулъ меня! Какая меланхолія овладѣла мною! Какъ только представится благопріятный случай, перебью на его негодной главѣ всѣ его сосуды съ мочей. Господи помилуй! (*Поетъ*).

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы

Созвучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригалы,

Изъ розъ содѣлаемъ мы ложе, и на немъ

Мы тысячи вѣнковъ пахучихъ заплетемъ!

Господи помилуй! Я ощущаю великое желаніе плакать! (*Поетъ*).

Созвучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригалы,
Когда я возсѣдалъ у вавилонскихъ водъ...
Мы тысячи вѣнковъ пахучихъ заплетемъ...
У тихихъ ручейковъ...

(Сэмплъ *возвращается*).

Сэмплъ. Идетъ, сэръ Гугъ, идетъ съ этой стороны!

Эвансъ. Милости просимъ. (*Поетъ*).

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы...

Да защититъ небо правое дѣло!... Какое оружіе несетъ онъ?

Сэмплъ. Никакого, сэръ. Вотъ идутъ также по фрогморской дорогѣ мой баринъ, мистеръ Шэлло и еще какой-то джентльменъ.

Эвансъ. Пожалуйста, подай мнѣ платье, или, лучше, поддержи его у себя на рукахъ.

Входятъ Пэдждъ, Шэлло и Слендеръ

Шэлло. А! господинъ пасторъ! добраго утра, почтеннѣйшій сэръ Гугъ! Увидѣть игрока не за костями, а хорошаго ученаго не за книгами — удивительное дѣло.

Слендеръ (*въ сторону*). Ахъ, дорогая Анна Пэдждъ!

Пэдждъ. Здравствуйте, добрѣйшій сэръ Гугъ!

Эвансъ. Да будетъ благословеніе Божіе надъ всѣми вами!

Шэлло. Какъ! мечъ и слово вмѣстѣ? Такъ вы владѣете и тѣмъ, и другимъ, господинъ пасторъ?

469

Пэдждъ. И посмотрите, какимъ юношей онъ смотритъ! Въ камзолѣ и короткихъ штанахъ въ такую холодную ревматическую погоду!

Эвансъ. Этому существуютъ причины и поводы.

Пэдждъ. Мы пришли сюда, господинъ пасторъ, затѣмъ, что сдѣлать доброе дѣло.

Эвансъ. Очень хорошо; какое же?

Пэдждъ. Одинъ весьма почтенный джентльменъ, сочтя себя оскорбленнымъ какимъ-то другимъ господиномъ, до такой степени ссорится съ своимъ терпѣніемъ и своею солидностью, что вы себѣ и представить не можете.

Шэлло. Я прожилъ на свѣтѣ восемьдесятъ лѣтъ съ лишнимъ, и никогда еще не слышалъ, чтобы человѣкъ, занимающій такое мѣсто, человѣкъ такой солидный и ученый, могъ до такой степени потерять уваженіе къ самому себѣ.

Эвансъ. Кто же это?

Пэдждъ. Вы, я думаю, его знаете: это докторъ Каюсъ, извѣстный французскій докторъ.

Эвансъ. Господи спаси и помилуй! ужъ лучше бы вы стали говорить мнѣ о горшкѣ съ кашей!

Пэдждъ. Отчего же?

Эвансъ. Онъ столько же знаетъ о Гиппократѣ и Галенѣ, сколько этотъ горшокъ; а вдобавокъ къ этому еще плутъ и трусь, какого вы только можете встрѣтить на свѣтѣ.

Пэдждъ (*къ Шэлло*). Ручаюсь вамъ, что это онъ долженъ былъ драться съ докторомъ.

Слендеръ. (*въ сторону*). Ахъ, дорогая Анна Пэдждъ!

Шэлло. (*Пэджду*). Да, судя по его оружію, вы правы. — Не допускайте ихъ другъ къ другу; вотъ идетъ докторъ Каюсъ.

Входятъ хозяинъ гостиницы, Каюсъ и Регби.

Пэдждъ. Вложите въ ножны вашу шпагу, добрѣйшій пасторъ.

Шэлло. И вы сдѣлайте то же, добрѣйшій докторъ.

Хозяинъ. Обезоружимъ ихъ и заставимъ объясниться; пусть они сохраняютъ невредимыми свои члены и рубятъ нашъ англійскій языкъ.

Каюсъ. (*Эвансу*). Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово на ухо. (*Тихо ему же*). Почему вы не хотите встрѣтиться со мною?

Эвансъ. (*тихо*). Пожалуйста, потерпите; все будетъ въ свое время.

Каюсъ. (*тихо*). Чортъ меня побери, вы трусь, собака, обезьяна.

Эвансъ. (*тихо*). Пожалуйста, не сдѣлайте насъ предметомъ насмѣшки для постороннихъ. Дружески прошу васъ объ этомъ, и обѣщаю, что такъ или иначе дамъ вамъ удовлетвореніе. (*Вслухъ*). Я разобью ваши стклянки съ мочей на вашей негодной маковкѣ за то, что вы не явились на свиданіе, согласно условію.

Каюсъ. Diable!.. Джекъ Регби и вы, хозяинъ Jaretierre, скажите, развѣ я не ждалъ его, чтобы умертвить? разве я не ожидалъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое назначилъ?

Эвансъ. Свидѣтельствуюсь моей христіанской душой, это мѣсто здѣсь; ссылаюсь въ этомъ на хозяина Подвязки.

Хозяинъ. Молчать, говорятъ вамъ, Галлія и Валлія, французъ и валліецъ, врачъ души и врачъ тѣла!

Каюсъ. Вотъ это очень хорошо! вотъ это превосходно!

Хозяинъ. Молчать. Слушайте, что скажетъ хозяинъ Подвязки. Политикъ я или нѣтъ? хитроумный я человекъ или нѣтъ? Макиавель я или нѣтъ? Захочу я потерять моего доктора? Нѣтъ — потому что онъ даетъ мнѣ промывательное и полоскательное. Захочу я потерять моего пастора, моего священника, моего сэра Гуга? Нѣтъ — потому что онъ даетъ мнѣ поученія и нравоученія. Дай же мнѣ твою руку, мужъ земной; вотъ такъ. Дай мнѣ твою руку, мужъ небесный; вотъ такъ. Питомцы науки, я обманулъ обоихъ васъ; я отправилъ васъ одного въ одно мѣсто, другого въ другое. Но ваши сердца высоко благородны, ваши кожи остались невредимыми, и поэтому пусть разогрѣтое вино послужитъ развязкой всего этого дѣла. — Возьмите въ залогъ ихъ мечи!.. Слѣдуйте за мной, о, люди мира! слѣдуйте за мной, слѣдуйте за мной!

Шэлло. Совсѣмъ сумасшедшій человекъ, честное слово! Слѣдуйте за нимъ, джентельмены, слѣдуйте!

Слендеръ. (*въ сторону*). Ахъ, дорогая Анна Пэдждъ! (*Всѣ уходятъ, кромѣ Каюса и Эванса*).

Каюсь. А! я понимаю! Вы сдѣлали изъ насъ des sots — хорошо!

Эвансъ. А! онъ сдѣлалъ насъ своими игрушками! Прошу вашей дружбы; соединимъ наши мозги, чтобы придумать мще-

470

ніе этому мерзкому, паршивому, гнусному хозяину Подвязки.

Каюсь. Отъ всей души готовъ, чортъ меня побери! Онъ обѣщаль привести меня туда, гдѣ Анна Пэдждъ; но и тутъ надулъ, чортъ меня побери!

Эвансъ. Хорошо; я раздроблю ему за это черепъ. Прошу слѣдовать за мною.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Улица въ Виндзорѣ.

Входятъ мистриссъ Пэдждъ и Робинъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Иди, иди впереди, маленькій франтъ; ты привыкъ слѣдовать, но теперь долженъ вести. — А что тебѣ нравится больше: руководить моими глазами, или смотрѣть на пятки твоего барина?

Робинъ. Конечно, мнѣ пріятнѣе идти впереди васъ, какъ человѣкъ, чѣмъ слѣдовать за нимъ, какъ карликъ.

Мистриссъ Пэдждъ. О, ты порядочный льстецъ; теперь я вижу, что изъ тебя выйдетъ придворный.

Входитъ Фордъ.

Фордъ. Добраго здоровья, мистриссъ Пэдждъ. Куда это вы идете?

Мистриссъ Пэдждъ. Въ гости къ вашей женѣ. Дома она?

Фордъ. Дома и ничего не дѣлаетъ, потому что ей не съ кѣмъ заняться. Я думаю, если бы ваши мужья умерли, вы обѣ сейчасъ бы вышли замужъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Ужъ конечно — за двухъ другихъ.

Фордъ. Откуда вы взяли этого хорошенькаго пѣтушка?

Мистриссъ Пэдждъ. Право, забыла дьявольское имя господина, у котораго мой мужъ выпросилъ его. *(Робину)*. Какъ, бишь, зовутъ твоего господина?

Робинъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Фордъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ!

Мистриссъ Пэдждъ. Да, такъ, такъ; я никакъ не могу запомнить это имя... Онъ такой близкій пріятель моего мужа... Такъ ваша жена въ самомъ дѣлѣ дома?

Фордъ. Въ самомъ дѣлѣ.

Мистриссъ Пэдждъ. Съ вашего позволенія, сэръ... Я просто больна, когда не вижу ея. *(Уходитъ съ Робинѣмъ)*.

Фордъ. Да что же это съ Пэджемъ? Или ужъ онъ совсѣмъ лишился мозга, глазъ, соображенія? Да, несомнѣнно, все это спить у него — перестало служить ему... Да, вѣдь этому мальчишкѣ такъ же легко отнести письмо за двадцать миль, какъ пушкѣ попасть въ цѣль на двѣсти пятьдесятъ шаговъ. Пэджъ потворствуетъ всѣмъ прихотямъ своей жены, даетъ ей возможность исполнять всѣ ея дурачества, и вотъ теперь она идетъ къ моей женѣ, да еще вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа. Каждый услышалъ бы приближеніе бури въ этомъ свистѣ вѣтра. Вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа! Недурной заговоръ, нечего сказать! Все ловко устроено и наши жены отдають себя чорту. Хорошо! я поймаю его, проучу мою жену, сорву съ лицемѣрной мистриссъ Пэджъ покрывало скромности, докажу Пэджу, что онъ самоувѣренный и добровольный Актеонъ — и всѣ мои сосѣди будутъ аплодировать этимъ бурнымъ дѣйствіямъ! (*Бой часовъ*). Часы подають мнѣ сигналъ, и моя увѣренность приказываетъ мнѣ идти на поиски. Фальстафа я найду тамъ — и за это меня будутъ скорѣй хвалить, чѣмъ осмѣивать. А что Фальстафъ тамъ — это вѣрно, какъ то, что земля не движется. Иду.

Входятъ Пэджъ, Шэлло, Слендеръ, хозяинъ гостиницы, Эвансъ, Каюсъ и Регби.

Всѣ. Доброга здоровья, мистеръ Фордъ!

Фордъ. Славная компанія, честное слово! У меня сегодня вкусный обѣдъ, и я прошу всѣхъ пожаловать ко мнѣ.

Шэлло. Я попрошу у васъ извиненія, мистеръ Фордъ.

Слендеръ. Я тоже. Мы обѣщали обѣдать съ миссъ Анной, и я не хотѣлъ бы измѣнить этому обѣщанію ни за какія деньги въ свѣтѣ.

Шэлло. Мы устраиваемъ бракъ Анны съ моимъ кузеномъ Слендеромъ и сегодня должны получить рѣшительный отвѣтъ.

Слендеръ. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ, батюшка Пэджъ?

Пэджъ. Не откажу, мистеръ Слендеръ. Я совершенно на вашей сторонѣ, но моя жена за васъ, почтенный докторъ.

Каюсъ. Да, чортъ меня побери! да и сама дѣвица любить меня. За это мнѣ поручилась моя ключница, мистриссъ Квикли.

Хозяинъ. А какого вы мнѣнія о молодомъ мистерѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, онъ

471

пляшетъ, онъ смотритъ настоящимъ юношей, онъ пишетъ стихи, онъ говоритъ по праздничному, онъ пахнетъ апрѣлемъ и маемъ; онъ побѣдитъ, онъ побѣдитъ; ужъ ему такъ на роду написано - онъ побѣдитъ.

Пэджъ. Но не съ моего согласія — за это я ручаюсь. У этого джентльмена нѣтъ ни гроша за душой; онъ водитъ дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ птица слишкомъ высокаго полета; онъ ужъ черезъ чуръ много знаетъ. Нѣтъ, пальцами моего состоянія онъ не завяжетъ ни одного узелка на своей долѣ; коли хочеть взять мою дочь, пускай беретъ безъ приданаго. Деньги, которыя

принадлежать мнѣ, зависятъ отъ моего согласія, а мое согласіе идетъ не въ эту сторону.

Фордъ. Убѣдительноше прошу, чтобы хоть кто-нибудь изъ васъ пожаловалъ ко мнѣ отобѣдать. Кромѣ вкуснаго стола, вы найдете у меня и забаву: я покажу вамъ чудовище. Пожалуйста, не откажите, докторъ; и вы тоже, мистеръ Пэдждъ; и вы, сэръ Эвансъ.

Шэлло. Ну, такъ прощайте. Тѣмъ свободнѣе будетъ намъ толковать о свадьбѣ у мистера Пэджа.

(Шэлло и Слендеръ уходятъ).

Каюсъ. Ступай домой, Джекъ Регби — я вернусь скоро.

(Регби уходитъ).

Хозяинъ. Прощайте, драгоценные мои: я отправляюсь къ моему любезнѣйшему рыцарю Фальстафу — и дерну съ нимъ канарскаго.

(Уходитъ).

Фордъ *(въ сторону)*. Прежде, полагаю, дерну я его самого, такъ, что онъ запляшетъ. — Прошу пожаловать, господа!

Всѣ. Идемъ; посмотримъ на ваше чудовище. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ.

Мистриссъ Фордъ. Эй, Джонъ! Робертъ!

Мистриссъ Пэдждъ. Скорѣе, скорѣе! А корзина съ бѣльемъ?

Мистриссъ Фордъ. Все готово. — Эй, Робертъ! Да гдѣ же ты?

Входятъ слуги съ корзиной.

Мистриссъ Пэдждъ. Живѣе! живѣе! живѣе!

Мистриссъ Фордъ. Поставьте ее сюда.

Мистриссъ Пэдждъ. Распорядитесь скорѣе; намъ нельзя терять времени.

Мистриссъ Фордъ. Такъ помните же, Джонъ и Робертъ, сдѣлайте такъ, какъ я вамъ говорила: ждите тамъ въ пивоварнѣ, и какъ только я позову васъ, бѣгите сюда, и не медля ни минуты, берите эту корзину на плечи; затѣмъ, во всю прыть, несите ее на Дэтчетскій лугъ, къ прачкамъ, и тамъ вывалите все изъ нея въ грязный ровъ, около самой Темзы.

Мистриссъ Пэдждъ. Сдѣлаете ли вы все какъ сказано?

Мистриссъ Фордъ. Я ужъ это имъ толковала и перетолковала; больше нечего объяснять. — Ступайте и приходите, когда васъ позовутъ. (*Слуги уходятъ*).

Мистриссъ Пэджъ. Вотъ маленькій Робинъ.

Входитъ Робинъ.

Мистриссъ Фордъ. Ну, что новаго, мой соколикъ?

Робинъ. Мой баринъ, сэръ Джонъ, стоитъ у задняго крыльца вашего дома, мистриссъ Фордъ, и проситъ позволенія явиться къ вамъ.

Мистриссъ Пэджъ. Ты не измѣнилъ намъ, маленькій проказникъ?

Робинъ. Клянусь, что нѣтъ. Мой баринъ не знаетъ, что вы, мистриссъ Пэджъ, здѣсь, и погрозилъ, что если я расскажу вамъ объ этомъ, то онъ навѣки дастъ мнѣ свободу — прогнать, стало-быть.

Мистриссъ Пэджъ. Ты славный мальчикъ. Твоя скромность будетъ твоимъ портнымъ и сошьетъ тебѣ новые штаны и камзолъ. Я пойду спрятаться.

Мистриссъ Фордъ. Подите. (*Робину*). Ступай, скажи твоему барину, что я одна. (*Робертъ уходитъ*). Мистриссъ Пэджъ, помните вашу роль.

Мистриссъ Пэджъ. За это ручаюсь; коли не сыграю, какъ слѣдуетъ, ошибайте меня. (*Уходитъ*).

Мистриссъ Фордъ. Ну, теперь за дѣло. Угостимъ мы эту зловредную сырость, эту толстую водяную тыкву, научимъ мы его распознавать горлицъ отъ сорокъ.

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. «Ужель ты мой, брильянтъ небесный?» О, теперь я готовъ умереть,

472

потому что много жилъ. Здѣсь прѣдель моего честолюбія. О, блаженнѣйшій часъ!

Мистриссъ Фордъ. Милый сэръ Джонъ!

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ, я не умѣю льстить, я не умѣю много говорить, мистриссъ Фордъ. Согрешу я теперь помысломъ: мнѣ было бы желательно, чтобъ твой мужъ умеръ. Да, передъ знатнѣйшимъ лордомъ не задумаюсь я сказать: желалъ бы сдѣлать тебя моею лэди!

Мистриссъ Фордъ. Меня — вашей лэди, сэръ Джонъ? Ахъ, жалкая лэди вышла бы изъ меня!

Фальстафъ. Пусть французскій дворъ покажетъ мнѣ подобную тебѣ! Твои очи, это я вижу, могли бы соперничать съ брильянтомъ. Ты обладаешь тѣми прелестными дугами бровей, къ которымъ идетъ и шляпка-корабликъ, и шляпка-амазонка, и всякая шляпка венеціанскаго покроя.

Мистриссъ Фордъ. Простой платокъ, сэръ Джонъ — вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ, да и тотъ слишкомъ хорошъ для меня.

Фальстафъ. Клянусь Богомъ, ты совершаешь преступленіе, произнося такія слова. Нѣтъ, изъ тебя бы вышла придворная дама въ полномъ смыслѣ слова, и твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную прелесть твоимъ движеніямъ въ полукруглыхъ фижмахъ. Если бъ судьба не была твоимъ врагомъ, я

знаю, чѣмъ была бы ты, имѣя такого друга въ природѣ. Перестань же скрывать это — ибо скрыть невозможно.

Мистриссъ Фордъ. Повѣрьте, ничего подобнаго нѣтъ во мнѣ.

Фальстафъ. Но за что же я полюбилъ тебя? Убѣдись хоть этимъ, что въ тебѣ есть нѣчто необыкновенное. Я не умѣю льстить, не умѣю говорить, что ты и такая, и этакая — какъ умѣютъ сюсюкать эти франтики, похожіе на женщинъ въ мужскомъ платьѣ, и пахнушіе, какъ Бэкльберійская улица съ ея аптекарскими кладовыми во время сбора травъ. Не умѣю я, но люблю тебя, одну тебя, и ты заслуживаешь этого.

Мистриссъ Фордъ. Не обманывайте меня, сэръ; боюсь, вы любите мистриссъ Пэдждъ.

Фальстафъ. Ты точно также могла бы сказать, что я люблю прохаживаться мимо долговой тюрьмы, которая для меня ненавистна такъ же, какъ дымъ отъ обжигаемой извести.

Мистриссъ Фордъ. Одному Богу извѣстно, какъ я люблю васъ, и когда-нибудь вы убѣдитесь въ этомъ.

Фальстафъ. Остаюсь вѣрна этой любви; я сдѣлаюсь достойнымъ ея.

Мистриссъ Фордъ. Не могу скрыть отъ васъ, что вы и теперь достойны ея; иначе во мнѣ не было бы этого чувства.

Робинъ (*за сценой*). Мистриссъ Фордъ! мистриссъ Фордъ! Къ вамъ пришла мистриссъ Пэдждъ; она вся въ поту, страшно запыхалась и смотритъ, какъ растерянная; ей необходимо сію же минуту поговорить съ вами.

Фальстафъ. Она не должна видѣть меня здѣсь; я спрячусь за занавѣски. Мистриссъ Фордъ. Да, спрячьтесь, пожалуйста; она вѣдь такая болтливая женщина. (*Фальстафъ прячется*).

Входятъ мистриссъ Пэдждъ и Робинъ.

Мистриссъ Фордъ. Что такое, что случилось?

Мистриссъ Пэдждъ. Ахъ, мистриссъ Фордъ, что вы надѣлали? Вы осрамлены, уничтожены, погибли на-вѣки!

Мистриссъ Фордъ. Да въ чемъ дѣло, добрѣйшая мистриссъ Пэдждъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Ради самого Бога, мистриссъ Фордъ — можно ли, имѣя честнаго мужа, давать ему такой поводъ къ подозрѣнію.

Мистриссъ Фордъ. Какой поводъ къ подозрѣнію?

Мистриссъ Пэдждъ. Какой поводъ? Стыдитесь! Какъ страшно я ошиблась въ васъ!

Мистриссъ Фордъ. Да въ чемъ же дѣло, Господи Боже мой?

Мистриссъ Пэдждъ. Вашъ мужъ идетъ сюда со всѣми виндзорскими полицейскими: онъ ищетъ одного джентльмена, который, по его словамъ, теперь здѣсь въ домѣ, съ вашего согласія и съ намѣреніемъ преступно воспользоваться отсутствіемъ вашего супруга. Вы погибли!

Мистриссъ Фордъ. Надѣюсь, что это все выдумка.

Мистриссъ Пэдждъ. Дай Богъ, чтобъ это была выдумка. Но что вашъ мужъ идетъ сюда его отыскивать чуть не съ половиной Виндзора — это несомнѣнно. Я прибѣжала предупредить васъ. Если вы увѣрены въ своей невинности — я, конечно, очень рада; но если въ самомъ дѣлѣ у васъ здѣсь спрятанъ возлюбленный —

выпроводите его скорѣе. Не теряйте присутствія духа... придите въ себя; защитите вашу репутацію — иначе вамъ придется на-

473

вѣки проститься съ вашею счастливою жизнью.

Мистриссъ Фордъ. Что мнѣ дѣлать? — Здѣсь спрятанъ мой дорогой другъ, и мнѣ не столько страшенъ мой стыдъ, сколько угрожающая ему опасность. Я не пожалѣла бы тысячи фунтовъ, чтобы только онъ не былъ здѣсь.

Мистриссъ Пэдждъ. Стыдитесь! Оставьте ваше: «я не пожалѣла бы». Вашъ мужъ въ двухъ шагахъ отсюда; придумайте средство къ его побѣгу — здѣсь въ домѣ вамъ невозможно спрятать его. О, какъ вы обманули меня! Пойдите, вотъ корзина; если онъ умѣреннаго роста, то какъ-нибудь помѣстится; потомъ вы навалите на него

474

грязное бѣлье, какъ будто отправляете въ стирку; а такъ какъ теперь именно стирають, то пусть двое вашихъ слугъ снесутъ его на Дэтчетскій лугъ.

Мистриссъ Фордъ. Онъ слишкомъ толстъ, чтобы помѣститься въ ней. Что мнѣ дѣлать?

Фальстафъ (*выбѣгая изъ-за занавѣски*). Покажите, покажите мнѣ! О, покажите скорѣе! Помѣщусь, помѣщусь! Послѣдуйте совѣту вашей подруги — я помѣщусь!

Мистриссъ Пэдждъ. (*тихо ему*). Какъ, это вы, сэръ Джонъ Фальстафъ? Такъ вотъ каковы ваши письма, рыцарь?

Фальстафъ. (*тихо*). Я люблю тебя. Помоги мнѣ удрать. (*Вслухъ*). Скорѣе въ корзину! Впередъ никогда... (*Вльзаетъ въ корзину; онъ заваливаютъ его грязнымъ бѣльемъ*).

Мистриссъ Пэдждъ. Помогай, мальчикъ закрыть твоего барина... Зовите вашихъ слугъ, мистриссъ Фордъ!... О, лицемѣрный рыцарь.

Мистриссъ Фордъ. Эй, Джонъ! Робертъ! Джонъ! (*Робинъ уходитъ*).

Входятъ слуги.

Мистриссъ Фордъ. Берите скорѣе это бѣлье. Гдѣ шесть для корзины? Да живѣе — что мѣшкаете? Несите его къ прачкамъ на Дэтчетскій лугъ. Живѣе, живѣе!

Входятъ Фордъ, Пэдждъ, Каюсъ и Эвансъ.

Фордъ. Пожалуйте, пожалуйте сюда. Если мои подозрѣнія неосновательны, издѣвайтесь надо мной, сдѣлайте меня вашимъ посмѣшищемъ: я буду стоять этого... Это что такое? куда вы несете корзину?

Слуги. Къ прачкамъ.

Мистриссъ Фордъ. Да тебѣ какое дѣло, куда они несутъ это? Только недоставало, чтобы ты сталъ мѣшаться въ мытье бѣлья.

Фордъ. Мытье! О, я хотѣлъ бы съ себя самого смыть пятно. Пятно, пятно, пятно! Да, пятно — повѣрьте; тутъ пятно, и вы сейчасъ увидите его! (*Слуги уносятъ укорзину*).

Сегодня, джентльмены, мнѣ снился сонъ; я расскажу вамъ этотъ сонъ. Вотъ, вотъ, вотъ вамъ мои ключи; пойдите въ мои верхнія комнаты; ищите, обыскивайте, перерывайте все; я вамъ ручаюсь, что мы вытравимъ лисицу. Но прежде я затворю эту дверь; вотъ такъ; теперь начинайте травлю.

Пэдждъ. Добрѣйшій мистеръ Фордъ, успокойтесь: вы черезъ-чуръ вредите самому себѣ.

Фордъ. Правда, мистеръ Пэдждъ. - Идемте, господа; сейчасъ вы потѣшитесь. Слѣдуйте за мной, господа! (*Уходятъ*).

Эвансъ. Совершенно фантастическая ревность и боязнь!

Каюсъ. Чортъ меня побери, это совсѣмъ не во французскомъ духѣ; у насъ, во Франціи, не ревнуютъ.

Пэдждъ. Пойдемъ, однако, за нимъ; посмотримъ, чѣмъ кончатся его поиски.

(Пэдждъ, Каюсъ и Эвансъ уходятъ).

Мистриссъ Пэдждъ. Не правда ли, что штука вышла вдвойнѣ превосходная?

Мистриссъ Фордъ. Я ужъ не знаю, чѣмъ больше восхищаться: тѣмъ ли, что мужъ попалъ впросакъ, или тѣмъ, что съ Фальстафомъ сыграли такую шутку?

Мистриссъ Пэдждъ. Что, я думаю, дѣлалось съ нимъ, когда вашъ мужъ спросилъ, что такое въ корзинѣ!

Мистриссъ Фордъ. Я почти увѣрена, что ему вымыться очень не мѣшаетъ. Значитъ, мы ему окажемъ услугу, окунувъ его въ воду.

Мистриссъ Пэдждъ. Чтобъ ему, мерзавцу, пропасть тамъ! Желаю того же и всѣмъ, ему подобнымъ.

Мистриссъ Фордъ. Мнѣ сдается, что у моего мужа была особенная причина подозрѣвать, что Фальстафъ здѣсь; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я никогда не видѣла его въ такомъ грубомъ припадкѣ ревности.

Мистриссъ Пэдждъ. Я найду средство узнать это; а съ Фальстафомъ мы сыграемъ еще нѣсколько штукъ. Отъ одного этого лѣкарства не пройдетъ его распутная болѣзнь.

Мистриссъ Фордъ. Не послать ли намъ къ нему эту глупую тварь Квикли, чтобы извиниться отъ нашего имени въ этомъ купаньи и подать ему какую-нибудь другую надежду, которая заставила бы его поплатиться еще разъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Да; пошлемъ ему сказать, что ждемъ его завтра въ восемь часовъ, чтобъ вознаградить за сегодняшнюю неудачу.

Входятъ Фордъ, Пэдждъ, Каюсъ и Эвансъ.

Фордъ. Не могу найти его; можетъ быть, бездѣльникъ только хвастался тѣмъ, что не удалось ему получить.

Мистриссъ Пэдждъ (*тихо мистриссъ Фордъ*). Слышали?

475

Мистриссъ Фордъ. Что же, мистеръ Фордъ, какъ вы полагаете, хорошо вы поступаете со мною?

Фордъ. Да, хорошо, нечего сказать.

Мистриссъ Фордъ. Дай Богъ, чтобъ вы сдѣлались лучше, чѣмъ ваши мысли!

Фордъ. Аминь.

Мистриссъ Пэдждъ. Вы сами сильно вредите себѣ, мистеръ Фордъ.

Фордъ. Да, да я долженъ страдать за это.

Эвансъ. Если скрывать кто либо въ здѣшнемъ домѣ, или въ камнатахъ, или въ сундукахъ, или въ шкапахъ — то да проститъ мнѣ Господь прегрѣшенія мои въ день страшнаго суда!

Каюсъ. Чортъ меня побери, и мнѣ тоже! Никого здѣсь нѣтъ!

Пэдждъ. Фи, фи, мистеръ Фордъ! какъ вамъ не стыдно! Какой злой духъ, какой демонъ внушилъ вамъ эту чепуху? За всѣ сокровища виндзорскаго замка не желалъ бы я имѣть болѣзнь такого рода.

Фордъ. Это мое несчастіе, мистеръ Пэдждъ, - и я терплю за него.

Эвансъ. Вы терпите за нечистую совѣсть; ваша жена — честная женщина, какую я желалъ бы обрѣсти между пятью тысячами, и еще пятью стами.

Каюсъ. Чортъ меня побери, я вижу, что она честная женщина.

Фордъ. Ну, хорошо, хорошо! Я обѣщаль угостить васъ обѣдомъ. Пойдемъ теперь прогуляться въ паркѣ. Пожалуйста, извините меня; послѣ я объясню вамъ, почему сдѣлалъ это. Пойдемъ, жена; пойдете, мистриссъ Пэдждъ. Пожалуйста, простите меня; убѣдительно прошу — простите.

Пэдждъ. Пойдете, господа; но, право, намъ слѣдуетъ посмѣяться надъ нимъ. Я приглашаю васъ къ себѣ завтра утромъ на завтракъ; потомъ мы сходимъ вмѣстѣ на охоту; у меня отличный соколъ для лѣса. Идетъ?

Фордъ. Къ вашимъ услугамъ.

Эвансъ. Ежели будетъ одинъ, я составлю пару.

Каюсъ. Ежели будетъ одинъ или пара, я составлю тройку.

Фордъ. Пожалуйста, мистеръ Пэдждъ.

Эвансъ (*Каюсу*). Прошу васъ не забыть завтра объ этомъ вшивомъ негодяѣ, хозяинѣ гостиницы.

Каюсъ. Это правда, чортъ меня побери, - непременно вспомню.

Эвансъ. Вшивый негодяй! Позволять себѣ подобныя насмѣшки и издѣванія!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Пэджа.

Входятъ Фентонъ и Анна Пэдждъ.

Фентонъ.

Нѣтъ, ужъ любви у твоего отца

Я не добьюсь, какъ видно; перестань же

Меня къ нему все отсылать, мой другъ.

Анна.

Что жъ дѣлать намъ?

Фентонъ.

Ты собственную волю

Должна имѣть. Онъ говоритъ, что я,
По своему рожденью, слишкомъ знатень,
Что будто бы, разстроивъ мотовствомъ
Отцовское наслѣдство, я желаю
Поправиться на ваши деньги. Онъ,
Сверхъ этого, находить и другія
Препятствія: прошедшія мои
Дурачества, безпутные знакомства,
И говоритъ, что я люблю тебя
Могу, какъ капиталъ, — но не иначе...

Анна.

Онъ, можетъ быть, и правду говоритъ.

Фентонъ.

О, нѣтъ, клянусь всѣмъ счастьемъ, что отъ неба
Я жду себѣ! Не скрою отъ тебя,
Что твоего отца боготство было
Мнѣ первымъ побужденіемъ къ сватовству,
Но, сблизившись съ тобой, я убѣдился,
Что ты цѣннѣй всѣхъ золотыхъ монетъ,
Всѣхъ сундуковъ съ червонцами — и только
Къ сокровищамъ, таящимся въ тебѣ,
Стремлюсь теперь!

Анна.

Но все-жъ старайтесь, Фентонъ,

Чтобъ мой отецъ васъ полюбилъ, мой другъ,
Старайтесь постоянно. Если жъ время
И просьбы, и моления ваши къ цѣли
Не приведутъ — тогда... Сюда идутъ!

(Отходятъ въ сторону).

Входятъ Шэлло, Слендеръ и мистриссъ Квикли.

Шэлло. Прервите ихъ бесѣду, мистриссъ Квикли, мой родственникъ будетъ говорить самъ за себя.

Слендеръ. Пущу одну или двѣ стрѣлы: такъ, въ видѣ попытки.

Шэлло. Не робѣй.

Слендеръ. Нѣтъ, она не пугаетъ меня. Это-то меня не беспокоитъ, но главное дѣло въ томъ, что я боюсь.

Квикли. (*Аннѣ Пэджъ*). Послушайте, мистеръ Слендеръ желаетъ вамъ сказать пару словъ.

Анна.

Иду. (*Въ сторону*).

Вотъ кто отцомъ моимъ мнѣ выбранъ!

О, сколько гадкихъ, безобразныхъ свойствъ

Прикрашены доходомъ въ триста фунтовъ!

Квикли. А, какъ вы поживаете, добрѣйшій мистеръ Фентонъ? Позвольте сказать вамъ словечко.

Шэлло. Она идетъ. Начинай, кузень. Вспомни, дитя мое, какой, вѣдь, у тебя былъ отецъ!

Слендеръ. У меня былъ отецъ, миссъ Анна. Мой кузень можетъ рассказать вамъ забавныя штуки про него. Будьте такъ добры, кузень, расскажите миссъ Аннѣ, какъ мой папенька укралъ однажды изъ курятника двухъ гусей.

Шэлло. Миссъ Анна, мой кузень любитъ васъ.

Слендеръ. Да, да — люблю, какъ любую изъ женщинъ въ Глостерширѣ.

Шэлло. Онъ будетъ содержать васъ, какъ настоящую барыню.

Слендеръ. Точно такъ-съ — буду жить, какъ любой длиннохвостый и короткохвостый, по званію ниже эсквайра.

Шэлло. Онъ запишетъ на ваше имя полтора ста фунтовъ.

Анна. Добрѣйшій мистеръ Шэлло, предоставьте ему объясниться въ любви самому.

Шэлло. Благодарю васъ за это; благодарю васъ за такое ободреніе. (*Слендеру*.) Она зоветъ тебя, кузень. Я оставляю васъ.

Анна. Итакъ, мистеръ Слендеръ.

Слендеръ. Итакъ, миссъ Анна...

Анна. Въ чемъ состоитъ ваша послѣдняя воля?

Слендеръ. Моя послѣдняя воля? Вотъ это потѣха! истинно скажу, штука забавная! Да я еще не думалъ о послѣдней волѣ: благодаря Господа, мое здоровье еще не такъ плохо.

Анна. Вы меня не поняли: я хочу спросить, чего вы отъ меня окончательно желаете?

Слендеръ. Да извольте видѣть, собственно я не желаю ничего, или весьма мало. Вашъ папенька и мой кузень пустили меня въ ходъ. Если дѣло мнѣ удастся — хорошо; не удастся — пусть везетъ тому, кто счастливъ! Они лучше меня могутъ сказать вамъ, какъ идетъ дѣло. Вы можете освѣдомиться у вашего папеньки. Вотъ онъ идетъ.

Входятъ Пэджъ и мистриссъ Пэджъ.

Пэджъ.

А, Слендеръ здѣсь! Люби его, дочь Анна!

А это что? Зачѣмъ здѣсь Фентонъ? Сэръ,
Мнѣ частые визиты ваши, знайте,
Ужасно непріятны. Я, вѣдь, вамъ
Уже сказалъ, что отдалъ дочь другому.

Фентонъ.

Прошу васъ не сердиться, мистеръ Пэдждъ.

Мистриссъ Пэдждъ.

Сэръ Фентонъ, да, пожалуйста, оставьте
Мое дитя.

Пэдждъ.

Она не пара вамъ.

Фентонъ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать.

Пэдждъ.

Нѣтъ, мистеръ Фентонъ. Ну, идемте, Шэлло.
(Слендеру). Пойдемъ, мой сынъ. Рѣшеніе мое
Извѣстно вамъ — и потому обидны
Мнѣ ваши предложенія, мистеръ Фентонъ.

(Пэдждъ, Шэлло и Слендеръ уходятъ.)

Квикли. Поговорите съ мистриссъ Пэдждъ.

Фентонъ.

О, мистриссъ Пэдждъ, я вашу дочь такъ чисто
И искренно люблю, что, несмотря
На эти всѣ препятствія, отказы,
Не удалюсь и флагъ моей любви
Не опущу. Молю васъ снова — дайте
Согласье мнѣ.

Анна.

О, матушка моя,

Не отдавайте этому болвану
Моей руки.

Мистриссъ Пэдждъ.

Да я и не хочу.

Нашла тебѣ я партію получше.
Квикли. Моего барина, господина доктора.

Анна.

О, Господи! ужъ лучше пусть меня

Живой зароютъ въ землю, или рѣпой
Забьютъ на смерть!

Мистриссъ Пэджъ.

Ну, полно, не тревожься.

Любезный мистеръ Фентонъ, я не буду
Ни другомъ вамъ, ни недругомъ: я дочь
Поразспрошу, дѣйствительно ли ею
Любимы вы, и съ чувствами ея
Свое расположенъе согласую.
Покамѣсть-же прощайте; надо ей
Идти туда: отецъ сердиться станетъ.

Фентонъ.

Прощайте, Нанъ! Прощайте, мистриссъ Пэджъ!

(Анна и мать уходятъ.)

Квикли. Это, вѣдь, я такъ устроила. «Неужели — сказала я матери — вы бросите вашу дочь этому болвану, или какому-нибудь лѣкарю? Посмотрите-ка на мистера Фентона...» Да, это я устроила.

Фентонъ.

Благодарю — и передать прошу
Сегодня вечеромъ вотъ этотъ перстень
Прекрасной Нанъ. Вотъ и тебѣ за трудъ.

(Даетъ деньги и уходитъ.)

Квикли. Пошли тебѣ Господи всякаго успѣха! Доброе у него сердце; за такое доброе сердце любая женщина пойдетъ въ огонь и воду. Но все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобъ миссъ Анна досталась моему барину, или чтобъ она досталась мистеру Слендеру, или ужъ право, пусть бы досталась мистеру Фентону. Я буду всячески помогать всѣмъ троимъ, потому что всѣмъ троимъ обѣщала — и сдержу слово. Но особенно стану хлопотать за мистера Фентона. Ахъ, да, вѣдь, я и забыла, что у меня есть еще порученіе отъ моихъ двухъ мистриссъ къ сэру Джону Фальстафу; а я-то, дура, болтаюсь здѣсь. *(Уходитъ.)*

СЦЕНА V.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ и Бардольфъ.

Фальстафъ. Эй, Бардольфъ!

Бардольфъ. Что прикажете, сэръ?

Фальстафъ. Принеси мнѣ кружку вина, да подложи въ него подоженный хлѣба. (*Бардольфъ уходитъ.*) Для того ли я прожилъ на свѣтѣ столько лѣтъ, чтобъ меня потащили, наконецъ, въ корзину, точно негодные остатки битаго мяса, и выкинули въ Темзу? Ну, ужъ коли я позволю еще разъ сыграть со мной такую штуку, пусть у меня вырѣжутъ мозгъ, изжарятъ его на маслѣ и отдадутъ собакѣ въ подарокъ на новый годъ. Этакіе подлецы! Вѣдь швырнули меня въ рѣку безъ всякаго угрызенія совѣсти, точно топили пятнадцать слѣпыхъ щенятъ. А по моей корпуленціи вы можете судить, что я обладаю нѣкоторою способностью быстро погружаться: будь дно даже и такъ глубоко, какъ самъ адъ, я и тогда дошелъ бы до него. Да, потонуть бы мнѣ непременно, еслибъ рѣка не была въ томъ мѣстѣ мелка и съ каменистымъ дномъ. А для меня такая смерть просто ненавистна, потому что, вѣдь, человекъ отъ воды раздувается; какая же фигура вышла бы изъ меня, еслибъ меня еще раздуло! Сталь бы гора-горой!

(*Бардольфъ возвращается съ виномъ.*)

Бардольфъ. Тамъ пришла, сэръ, мистриссъ Квикли: хочеть говорить съ вами.

Фальстафъ (*взявъ вино*). Ну, подбавимъ немного вина къ водѣ изъ Темзы, потому что въ желудкѣ моемъ такой морозъ, какъ будто я проглотилъ нѣсколько пилюль изъ снѣга для освѣженія моихъ внутренностей. Зови ее сюда.

Бардольфъ. Иди, женщина!

Входитъ мистриссъ Квикли.

Квикли. Съ вашего позволенія, сэръ... Простите, пожалуйста! Добраго здоровья вашей милости.

Фальстафъ (*Бардольфу*). Тащи прочь эти сосуды и вскипяти мнѣ самымъ лучшимъ манеромъ бутылку вина.

Бардольфъ. Съ яйцами, сэръ?

Фальстафъ. Нѣтъ, безъ всякой примѣси: я не желаю видѣть въ своемъ питѣѣ зарождающагося цыпленка. (*Бардольфъ уходитъ.*) Ну, что скажешь?

Квикли. Да пришла къ вашей милости отъ мистриссъ Фордъ.

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ! Довольно съ меня: угощенъ достаточно, напитанъ вполнѣ!

Квикли. Ахъ, горе, горе! Да, вѣдь, она, голубушка, тутъ ни въ чемъ не виновата. Ужъ она ругала, ругала свою прислугу — они взяли не то *управленіе*.

Фальстафъ. Какъ и я взялъ не то направленіе, положившись на обѣщаніе глупой бабы.

Квикли. Ахъ, сэръ, она такъ горюеть объ этомъ, что у васъ сердце бы разорвалось, глядя на нее. Но сегодня утромъ

ея мужъ идетъ на охоту, и она проситъ васъ опять придти къ ней между восемью и девятью часами. Мнѣ велѣно, какъ можно скорѣе, принести ей отвѣтъ. Ужъ повѣрьте мнѣ, она вознаградитъ васъ за первую неудачу.

Фальстафъ. Хорошо, я посѣщу ее. Такъ ей и скажи, да попроси обдумать, что значить человѣкъ; попроси обсудить непочность человѣческой природы и воздать поэтому должную цѣну моему достоинству.

Квикли. Слушаю — все скажу.

Фальстафъ. Да, скажи. Такъ между девятью и десятью?

Квикли. Между восемью и девятью.

Фальстафъ. Ну, хорошо, ступай. Буду непремѣнно.

Квикли. Да хранить васъ Богъ, сэръ!

(Уходитъ.)

Фальстафъ. Удивительно мнѣ, что Потока не видать; вѣдь онъ послалъ мнѣ сказать, чтобъ я ждалъ его здѣсь. Мнѣ его деньги очень по сердцу. А, да вотъ и онъ!

Входитъ Фордъ, переодетый по прежнему.

Фордъ. Добраго здоровья, сэръ!

Фальстафъ. Ну, мистеръ Потокъ, вы пришли узнать, что произошло между мною и женой Форда?

Фордъ. Дѣйствительно, пришелъ за этимъ, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Мистеръ Потокъ, я не хочу лгать вамъ; я былъ у ней въ назначенный часъ.

Фордъ. И успѣли?

Фальстафъ. Весьма неблагополучно, мистеръ Потокъ.

Фордъ. Какимъ же это образомъ? Измѣнила она, что ли, свое рѣшеніе?

Фальстафъ. Нѣтъ, мистеръ Потокъ; но проклятый рогоносецъ, мужъ ея, который то и дѣло мечется во всѣ стороны отъ ревности, явился въ самую минуту нашей встрѣчи, послѣ того какъ мы успѣли и обняться, и облобызаться, и увѣрить другъ друга въ любви, и, такъ сказать, сыграть прологъ къ нашей комедіи. А по пятамъ его слѣдовала цѣлая шайка его друзей, которыхъ онъ собралъ и взбудоражилъ своимъ бѣшенствомъ. Всѣ они, можете себѣ представить, пришли обыскивать его домъ, чтобы найти любовника его жены.

Фордъ. Какъ! — и это происходило въ то время, когда вы были тамъ?

Фальстафъ. Въ то время, когда я былъ тамъ.

Фордъ. И онъ искалъ васъ и не могъ найти?

Фальстафъ. А вотъ, послушайте. На наше счастье пришла въ это время нѣкая мистриссъ Пэдждъ; она тотчасъ же дала намъ знать о приближеніи Форда, и тутъ, по ея мысли, жена Форда, совсѣмъ потерявъ голову, спрятала меня въ корзину съ бѣльемъ.

Фордъ. Въ корзину съ бѣльемъ?

Фальстафъ. Да, чортъ меня побери, въ корзину съ бѣльемъ! Меня засунули въ грязныя рубашки и юбки, грязныя чулки, выпачканныя салфетки. Все это, мистеръ Потокъ, производило самую зловонную смѣсь сквернѣйшихъ запаховъ, какая только когда-нибудь оскорбляла человѣческія ноздри.

Фордъ. И долго вы пролежали тамъ?

Фальстафъ. Погодите, сейчас услышите, мистеръ Потокъ, сколько я вытерпѣлъ изъ-за моего желанія склонить эту женщину къ злу для вашего блага. Когда я такимъ образомъ очутился въ корзинѣ, мистриссъ Фордъ позвала двухъ мерзавцевъ, лакеевъ своего мужа, и велѣла нести меня, въ видѣ грязнаго бѣлья, на Дэтчетскій лугъ. Они подняли меня къ себѣ на плечи. Въ дверяхъ встрѣтился съ ними мерзкій ревнивецъ, ихъ баринъ, спросившій разъ или два, что у нихъ въ корзинѣ. Я трепеталъ отъ страха при мысли, что этотъ подлый сумасшедшій станетъ осматривать корзину; но судьба, обрекая его на званіе роконосца, удержала его руку. Ну, хорошо! Онъ отправился дальше на поиски, а я препроводился въ видѣ грязнаго бѣлья. Но замѣчайте, что было дальше, мистеръ Потокъ. Я терпѣлъ муки трехъ различныхъ родовъ смерти: во-первыхъ, невыносимый страхъ, что ревнивый, гнусный баранъ найдетъ меня; затѣмъ, лежанье на пространствѣ какого-нибудь наперстка въ мучительно-скорченномъ положеніи, головою къ пяткамъ; наконецъ, плотная укупорка моей персоны, точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, разлагавшемся въ своемъ собственномъ салѣ. Представьте вы себѣ человека моей комплекціи — представьте себѣ это... А надо вамъ знать, что на меня жаръ дѣйствуетъ какъ на масло: со мной происходитъ вѣчное растапливаніе, вѣчное таяніе. Не понимаю, какимъ чудомъ я не задохся. И вотъ, въ самомъ разгарѣ этой бани, когда я, точно голландское кушанье, на половину сварился уже въ собственномъ жирѣ — меня вдругъ швырнули

479

въ Темзу, мое до красна раскаленное тѣло охладили въ этой влагѣ, какъ лошадиную подкову. Представьте вы только себѣ это, - раскаленное до красна - представьте себѣ, мистеръ Потокъ!

Фордъ. По совѣсти говорю, сэръ, мнѣ весьма прискорбно, что изъ-за меня вы вытерпѣли все это. Стало-быть, мое дѣло совсѣмъ проиграно. Вы послѣ этого, конечно, уже не приметесь за него?

Фальстафъ. Мистеръ Потокъ, скорѣй я позволю швырнуть себя въ Этну, какъ швырнули меня въ Темзу, чѣмъ такъ легко откажусь отъ нея. Ея мужъ сегодня утромъ отправился на охоту, а я получилъ отъ нея приглашеніе на новое свиданіе — именно между восемью и девятью часами, мистеръ Потокъ.

Фордъ. Восемь уже било, сэръ.

Фальстафъ. Уже? Ну, такъ я отправлюсь на свиданье. Приходите ко мнѣ, когда найдете удобнымъ, и я сообщу вамъ о моемъ успѣхѣ. Дѣло все-таки разыграется тѣмъ, что она будетъ ваша. Adieu! Она будетъ ваша, мистеръ Потокъ. Мистеръ Потокъ, вы украсите рогами Форда. *(Уходитъ)*.

Фордъ. О, что это такое — видѣніе? сонъ? Сплю я — что ли? Мистеръ Фордъ, проснитесь! Въ вашемъ лучшемъ платьѣ образовалась прорѣха, мистеръ Фордъ. Вотъ что значитъ быть женатымъ! вотъ что значитъ быть женатымъ! вотъ что значитъ имѣть бѣлье и корзины для бѣлья! Хорошо, теперь я покажу всѣмъ, кто я такой. Я поймаю этого мерзавца: онъ въ моемъ домѣ; онъ не увернется отъ меня, такъ какъ ему невозможно увернуться: не спрячется же ему въ кошелекъ для мелкихъ денегъ, не забиться въ переслицу. Но чтобы помогающій ему дьяволъ не выпуталъ его изъ

бѣды и теперь, я сдѣлаю обыскъ даже въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. Хоть я и не могу избѣгнуть моей участи, но эта участь, для меня ненавистная, все-таки не покорить меня себѣ. Если мнѣ достались рога, доводящіе до бѣшенства, то я оправдаю поговорку: буду бѣшень, какъ рогатый звѣрь. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ мистриссъ Пэдждъ, мистриссъ Квикли и Вильямъ Пэдждъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Какъ ты думаешь, пришелъ уже онъ къ мистриссъ Фордъ?

Квикли. Непрѣменно пришелъ, или придетъ сію минуту. Ну, правду вамъ сказать, онъ ужасно взбѣшень за то, что его кинули въ воду. Мистриссъ Фордъ просить васъ придти къ ней сейчасъ же.

Мистриссъ Пэдждъ. Я сейчасъ приду къ ней, только прежде провожу моего мальчугана въ школу. Впрочемъ, вотъ идетъ его учитель: должно быть, сегодня рекреационный день.

Входитъ сэръ Гугъ Эвансъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Что, сэръ Гугъ, сегодня нѣтъ ученья?

Эвансъ. Нѣтъ, мистеръ Слендеръ упросилъ меня позволить мальчикамъ сегодня играть.

Квикли. Благослови его, Господи, за это!

Мистриссъ Пэдждъ. Сэръ Гугъ, мой мужъ говоритъ, что нашъ сынъ не выноситъ ровно ничего изъ своего ученья. Пожалуйста, сдѣлайте ему нѣсколько вопросовъ изъ грамматики.

Эвансъ. Подойди сюда Вильямъ; подыми голову. Ну!

Мистриссъ Пэдждъ. Подойди, мальчуганъ; подыми голову; отвѣчай твоему учителю; не робѣй.

Эвансъ. Вильямъ, скажи мнѣ, сколько существуетъ чиселъ?

Вильямъ. Два.

Квикли. Каково! А я всегда думала, что больше тридцати — потому что говорятъ: первое число, второе, тридцатое, тридцать первое.

Эвансъ. Прекратите вашу болтовню. Вильямъ, какъ «большой»?

Вильямъ. Magnus.

Квикли. Магнусъ? Нашъ пономарь Магнусъ совсѣмъ не большой.

480

Эвансъ. Вы весьма несообразительная женщина. Прошу васъ молчать. Что такое lapis, Вильямъ?

Вильямъ. Камень.

Эвансъ. А что такое камень, Вильямъ?

Вильямъ. Гольшь.

Эвансъ. Нѣтъ, камень, — это lapis. Пожалуйста, заруби это у себя въ мозгу.

Вильямъ. Lapis.

Эвансъ. Хорошо, Вильямъ. Теперь скажи, Вильямъ, отъ чего получаютъ начало члены?

Вильямъ. Члены получаютъ начало отъ мѣстоимѣній и склоняются такъ: Singulariter, nominativo, hic, haec, hoc.

Эвансъ. Nominativo, hig, hag, hog: пожалуйста, замѣть это: genetivo — hujus. Ну, хорошо, какъ же винительный падежъ?

Вильямъ. Винительный — hinc.

Эвансъ. Пожалуйста, дитя мое, помни хорошенько; accusativo — hing, hang, hog.

Квикли. Генгъ, гангъ, гогъ — это вы точно по-китайски говорите.

Эвансъ. Прекратите вашу болтовню, женщина. Какъ звательный падежъ, Вильямъ?

Вильямъ. О, звательный! О!

Эвансъ. Обдумайте хорошенько, Вильямъ, звательный — caret.

Квикли. Парить! Кого это?

Эвансъ. Женщина, умолкните!

Мистриссъ Пэджъ. Молчите!

Эвансъ. Какъ родительный падежъ множественнаго числа, Вильямъ?

Вильямъ. Родительный падежъ?

Эвансъ. Да.

Вильямъ. Родительный — horum, harum, horum.

Квикли. Экій стыдъ какой! Говорить съ ребенкомъ объ родахъ, да еще множественнаго числа, да еще хоромъ! Не говори объ этомъ никогда, голубчикъ.

Эвансъ. Женщина, стыдитесь!

Квикли. Вы очень не хорошо дѣлаете, что учите ребенка такимъ вещамъ. Каково: родить — да еще хоромъ. Стыдно вамъ!

Эвансъ. Ты съ ума сошла, женщина! Ты, вѣрно, никакого понятія не имѣешь о падежахъ, числахъ и родахъ? Такой глупой христіанки, какъ ты, я и представить себѣ не могу.

Мистриссъ Пэджъ. Пожалуйста, молчи!

Эвансъ. Теперь, Вильямъ, просклоняй нѣкоторыя мѣстоименія.

Вильямъ. Я, право, позабылъ.

Эвансъ. Припомни — qui, quae, quod, а если забудешь quies, quaes и quods — высъкутъ. Теперь ступай играть. Ступай же.

Мистриссъ Пэджъ. Онъ больше знаетъ, чѣмъ я думала.

Эвансъ. У него очень хорошая память. До, свиданія, мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. До, свиданія, добрѣйшій сэръ Гугъ. (Эвансъ уходитъ). Ступай домой, Вильямъ. (Къ мистриссъ Квикли). Пойдемъ — мы слишкомъ замѣшкались.

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ Фальстафъ и мистриссъ Фордъ.

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ, ваша печаль пожрала мои страданія. Я вижу, какъ глубока ваша любовь — и вѣрьте, что воздамъ за нее вполнѣ, до послѣдняго волоска — не только простымъ долгомъ любви, мистриссъ Фордъ, но и всѣми ея принадлежностями, украшеніями и обрядами. Скажите только, увѣрены вы теперь относительно вашего мужа?

Мистриссъ Фордъ. Онъ на охотѣ, милый сэръ Джонъ.

Мистриссъ Пэджъ *(за сценой)*. Кумушка Фордъ! кумушка!

Мистриссъ Фордъ. Пройдите въ эту комнату, сэръ Джонъ. *(Фальстафъ уходитъ)*.

Входитъ мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. Здравствуйте, голубушка! Кто тутъ есть въ домѣ, кромѣ васъ?

Мистриссъ Фордъ. Да никого, кромѣ моей прислуги.

Мистриссъ Пэджъ. Это вѣрно?

Мистриссъ Фордъ. Конечно. *(Тихо ей)*. Говорите громче.

Мистриссъ Пэджъ. Ахъ, какъ я рада, что здѣсь у васъ никого нѣтъ!

Мистриссъ Фордъ. Отчего же?

Мистриссъ Пэджъ. Да, оттого, милая, что у вашего мужа возобновились старые припадки. Онъ теперь оретъ тамъ съ моимъ мужемъ, ругаетъ, какъ бѣшенный, все женатое человечество, прокликаетъ всѣхъ дочерей Евы безъ всякаго исключенія, колотитъ себя по лбу, и при этомъ кричитъ: «ну, пробивайтесь отсюда, пробивайтесь!» Видѣла я на свѣтѣ всякія бѣснованія, но всѣ они — кротость, вѣжливость и терпѣніе въ сравненіи съ неистовствомъ вашего

481

супруга. Я очень рада, что жирный рыцарь теперь не у васъ.

Мистриссъ Фордъ. Да развѣ мой мужъ говорилъ о немъ?

Мистриссъ Пэджъ. Только о немъ и говоритъ. Онъ клянется, что въ послѣдній разъ, какъ обыскивалъ здѣсь, рыцаря пронесли въ корзину; увѣряетъ моего мужа, что рыцарь и теперь здѣсь, и увѣлъ его и всѣхъ остальныхъ съ охоты, чтобы опять проверить свои подозрѣнія. Но я очень рада, что рыцарь не здѣсь. Теперь вашъ мужъ увидитъ свою глупость.

Мистриссъ Фордъ. Ближе-ли онъ, мистриссъ Пэджъ?

Мистриссъ Пэджъ. Совсѣмъ близко — въ концѣ улицы. Онъ сейчасъ явится сюда.

Мистриссъ Фордъ. Я погибла! Рыцарь — здѣсь.

Мистриссъ Пэдждъ. Ну, въ такомъ случаѣ, вы совсѣмъ осрамлены, а онъ — мертвый человѣкъ. Экая вы женщина, право! Выпроводите его, выпроводите скорѣе! Лучше срамъ, чѣмъ убійство!

Мистриссъ Фордъ. Да какъ же выпроводить? какимъ образомъ спасти? Не уложить ли опять его въ корзину?

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. Нѣтъ, я не полѣзу больше въ корзину! Нельзя ли мнѣ убраться прежде, чѣмъ онъ придетъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Увы, три брата мистера Форда сторожатъ у дверей съ пистолетами, чтобы никто не могъ выдти: иначе, вы могли бы ускользнуть. Что жъ вы стоите?

Фальстафъ. Да что мнѣ дѣлать? Я влѣзу въ каминъ.

Мистриссъ Фордъ. Черезъ трубу камина они имѣютъ обыкновеніе разряжать свои охотничьи ружья. Влѣзьте лучше въ печь.

Фальстафъ. Гдѣ эта печь?

Мистриссъ Фордъ. Нѣтъ, онъ и тамъ станетъ искать — я увѣрена. Нѣтъ у насъ въ домѣ шкапа, сундука, ящика, подвала, колодца, которыхъ бы онъ не помнилъ наизусть — и будетъ осматривать всюду. Въ домѣ вамъ рѣшительно негдѣ спрятаться.

Фальстафъ. Ну, такъ я выйду.

Мистриссъ Пэдждъ. Если выйдете въ вашемъ собственномъ видѣ — умрете, сэръ Джонъ. Развѣ переодѣнетесь...

Мистриссъ Фордъ. Да во что же переодѣтъ его?

Мистриссъ Пэдждъ. Ахъ, я ужъ и сама не знаю! Вѣдь женскаго платья на его толщину нигдѣ не найдешь; а то онъ могъ бы надѣтъ шляпку, плащъ и вуаль, и такимъ образомъ уйти.

Фальстафъ. Выдумайте что-нибудь, добрыя души: всякое средство лучше убійства.

Мистриссъ Фордъ. Тетка моей горничной, толстая баба изъ Brentforda, оставила тамъ наверху свое платье.

Мистриссъ Пэдждъ. Честное слово, оно будетъ ему впору: она такая же толстая, какъ онъ; кстати, ея холщевая шапка и плащъ тоже остались здѣсь. Бѣгите на верхъ, сэръ Джонъ.

Мистриссъ Фордъ. Бѣгите, бѣгите, милый сэръ Джонъ; а мы съ мистриссъ Пэдждъ поищемъ какого-нибудь платка, чтобъ завязать вамъ голову.

Мистриссъ Пэдждъ. Скорѣе, скорѣе! Мы сейчасъ прійдемъ одѣвать васъ. Покамѣстъ надѣньте платье. *(Фальстафъ уходитъ)*

Мистриссъ Фордъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ мой мужъ встрѣтилъ его въ этомъ

костюмѣ. Онъ терпѣть не можетъ брентфордскую толстуху: боится, что она вѣдьма, и запретилъ ей показываться сюда, причемъ даже погрозилъ, что поколотитъ ее.

Мистриссъ Пэдждъ. Да подведетъ его небо подъ палку твоего мужа, и за тѣмъ да управляетъ этой палкой дьяволь.

Мистриссъ Фордъ. Но вы не шутите, что мой мужъ идетъ сюда?

Мистриссъ Пэдждъ. Да увѣрю васъ совершенно серьезно; и при этомъ рассказываетъ исторію съ корзиной. Ужъ не знаю, откуда онъ узналъ ее.

Мистриссъ Фордъ. Это все мы разьясимъ. Я велю моимъ слугамъ еще разъ понести отсюда корзину и сдѣлать такъ, чтобъ опять встрѣтиться съ нимъ въ дверяхъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Но не забудьте, что онъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ здѣсь. Пойдемъ наряжать Фальстафа брендфордской вѣдьмой.

Мистриссъ Фордъ. Я только научу прислугу, что дѣлать съ корзиной. Ступайте на верхъ, а я сейчасъ принесу ему повязку для головы. *(Уходитъ)*.

Мистриссъ Пэдждъ. Чтобъ ему околѣть, негодяю! Какъ бы мы ни насолили ему — все будетъ мало!

Докажемъ мы теперь, что можно потѣшаться

И вмѣстѣ честною женою оставаться.

Мы зла не дѣлаемъ; смѣяться жъ не бѣда:

Вѣдь, въ тихомъ омутѣ чортъ водится всегда!

(Уходитъ).

Мистриссъ Фордъ *возвращается съ двумя слугами*.

Мистриссъ Фордъ. Взвалите еще разъ корзину къ себѣ на плечи. Баринъ уже у дверей. Если онъ прикажетъ вамъ поставить ее на полъ — поставьте. Ну, живѣе же! *(Уходитъ)*.

1-й слуга. Ну, подымай.

2-й слуга. Дай Господи, чтобъ въ ней опять не лежалъ рыцарь.

1-й слуга. Надѣюсь, что не лежитъ; я бы ужъ лучше понесъ столько же свинцу.

Входятъ Фордъ, Пэдждъ, Шэлло, Каюсъ и Эвансъ.

Фордъ. Ну, мистеръ Пэдждъ, а если я докажу вамъ, что это правда, я все таки останусь одураченнымъ, — чтобы вы не дѣлали. Поставьте корзину, бездѣльники!... Позвать жену!... Молодчикъ въ корзину!... Мерзавцы!... Да, тутъ умысль, интрига, цѣлый заговоръ противъ меня! Но теперь я пристыжу дьявола. Да гдѣ же моя жена? Ступай, ступай сюда! Полюбуйся, какое славное бѣлье ты отправляешь въ стирку!

Пэдждъ. Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ вонъ, мистеръ Фордъ! Васъ нельзя дольше оставлять на свободѣ — надо привязать васъ.

Эвансъ. Это совершенное умопомѣшательство! Онъ бѣшенъ, какъ бѣшенная собака!

Шэлло. Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Фордъ, это не хорошо, въ самомъ дѣлѣ не хорошо.

Фордъ. То же самое и я говорю, сэръ.

Входитъ мистриссъ Фордъ.

Фордъ. Приблизьтесь, мистриссъ Фордъ — мистриссъ Фордъ, честная женщина, скромная жена, добродѣтельное созданіе, имѣющее мужемъ ревниваго дурака! Вѣдь, мои подозрѣнія совершенно неосновательны, сударыня, — не такъ ли?

Мистриссъ Фордъ. Да, Богъ свидѣтель, совершенно неосновательны, если вы подозрѣваете меня въ какомъ-нибудь безчестномъ дѣлѣ.

Фордъ. Отлично сказано, мѣднѣй лобъ! Продолжайте же запирайтесь! Ну, выходи, почтеннѣйшій! *(Начинаетъ выбрасывать бѣлье изъ корзины)*.

Пѣджъ. Это изъ рукъ вонь!

Мистриссъ Фордъ. Не стыдно ли вамъ? Оставьте это бѣлье!

Фордъ. Вотъ я тебя поймаю сейчасъ!

Эвансъ. Это безуміе! Неужели вы станете поднимать платье вашей жены? Оставьте это.

Фордъ *(слугамъ)*. Опорожните корзину, говорятъ вамъ!

Мистриссъ Фордъ. Для чего же, другъ мой, для чего?

Фордъ. Мистеръ Пѣджъ, вчера — это такъ же вѣрно, какъ то, что я человѣкъ — вчера въ этой самой корзинѣ нѣкто былъ вынесенъ изъ моего дома. Отчего же и сегодня не сидѣть ему въ ней? Что онъ теперь въ моемъ домѣ — въ этомъ я увѣренъ: свѣдѣнія, собранныя мною, самыя точныя; ревность моя основательна. Выкиньте изъ корзины все бѣлье.

Мистриссъ Фордъ. Если вы найдете въ ней кого-нибудь — пусть онъ умретъ, какъ блоха!

Пѣджъ. Въ корзинѣ нѣтъ рѣшительно никого.

Шэлло. Клянусь моею вѣрностью, мистеръ Фордъ — это нехорошо. Вы вредите сами себѣ.

Эвансъ. Мистеръ Фордъ, вы должны

483

молиться, а не следовать воображаемымъ представленіямъ вашего сердца. Это ревность.

Фордъ. Итакъ, тотъ, кого я ищу, не здѣсь!

Пѣджъ. Не здѣсь и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ вашего мозга.

Фордъ. Помогите мнѣ еще и на этотъ разъ сдѣлать обыскъ въ моемъ домѣ. Если я не найду того, кого ищу, не давайте никакой пощады моему сумасбродству — пусть я буду всегда вашей застольной потѣхой, пусть говорятъ: «ревнивъ, какъ Фордъ, искавшій любовника своей жены въ орѣховой скорлупѣ». Окажите мнѣ еще разъ услугу — еще только разъ поищите со мною.

Мистриссъ Фордъ. Мистриссъ Пѣджъ... послушайте, идите внизъ со старухой: мой мужъ идетъ на верхъ.

Фордъ. Со старухой! Это еще что за старуха?

Мистриссъ Фордъ. Тетка моей горничной, знаешь, та — брентфордская.

Фордъ. Эта вѣдьма, потаскуха, старая, подлая потаскуха! Да, вѣдь, я запретилъ ей показываться въ моемъ домѣ! Что жъ, она вѣрно явилась сюда съ какимъ-нибудь порученіемъ? Мы, вѣдь, люди простые — не знаемъ, какіе штуки можно продѣлывать подъ видомъ гаданья. У нея тутъ и колдовства разныя, и заговоры, и наговоры, и всякая другая чертовщина. Гдѣ нашему уму понять это: мы ничего не знаемъ. Сходи сюда, колдунья, сходи, злая вѣдьма! Сходи же, говорятъ тебѣ!

Мистриссъ Фордъ. Полно, мой добрый, мой милый мужъ! Господа, не позволяйте ему бить эту старуху.

Входятъ Фальстафъ въ женскомъ платьѣ и мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. Идемъ, бабушка Потчъ! идемъ — давай руку!

484

Фордъ. Вотъ я ее отпотчую! (*Бьетъ Фальстафа*). Вонъ отсюда, вѣдьма поганая, свиная туша, подлая дрянь — вонъ сію же минуту! Вотъ я тебѣ поколду! вотъ я тебѣ погадаю!

(Фальстафъ уходитъ.)

Мистриссъ Пэджъ. Какъ вамъ не стыдно? Вы, кажется совсѣмъ убили бѣдную женщину.

Мистриссъ Фордъ. Очень можетъ быть что убилъ. Это очень похвально съ вашей стороны.

Фордъ. На висѣлицу ее, вѣдьму!

Эвансъ. По моему соображенію, эта женщина дѣйствительно колдунья. Я не люблю, когда у женщины большая борода, а у этой изъ-подъ платка вокругъ лица я усмотрѣлъ большую бороду.

Фордъ. Угодно вамъ слѣдовать за мной, господа? Умоляю васъ, слѣдуйте за мною и дождитесь развязки моей ревности. Если моими криками я не наведу васъ ни на чей слѣдъ, не вѣрьте мнѣ больше никогда.

Пэджъ. Что жъ, исполнимъ еще разъ его прихоть. Пойдемте, господа. (*Уходятъ всѣ, кромѣ мистриссъ Пэджъ и мистриссъ Фордъ.*)

Мистриссъ Пэджъ. Ну, правду сказать, избилъ онъ его самымъ жалостнымъ образомъ.

Мистриссъ Фордъ. Совсѣмъ нѣтъ; по моему мнѣнію — самымъ безжалостнымъ.

Мистриссъ Пэджъ. Надо освятить эту палку и повѣсить ее надъ алтаремъ: она оказала великую услугу.

Мистриссъ Фордъ. Ну, какъ же вы теперь полагаете? Можемъ мы, не измѣняя женской скромности и чистой совѣсти, продолжать мстить ему?

Мистриссъ Пэджъ. Я увѣрена, что духъ распутства уже изгнанъ изъ него. Если чортъ не взялъ его въ вѣчное и потомственное владѣніе, то полагаю, что онъ откажется отъ всякой дальнѣйшей попытки противъ насъ.

Мистриссъ Фордъ. А расскажемъ мы нашимъ мужьямъ, какъ мы удружили ему?

Мистриссъ Пэджъ. Конечно, расскажемъ, хотя бы только для того, чтобъ выпнать изъ головы вашего мужа всѣ его сумасбродства. Если они по совѣсти рѣшатъ, что этаго бѣднаго, жирнаго развратника слѣдуетъ наказать построже, мы опять примемъ это дѣло на себя.

Мистриссъ Фордъ. Я пари держу, что они захотятъ осрамить его публично; да и я полагаю, что наша потѣха останется неконченною, если онъ не будетъ публично осрамленъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Ну, такъ идемъ ковать желѣзо; надо его ковать, пока горячо.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ хозяинъ гостиницы и Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ, нѣмцы просятъ у васъ трехъ лошадей. Самъ герцогъ пріѣдетъ завтра ко двору, и они желаютъ выѣхать къ нему на встрѣчу.

Хозяинъ. Какой же это герцогъ ѣдетъ такъ секретно? Я ничего не слыхаль о немъ при дворѣ. Поговорю я самъ съ этими господами. Говорятъ они по-англійски?

Бардольфъ. Точно такъ, сэръ. Я позову ихъ къ вамъ.

Хозяинъ. Лошадей они получаютъ; но я заставлю ихъ заплатить — повыщѣжу ихъ. Цѣлую недѣлю весь мой домъ былъ въ ихъ распоряженіи, и я отказывалъ моимъ другимъ гостямъ. Пусть же теперь раскошеливаются: я ихъ порастрашу. Идемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ Пэдждъ, Фордъ, мистриссъ Пэдждъ, мистриссъ Фордъ и Эвансъ.

Эвансъ. Это одна изъ самыхъ прекрасныхъ женскихъ идей, какія только мнѣ случалось встрѣчать.

Пэдждъ. И онъ обѣимъ вамъ прислалъ эти письма въ одно и то же время?

Мистриссъ Пэдждъ. Въ одну и ту же четверть часа.

Фордъ.

Прости жена — и съ этихъ поръ ужъ дѣлай,

Что вздумаешь. Скорѣе буду я

Подозрѣвать въ холодности свѣтъ солнца,

Чѣмъ въ вѣтренной невѣрности тебя.

И честь твоя теперь для человѣка,

Который былъ недавно еретикъ,

Незыблема, какъ вѣра.

Пэдждъ.

Ну, прекрасно.

Не будьте въ извиненьяхъ такъ же крайни,
 Какъ прежде въ оскорбленьяхъ. Лучше мы
 Обдумаемъ нашъ планъ. Пусть наши жены
 Еще разокоь, чтобы доставить намъ
 Публичную комедію, назначать
 Свиданье этой старой тушѣ тамъ,
 Гдѣ мы могли бѣ поймать его на мѣстѣ
 И проучить.

Фордъ.

Намъ лучше ничего

Не выдумать придуманнаго ими.

Пэдждъ. Какъ, послать ему сказать, что въ полночь онѣ будутъ ждать его въ паркѣ? Фи! Фи! Онѣ ни за что не придетъ.

Эвансъ. Вы говорите, что его ввергали въ рѣку и жестоко били подѣ одеждою старой женщины. Поэтому, я полагаю, страхъ до такой степени овладѣлъ имъ, что онѣ не придетъ. Плоть его, какъ я думаю, настолько наказана, что онѣ пересталъ имѣть всякія вожделѣнія.

Пэдждъ. Я то же думаю.

Мистриссъ Фордъ.

Придумайте вы только, чѣмъ его
 Вамъ уличить, когда придетъ; а средство,
 Чтобъ онѣ пришелъ, ужъ мы вдвоемъ приищемъ.

Мистриссъ Пэдждъ.

Есть старое преданье, что охотникъ
 И бывшій стражъ въ лѣсу виндзорскомъ Гернъ
 Въ полночный часъ всю зиму бродитъ въ паркѣ,
 Съ огромными, вѣтвистыми рогами,
 Вкругъ одного изъ тамошнихъ дубовъ,
 И такъ деревья сушитъ, портитъ скоть,
 И молоко коровье превращаетъ
 Въ коровью кровь, и цѣпью такъ трясеть,
 Что всякаго беретъ и страхъ, и ужась.
 Вы слышали, я думаю, объ этомъ
 И знаете, что суетѣрно-глупый
 Старинный вѣкъ ту сказку принималъ
 За истину и нашимъ поколѣньямъ
 За истину ее-же передалъ.

Пэджъ.

Да — и теперь еще таких не мало,
Которые боятся проходить
Въ полночный часъ въ сосѣдствѣ дуба Герна.
Но что же намъ изъ этого?

Мистриссъ Фордъ.

А то,

Что сэръ Фальстафъ придетъ къ намъ на свиданье
Подъ этотъ дубъ, переодѣвшись Герномъ,
Съ огромными рогами.

Пэджъ.

Хорошо.

Положимъ, что придетъ онъ непременно
И въ этомъ одѣянии. Что жъ тогда?
Что сдѣлать съ нимъ по вашему проекту?

Мистриссъ Пэджъ.

И это мы придумали. Вотъ планъ:
Мы дочь мою Нанетту и меньшого
Изъ сыновей моихъ, да четверыхъ,
Или троихъ дѣтей такого жъ роста
Одѣнемъ эльфами и феями, въ цвѣта
Зеленый съ бѣлымъ, головы жъ украсимъ
Гирляндами изъ восковыхъ свѣчей
И погремушками снабдимъ. Когда же
Фальстафъ, я и она сойдемся — вдругъ
Они изъ рва сосѣдняго всѣ вмѣстѣ,
И дико распевая, налетятъ
На насъ троихъ. Увидѣвъ ихъ, мы обѣ
Отъ ужаса ударимся бѣжать;
Они же окружаютъ тотчасъ Фальстафа
И рыцаря поганого начнутъ
Щипать, толкать и спрашивать, какъ смѣлъ
Онъ, въ этотъ часъ волшебныхъ ихъ забавъ,
Въ священный ихъ пріютъ, и въ этомъ видѣ,
Войти?

Мистриссъ Фордъ.

И пусть пока всей правды онъ

Не скажетъ — пусть лѣсные духи щиплютъ
Безъ устали его и тутъ же жгутъ
Свѣчами восковыми.

Мистриссъ Пэджъ.

А какъ только

Сознается, мы выйдемъ всѣ, рога
Съ чудовища мы снимемъ и проводимъ
Домой, въ Виндзоръ, съ насмѣшками.

Фордъ.

Да вы

Должны дѣтей настроить хорошенько;
Иначе имъ не сдѣлать ничего.

Эвансъ. Я обучу дѣтей тому, что имъ предстоитъ совершить. Да и самъ
переодѣнусь обезьяной для того, чтобы жечь рыцаря свѣчкой.

Фордъ. Отлично. Я сейчасъ пойду купить масокъ.

Мистеръ Пэджъ.

Царицей фей моя Нанетта будетъ
Въ чудесномъ бѣломъ платьѣ.

486

Пэджъ.

Для него

Матеріи сейчасъ куплю я.
(Въ сторону). Тутъ же
Ее похититъ Слендеръ, и тотчасъ
Въ Итонъ обвѣнчается. (Вслухъ). Скорѣе
Къ Фальстафу посылайте.

Фордъ.

Нѣтъ, я самъ

Пойду опять подъ именемъ Потока,
И онъ свои предположенья мнѣ
Разскажетъ. Да, онъ явится навѣрно.

Мистриссъ Пэджъ.

Ужъ это несомнѣнно. Ну, идемъ
Костюмы припасать для нашихъ духовъ.

Эвансъ. Да, примемся за работу. Это увеселеніе наипрѣятное, и обманъ
наичестнѣйшій.

(Эвансъ, Пэджъ и Фордъ уходятъ).

Мистриссъ Пэджъ.

Ну, мистриссъ Фордъ, теперь скорѣй къ Фальстафу
Пошлите, чтобъ узнать его отвѣтъ.

(Мистриссъ Фордъ уходитъ).

Я — къ доктору; мое расположенъе
Онъ пріобрелъ, и ужъ никто другой
На Аннѣ Пэджъ не женится. Вотъ Слендеръ

Хоть и богатъ, но идіотъ, а мой
Супругъ его другимъ предпочитаетъ.
У доктора — и деньги, и друзья
Съ значеніемъ при дворѣ. Да, я ручаюсь —
Хоть двадцать тысячъ будь достойнѣйшихъ людей,
Но женится лишь онъ на дочери моей!
(Уходитъ).

СЦЕНА V.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ хозяинъ и Сэмпль.

Хозяинъ. Чего тебѣ надо, деревенщина? чего, толстокожее чучело? Ну, говори, пропускай сквозь зубы, излагай. Да покороче, поживѣе, чтобъ разъ, два — и готово.

Сэмпль. Да извольте видѣть, сэръ, я пришелъ поговорить съ сэромъ Джономъ Фальстафомъ отъ имени мистера Слендера.

Хозяинъ. Вотъ его комната, его домъ, его замокъ, его постоянная постель и временная постель. Надъ нею только-что расписана исторія блуднаго сына. Ступай, стучи, зови: онъ откликнется тебѣ, какъ антропофагъ. Стучи же, говорятъ тебѣ.

Сэмпль. Въ его комнату вошла старая женщина, толстая, старая женщина. Я осмѣлюсь, сэръ, подождать, пока она выйдетъ. Я пришелъ поговорить съ ней.

Хозяинъ. Что? толстая женщина? Рыцаря могутъ обокрасть. Я позову его. Эй, неизмѣримый рыцарь, неизмѣримый сэръ Джонъ, отвѣтствуй твоими воинственными легкими: тамъ ли ты? Это твой хозяинъ, твой эфессецъ зоветъ тебя!

Фальстафъ (*сверху*). Что надо, хозяинъ?

Хозяинъ. Тутъ татаринъ-цыганъ ждетъ выхода отъ тебя твоей толстухи. Спровадь ее внизъ, чудовище, — спровадь; не позорь моихъ комнатъ. Фу! интимности! Фу! какая гадость!

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. У меня, хозяинъ, дѣйствительно только-что была старая, толстая женщина; но она ушла.

Сэмпль. Позвольте узнать, сэръ, это не ворожея ли брентфордская была у васъ?

Фальстафъ. Она самая, раковина ты устричья. А тебѣ до нея какое дѣло?

Сэмпль. Мой баринъ, мистеръ Слендеръ, увидавъ, что она идетъ по улицѣ, послалъ меня за ней — спросить, что какъ, значить, нѣкій Нимъ укралъ у него цѣпочку, такъ у него ли, у этого самаго Нима, эта цѣпочка?

Фальстафъ. Объ этомъ я говорилъ со старухой.

Сэмпль. Что же она сказала, смѣю спросить?

Фальстафъ. Да сказала, что человекъ, который стибрилъ у мистера Слендера цѣпочку, и есть тотъ самый, который укралъ ее.

Сэмпль. Мнѣ бы желательно было поговорить съ нею самой. Баринъ велѣлъ поразспросить ее еще кой о чемъ другомъ.

Фальстафъ. О чемъ же это — говори?

Хозяинъ. Говори, да живѣ!

Фальстафъ. Скрыть не смѣй.

Хозяинъ. А скроешь — тутъ тебѣ и смерть!

Сэмплъ. Да пустяки, сэръ — все на счетъ миссъ Анны Пэдждъ; вѣрно узнать — написано ли на роду моему барину или не написано жениться на ней?

Фальстафъ. Написано, написано.

Сэмплъ. Что, сэръ, написано?

Фальстафъ. Что онъ женится на ней или не женится. Ступай, скажи, что старуха такъ отвѣчала мнѣ.

487

Сэмплъ. И я могу имѣть смѣлость такъ и сказать, сэръ?

Фальстафъ. Да-съ, имѣйте эту смѣлость, сэръ.

Сэмплъ. Покорнѣйше благодарю вашу милость. Этимъ извѣстіемъ я обрадую моего барина. (Уходитъ).

Хозяинъ. Ты мудрецъ, ты мудрецъ, сэръ Джонъ. Такъ у тебя была ворожея?

Фальстафъ. Конечно, была, хозяинъ — и отъ нея узналъ я больше, чѣмъ выучился за всю свою жизнь. И не только ничего не заплатилъ за эту науку — еще мнѣ заплатили.

Входитъ Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ, сэръ, несчастіе! Это воровство, чистое воровство!

Хозяинъ. Гдѣ мои лошади? отвѣчай, какъ слѣдуетъ, varletto!

Бардольфъ. Удрали вмѣстѣ съ ворами. Какъ только мы миновали Итонъ — а я, какъ вамъ извѣстно, сидѣлъ позади одного изъ нихъ — они меня сбросили въ грязную яму, потомъ пришпорили лошадей, - и поминай, какъ звали, точно три нѣмецкихъ чорта, три доктора Фауста.

Хозяинъ. Они просто поспѣшили навстрѣчу герцогу, негодяй. Не смѣй говорить, что они убѣждали: нѣмцы честные люди.

Входитъ сэръ Гугъ Эвансъ.

Эвансъ. Гдѣ хозяинъ?

Хозяинъ. Что угодно, сэръ?

Эвансъ. Смотрите хорошенько за вашими жильцами. Только-что въ нашъ городъ пріѣхалъ одинъ изъ моихъ друзей; онъ рассказываетъ, что какіе-то три вора-нѣмца обокрали всѣхъ содержателей гостиницъ въ Родингъ, въ Майденгедъ и въ Кольбругъ; забрали и деньги, и лошадей. Для вашей же пользы говорю вамъ — берегитесь. Вы человѣкъ умный, такъ и сыплете остроуміемъ — поэтому не пристало вамъ быть обманутымъ. Прощайте. (Уходитъ).

Входитъ докторъ Каюсъ.

Каюсъ. Гдѣ хозяинъ?

Хозяинъ. Здѣсь, господинъ докторъ, въ большомъ смущеніи и затрудительной дилеммѣ.

Каюсь. Не могу сказать, что все это значитъ; но мнѣ сказали, что вы дѣлаете большія приготовленія для какого-то *duc de Jarmanu*. Даю вамъ честное слово, что никакого герцога при дворѣ не ожидаютъ. Говорю это, желая вамъ добра. *Adieu!* (*Уходитъ*).

Хозяинъ. Кричи, зови на помощь, бездѣльникъ! Помогите мнѣ, рыцарь: я пропалъ! Бѣги же, бездѣльникъ, кричи, зови! Я пропалъ. (*Хозяинъ и Бардольфъ уходятъ*).

Фальстафъ. Я желалъ бы, чтобы весь міръ надули, потому что меня самого надули, да вдобавокъ еще отколотили. Ну, если бы при дворѣ узнали, какимъ превращеніямъ я подвергался и какъ, въ этихъ превращеніяхъ, меня выкупали и избили — мой жиръ вытопили бы изъ меня капля за каплей и смазали бы этою жидкостью сапоги рыбаковъ. Ужъ это вѣрно, что они до тѣхъ поръ бичевали бы меня своими шуточками и остротами, пока я не съезжился бы, какъ высушенная груша. Страшно не везетъ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я смопенничалъ, играя въ примеро. Ахъ, если бы у меня хватило силы читать молитвы — я бы покаялся!

Входитъ мистриссъ Квикли.

Фальстафъ. Ну, отъ кого ты опять?

Квикли. Да отъ обѣихъ, сэръ.

488

Фальстафъ. Чортъ побери одну, а его матушка — другую! Вотъ онѣ и устроятся обѣ! Изъ-за нихъ я вынесъ больше, гораздо больше, чѣмъ можетъ вытерпѣть мерзкая непрочность человѣческой натуры.

Квикли. А онѣ развѣ мало вынесли? Много, повѣрьте мнѣ. Особенно одна изъ нихъ, мистриссъ Фордъ. Ее, голубушку, до того избили, что все тѣло въ синякахъ и черныхъ пятнахъ — ни одного мѣстечка бѣлаго.

Фальстафъ. Что ты мнѣ толкуешь о синихъ и черныхъ пятнахъ? Меня самого отдули такъ, что я раскрасился всѣми цвѣтами радуги, да еще чуть не схватили вмѣсто брентфордской вѣдьмы. Еслибъ удивительная моя находчивость не помогла мнѣ представить изъ себя обыкновенную старуху — каналья констебль засадилъ бы меня, какъ вѣдьму, въ колодку, въ тюремную колодку.

Квикли. Сэръ, позвольте поговорить съ вами въ вашей комнатѣ. Я поразскажу вамъ, какъ идетъ дѣло, и ручаюсь, что вы останетесь довольны. Вотъ вамъ письмо — изъ него узнаете кое-что. Ахъ, сердечные мои, сколько труда-то, труда, чтобы свести васъ! Ужъ вѣрно кто-нибудь изъ васъ не служитъ Богу, какъ слѣдуетъ; иначе не было бы у васъ такихъ хлопотъ.

Фальстафъ. Пойдемъ въ мою комнату.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Другая комната въ той же гостиницѣ.

Входятъ Фентонъ и хозяинъ.

Хозяинъ. И не говорите со мною, мистеръ Фентонъ. У меня на душѣ тяжело. Я отказываюсь отъ всего.

Фентонъ.

Но выслушай меня. Коль согласишься
Ты мнѣ помочь, клянусь, какъ джентльменъ,
Я дамъ тебѣ сто фунтовъ золотыми
Сверхъ денегъ тѣхъ, что потерялъ ты нынче.

Хозяинъ. Я выслушаю васъ, мистеръ Фентонъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не выдамъ вашей тайны.

Фентонъ.

Уже не разъ ты слышалъ отъ меня,
Что Анну Пэджъ прекрасную люблю я
Отъ всей души; моей любви она
Отвѣтила, на сколько можетъ лично
Собой распорядиться, и какъ разъ,
Какъ я желалъ. Теперь она прислала
Ко мнѣ письмо вотъ это; удивить
Оно тебя. Потѣха, о которой
Въ ней пишется, съ намѣреньемъ моимъ
Такъ связана, что рассказать о первой
И о другомъ не объявить — нельзя.
Въ потѣхѣ той большую роль играетъ
Толстякъ Фальстафъ. Изъ этого письма
Узнаешь всѣ подробности. Такъ слушай,
Любезнѣйшій хозяинъ. Нынче ночью,
Межъ полночью и часомъ, Нанъ моя
Изображать должна у дуба Герна
Царицу фей; съ какою цѣлью — это
Ты изъ письма узнаешь. Но отецъ
Ей приказалъ, чтобъ въ этомъ самомъ видѣ,
Когда совсѣмъ въ разгаръ будетъ фарсъ,
Она въ Игонъ со Слендеромъ бѣжала
И тамъ съ нимъ обвѣнчалась — и она
На это согласилась. Слушай дальше:
Но мать ея, которой этотъ бракъ
Не по-сердцу — она всегда стояла
За Каюса — рѣшила такъ, что дочь
Похитить онъ, когда всѣ остальные
Ролями увлекутся, и тотчасъ
Съ ней подъ вѣнецъ пойдетъ въ своемъ приходѣ,
Гдѣ ждетъ уже священникъ. Притворяясь
Покорною такому плану, Анна

И доктору согласье ужъ дала.
Теперь вотъ дѣло въ чемъ: отецъ желаетъ,
Чтобъ дочь была вся въ бѣломъ, и когда
Въ удобную минуту Слендеръ руку
Ея возьметъ и скажетъ, что пора —
Она уйдетъ съ нимъ въ этомъ самомъ платьѣ.
Напротивъ, мать рѣшила, для того,
Чтобъ докторъ могъ узнать ее — всѣ будутъ
Подъ масками — зеленый балахонъ
Надѣтъ на дочь и лентами украсить
Всю голову; и долженъ докторъ къ ней
Приблизиться въ удобную минуту
И за руку щипнуть, давая знакъ
За нимъ идти. И Анна согласилась.

Хозяинъ.

Кого жъ она рѣшилась обмануть —
Отца или мать?

Фентонъ.

Обоихъ, мой добрѣйшій,

Чтобъ убежать со мною. И теперь
Все дѣло въ томъ, чтобъ ты добылъ пастора,
Который бы насъ въ церкви ожидалъ
Межъ полночью и часомъ, и навѣки
Торжественнымъ обрядомъ намъ сердца
Соединилъ.

Хозяинъ.

Ну, хорошо, идите

Улаживать вашъ планъ, а я сейчасъ
Къ викарію. Давайте лишь дѣвицу —
Священника вамъ не придется ждать.

Фентонъ.

Навѣки ты меня обяжешь этимъ;
Да и сейчасъ тебя я награжу. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ и мистриссъ Квикли.

Фальстафъ. Ну, довольно, довольно болтать. Ступай — я приду. Это будетъ ужъ въ третій разъ. Надо надѣяться, что нечетныя числа самыя счастливыя. Ступай-же, ступай! Говорятъ, что въ нечетныхъ числахъ волшебная сила, къ чему бы они ни относились, — рожденію, всей жизни, или смерти. Проваливай!

Квикли. Я вамъ достану цѣпь; постараюсь также, во что бы то ни стало, добыть пару роговъ.

Фальстафъ. Проваливай, говорятъ тебѣ: голову вверхъ и маршъ мелкой рысцой.

(Мистриссъ Квикли уходитъ).

Входитъ Фордъ (переодетый).

Фальстафъ. А, мистеръ Потокъ! Наше дѣло, мистеръ Потокъ, рѣшится или сегодня ночью, или никогда. Приходите около двѣнадцати часовъ въ паркъ, къ дубу Герна — увидите чудеса.

Фордъ. А развѣ вчера вы не ходили къ ней на условленное свиданье?

Фальстафъ. Ходилъ, мистеръ Потокъ, какъ видите, старикомъ, а вернулся, мистеръ Потокъ, старухой. Этотъ мерзавецъ Фордъ, ея мужъ, одержимъ самымъ бѣшенымъ дьяволомъ ревности, какой когда-либо сидѣлъ въ бѣшеномъ человѣкѣ. Скажу я вамъ, что онъ сильно исколотилъ меня, переодѣтаго старухой; въ образѣ же мужчины, мистеръ Потокъ, я съ простымъ навоємъ въ рукѣ не побоюсь и Голиафа; притомъ, я знаю, что жизнь тоже, что ткацкій челнокъ. Теперь мнѣ некогда. Пойдемте со мной — я расскажу вамъ все, мистеръ Потокъ. Съ тѣхъ поръ какъ я щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутикомъ кубарь, до вчерашняго дня я не зналъ, что значить быть поколоченнымъ. Пойдемте со мной: я расскажу вамъ странныя вещи про этого мерзавца Форда. Сегодня ночью я отомщу за себя и передамъ его жену въ ваши руки. Пойдемте со мной! Чудныя вещи приготовляются. Идемъ!

(Уходятъ).

490

СЦЕНА II.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ Пэджъ, Шэлло и Слендеръ.

Пэджъ. Идите, идите. Мы спрячемся въ дворцовый ровъ и будемъ лежать тамъ до тѣхъ поръ, пока увидимъ огоньки нашихъ фей. Не забудь, сынокъ Слендеръ, мою дочь.

Слендеръ. Еще бы забыть! Я говорилъ съ ней, и мы условились, какъ узнать другъ друга. Я подойду къ той, которая будетъ въ бѣломъ, и скажу ей: «тсъ», а она крикнетъ: «тише»! Вотъ по этимъ словамъ мы и узнаемъ другъ друга.

Шэлло. Это очень хорошо, но для чего тутъ твоѣ тѣ и ея тише? По бѣлому платью ты и безъ того узнаешь ее. Однако десять часовъ пробило.

Пѣджъ. Ночь темна; огни и привидѣнїя будутъ поэтому очень эффектны. Да пошлетъ небо удачу нашей потѣхѣ! Тутъ никто не замышляетъ злого дѣла, кромѣ дьявола, а его мы узнаемъ по рогамъ. Ну, идемъ. Слѣдуйте за мной.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Дорога, ведущая въ паркъ.

Входитъ мистриссъ Пѣджъ, мистриссъ Фордъ и докторъ Каюсъ.

Мистриссъ Пѣджъ. Итакъ, докторъ, моя дочь въ зеленомъ платьѣ. Когда вы улучите удобную минуту, берите ее за руку, отправляйтесь въ приходскую церковь, и кончайте дѣло скорѣе. Теперь — идите въ паркъ; мы обѣ должны идти вмѣстѣ.

Каюсъ. Я знаю, что мнѣ дѣлать. Adieu!

Мистриссъ Пѣджъ. До свиданья, сэръ. (*Каюсъ уходитъ*). Моего мужа не такъ развеселитъ потѣха надъ Фальстафомъ, какъ разсердитъ женитьба доктора на моей дочери. Но — все равно. Легкое ворчанье лучше тяжелаго горя.

Мистриссъ Фордъ. Гдѣ же Нанетта со своими феями и валлійскимъ дьяволомъ Гугомъ?

Мистриссъ Пѣджъ. Всѣ они притаились во рву, подлѣ дуба Герна, и закрыли свои огни; но въ ту самую минуту, какъ Фальстафъ сойдется съ нами, они вдругъ освѣтятъ ночную темноту.

Мистриссъ Фордъ. Это непременно испугаетъ его.

Мистриссъ Пѣджъ. Если онъ не испугается, будетъ все-таки осмѣянъ; а испугается — осмѣютъ еще больше.

Мистриссъ Фордъ. Мы ловко проведемъ его.

Мистриссъ Пѣджъ.

Такихъ развратниковъ дурачить, надувать —

Не значить никогда бесчестно поступать.

Мистриссъ Фордъ. Часъ приближается. Къ дубу, къ дубу!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ (*переодѣтый*) и феи.

Эвансъ. Маршъ, маршъ, феи! За мной! Не забывайте нашихъ ролей, а главное — не робѣйте. Слѣдуйте за мною въ ровъ, и, какъ только я подамъ сигналъ — дѣлайте, какъ сказано. Идемъ, идемъ! Маршъ, маршъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Другая часть парка.

Входитъ Фальстафъ, переодѣтый Герномъ.

Фальстафъ. Виндзорскій колоколь пробилъ двѣнадцать: роковая минута приближается. Теперь да помогутъ мнѣ боги съ пламенною кровью! Припомни, о, Юпитеръ, что ты сдѣлался быкомъ для твоей Европы; любовь заставила тебя надѣть рога. О, всемогущая любовь! Въ однихъ случаяхъ ты превращаешь животныхъ въ людей, въ другихъ — людей въ животныхъ. Юпитеръ, и въ лебедя превращался ты изъ любви къ Ледѣ! О, всемогущая любовь! какъ мало недоставало въ то время для того, чтобъ богъ сдѣлался гусемъ! Первый грѣхъ, совершенный тобой, о, Юпитеръ, въ видѣ животного — животный грѣхъ; второй сдѣланъ въ видѣ бѣлой птицы, но самъ по себѣ черный — подумай объ этомъ, Юпитеръ! Ужъ если у боговъ такъ горяча кровь, то что остается дѣлать бѣднымъ людямъ? Вотъ я сдѣлался виндзорскимъ оленемъ, и, полагаю, жирнѣе звѣря нѣтъ въ здѣшнемъ лѣсу? О, Юпитеръ, навѣй прохладу на время моей течки; иначе, кто упрекнетъ меня въ томъ, что

491

я весь истеку жиромъ? Кто-то идетъ сюда. Не моя ли лань?

Входятъ мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ.

Мистриссъ Фордъ. Сэръ Джонъ, ты здѣсь, мой олень, мой дорогой олень?

Фальстафъ. О, моя черношерстная лань! Пусть теперь небо льетъ картофельный дождь, пусть громъ раскатывается на голось: «ахъ, рукавчики зеленые мои!», пусть сыплется градъ изъ ароматныхъ лепешекъ, пусть бушуетъ метель изъ ванили, пусть разразится буря плотскихъ искушеній — я нашелъ себѣ пріютъ вотъ гдѣ!

(Цѣлуетъ ее).

Мистриссъ Фордъ. Мистриссъ Пэдждъ пришла со мною, дорогой мой.

Фальстафъ. Дѣлите меня, какъ принесеннаго въ даръ оленя — каждой по одной ногѣ. Бока я оставляю для себя, лопатки отдаю лѣсному сторожу, а рога уступаю вашимъ супругамъ! А каковъ я охотникъ, а? Не похожъ ли, какъ двѣ капли воды, на охотника Герна? Ну, на этотъ разъ Купидонъ оказался добросовѣстнымъ мальчишкой: онъ вознаграждаетъ меня за прошлое. Не будь я истое привидѣніе, если вашъ приходъ не восхищаетъ меня! *(За сценой шумъ).*

Мистриссъ Пэдждъ. Господи помилуй, что это за шумъ?

Мистриссъ Фордъ. Прости намъ, Господи, наши прегрѣшенія!

Фальстафъ. Что бы это значило?

Мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ. Бѣжимъ! бѣжимъ! (*Убѣгаютъ*).

Фальстафъ. Я полагаю, что дьяволъ не хочетъ моего грѣхопадѣнiя, боясь, чтобъ сало, которымъ я наполненъ, не зажгло весь адъ — иначе, онъ не сталъ бы такъ мѣшать мнѣ.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ, одѣтый сатиромъ, Пистоль въ видѣ льсноваго духа Гобгоблина, миссъ Анна Пэдждъ, одѣтая какъ царица фей, въ сопровожденiи брата, мистриссъ Квикли и другихъ въ костюмахъ фей, съ зажженными свѣчами на головахъ.

Царица фей.

Феи зеленыя, черныя, бѣлыя, сѣрыя феи,
Луннаго свѣта подруженьки, дѣти-сиротки судьбинъ,
Тѣни ночной темноты, принимайтесь за дѣло скорѣе,
Долгъ исполняйте! Зови ихъ на дѣло, герольдъ-Гобгоблинъ!

Пистоль.

Эльфы, внемлите, внемлите! умолкните, рѣзвые духи!
Слушай, сверчокъ: облети ты всѣ кухни Виндзора и тамъ,
Гдѣ очага не убрали, огня не гасили стряпухи,
Такъ ихъ щипли ты, чтобъ цвѣтъ ежевики придать синякамъ:
Не терпитъ владычица свѣтлая феи
Ни грязныхъ покоевъ, ни грязныхъ людей!

Фальстафъ.

Здѣсь феи собрались. Я знаю — кто рѣшится
Имъ слово хотъ сказать, тотъ съ жизнью распростится.
Зажмурясь, лягу я. Ничей на свѣтѣ глазъ
Не долженъ видѣть ихъ затѣйливыхъ проказъ.

(*Ложится ничкомъ*).

Эвансъ.

Гдѣ Бидъ? Лети! Когда бъ найти тебѣ случилось
Дѣвицу, что предъ сномъ три раза помолилась,
Ты грезы сладкія на душу ей навѣй.
И пусть уснетъ она невиннымъ сномъ дѣтей;

492

Но тѣхъ, которыя въ минуту усыпленья
Не вздумали просить грѣхамъ своимъ прощенья —
Тѣхъ щиплетъ пусть твоя сердитая рука
Въ голени, спину, грудь и плечи, и бока.

Царица фей.

За дѣло, за дѣло! О, духи, летите,
Весь замокъ виндзорскій снаружи, внутри обыщите;
Разсыпьте вы счастье повсюду въ жилищѣ священномъ,
Чтобъ вѣчно стоялъ онъ въ величьи своемъ неизмѣнномъ,
Достойный властителя дома сего,
Какъ этотъ властитель достоинъ его!

Натрите старательно кресла всѣхъ орденскихъ членовъ почтенныхъ
Бальзамомъ душистымъ и сокомъ изъ разныхъ цвѣтовъ драгоцѣнныхъ,
И пусть благодатное небо съ сѣдалищъ, одеждъ и щитовъ
Во-вѣкъ не стираетъ ихъ честныхъ гербовъ!
Вы, феи луговъ, образуйте кружокъ на подобье подвязки,
И пойте ночью порою свои вдохновенныя сказки,
И мѣсто, гдѣ вы соберетесь, пусть будетъ свѣжей, зеленѣй,
Чѣмъ зелень всѣхъ нашихъ полей!

Пурпурныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, изумрудной травы наберите
И ими *Nonni soit qui mal y pense* напишите.

На мѣсто сафировъ и перловъ, шитья изъ шелковъ драгоцѣнныхъ,
Что блещутъ у рыцарей славныхъ кольцомъ на колѣняхъ согбенныхъ:

Цвѣты замѣняютъ, вѣдь буквы у фей.

Разсѣйтесь же духи — летите скорѣй!

Но первый пока не пробилъ еще часъ — не забудете вѣрно
Вы пляску обычную нашу вокругъ дуба охотника Герна.

Эвансъ.

Давайте же руки другъ другу, въ кружокъ становитесь сейчасъ,
А двадцать большихъ свѣтляковъ фонарями послужатъ у насъ,
Чтобъ мы танцовать, не сбиваясь, подъ дубомъ родимымъ могли.

Но стойте, я чую, что здѣсь челоуѣкъ срединной земли!

Фальстафъ. Да защититъ меня небо отъ этого валлійскаго духа; не то онъ
превратитъ меня въ кусокъ сыра.

Пистоль.

Гнуснѣйшій червь, ты проклять отъ рожденья!

Царица фей.

Огнемъ испытанья коснитесь вы пальцевъ его.

Коль чистъ онъ, огонь не сожжетъ ничего

И тихо отклонится. Если жъ отъ боли онъ вздрогнетъ, то смѣло

Рѣшайте, что это развратника гнуснаго тѣло.

Пистоль.

Начнемъ испытанье!

Эвансъ.

Начнемъ —

Увидимъ, обхватится-ль дерево это огнемъ?

(*Всѣ жгутъ Фальстафа свѣчами*).

Фальстафъ. Ай, ай, ай!

Царица фей.

Нечистъ, нечистъ, въ желаньяхъ развращень!

Скорѣе же его со всѣхъ сторонъ

Съ язвительною пѣснью окружайте

И, вокругъ его носясь, щипайте и щипайте!

Пѣсня.

Срамъ всѣмъ грѣховнымъ помышленьямъ,
Срамъ похотливымъ вождельнѣямъ!
Огонь кровавый — сладострастье,
Огонь, зажженный грязной страстью!
Начало въ сердцѣ онъ кладеть,
Но дунеть мыслью онъ все вверхъ, и вверхъ идетъ!

Щипайте, щипайте безъ устали, феи,
Щипайте за гнусныя, злыя затѣи,
Щипайте и жгите, вертите въ рукахъ,
Пока не погаснутъ съ свѣчами и звѣзды съ луной въ небесахъ!

(Во время этой пѣсни феи щиплютъ Фальстафа. Докторъ Каюсъ выходитъ съ одной стороны и уводитъ фею въ зеленомъ платьѣ, Слендеръ — съ другой и уводитъ фею въ бѣломъ; затѣмъ Фентонъ похищаетъ Анну Пэдждъ. За сценою слышится шумъ охоты. Всѣ феи разбѣгаются. Фальстафъ сбрасываетъ свои рога, встаетъ съ земли и хочетъ бѣжать).

*Входятъ Пэдждъ, Фордъ, мистриссъ Пэдждъ и мистриссъ Фордъ и
останавливаютъ его.*

Пэдждъ.

Нѣтъ, стой! куда? Надѣюсь, вы теперь
У насъ въ рукахъ. Неужто вы иначе
Не можете успѣть, какъ въ видѣ Герна
Охотника?

Мистриссъ Пэдждъ.
Довольно. Этого фарсъ

493

Я васъ прошу окончить. Ну, добрѣйшій
Сэръ Джонъ, какъ вамъ виндзорскія бабенки
Понравились? *(Мужу, указывая на рога Фальстафа.)*

Неправда ль, милый мужъ,
Что это украшенье дорогое
Не такъ пристало городу, какъ лѣсу?

Фордъ. Ну, сэръ, кто теперь рогоносецъ? Мистеръ Потокъ, Фальстафъ негодяй, рогатый негодяй; вотъ его рога, мистеръ Потокъ. Изъ всего имущества Форда, мистеръ Потокъ, онъ воспользовался только его корзиной съ грязнымъ бѣльемъ, его палкой и двадцатью фунтами денегъ, которые онъ долженъ уплатить мистеру Потокъ. Въ обезпеченіе этой уплаты взяты его лошади, мистеръ Потокъ.

Мистриссъ Фордъ. Намъ не повезло, сэръ Джонъ; мы никакъ не могли сойтись. Что жъ дѣлать? Теперь ужъ я не хочу имѣть васъ моимъ любовникомъ, но моимъ оленемъ вы всегда останетесь.

Фальстафъ. Я начинаю замѣчать, что изъ меня сдѣлали осла.

Фордъ. Да — и сверхъ того, вола. Доказательства на лицо.

Фальстафъ. И это были не феи? Три или четыре раза мнѣ самому приходило въ голову, что это не феи. Но угрызенія моею совѣсти, внезапное отуманеніе моихъ умственныхъ способностей заставили меня принять грубый обманъ за чистую монету и, наперекоръ всякому здравому смыслу, повѣрить, что все это феи. Вотъ въ какого олуха превращается умъ, когда его направишь въ дурную сторону.

Эвансъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ, служите Богу и отрекитесь отъ дурныхъ помысловъ, и тогда феи не будутъ щипать васъ.

Фордъ. Отлично сказано, эльфъ Гугъ.

Эвансъ. А васъ я прошу отречься отъ вашей ревности.

Фордъ. Я до тѣхъ поръ не буду ни въ чемъ подозрѣвать мою жену, пока ты не начнешь любезничать съ ней на чистомъ англійскомъ языкѣ.

494

Фальстафъ. Неужели мой мозгъ высохъ отъ солнца до того, что не въ силахъ предохранить меня отъ такого грубаго обмана? Неужели валлійскій козель могъ одурачить меня? Неужели меня можно было нарядить въ валлійскую дурацкую шапку? Теперь, значитъ, мнѣ осталось только подавиться кускомъ жаренаго сыра.

Эвансъ. Сыръ не идетъ къ жиру, а вашъ желудокъ одинъ жиръ.

Фальстафъ. Сыръ и жиръ! И я дожилъ до того, что надо мной издѣвается человѣкъ, острящій такъ тупо! Да этого достаточно, чтобъ убить во всемъ государствѣ распутство и страсть къ ночнымъ походамъ.

Мистриссъ Пэджъ. И какъ это, сэръ Джонъ, вы могли подумать, что дьяволъ — если бы даже мы и вытолкали въ шею добродѣтель изъ нашего сердца и, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, отдали себя аду — заставилъ бы насъ плѣниться вами?

Фордъ. Плѣниться такой требухой, такимъ тюкомъ льну?

Мистриссъ Пэджъ. Такою тушей?

Пэджъ. Такимъ старымъ, холоднымъ, истертымъ, невыносимо-вонючимъ человѣкомъ?

Фордъ. И злоязычнымъ, какъ самъ сатана?

Пэджъ. И нищимъ, какъ Ювъ?

Фордъ. И нечестивымъ, какъ его жена?

Эвансъ. И преданнымъ блуду и харчевнямъ, и хересу, и прочимъ винамъ, и меду, и пьянству, и ругательствамъ, и мошенничеству, и всему иному прочему?

Фальстафъ. Продолжайте, я ваша мишень; перевѣсь на вашей сторонѣ. Я разбить; я не способенъ даже отвѣчать валлійскому войлоку; само невѣжество попираетъ меня ногами. Дѣлайте со мной, что хотите.

Фордъ. А мы сдѣлаемъ, сэръ, вотъ что: сведемъ васъ въ Виндзоръ, къ нѣкому мистеру Потокъ, у котораго вы стибрили деньги, пообѣщавшись ему быть его сводникомъ. Изъ всѣхъ мученій, какія вы вынесли, самымъ горькимъ для васъ, я полагаю, будетъ возвращеніе этихъ денегъ.

Пэджъ. Не горюй, однако, рыцарь. Сегодня вечеромъ я угощу тебя ужиномъ и дамъ случай посмѣяться надъ моею женою, которая теперь смѣется надъ тобой: ты скажешь ей, что на ея дочери женился мистеръ Слендеръ.

Мистриссъ Пэдждъ (*въ сторону*). Нѣкоторые доктора сомнѣваются въ этомъ. Если Анна Пэдждъ моя дочь, то въ настоящую минуту она жена доктора Каюса.

Входитъ Слендеръ.

Слендеръ. Охъ, охъ! Ай, ай, ай! Батюшка Пэдждъ!

Пэдждъ. Что, сынокъ, что? Устроилъ дѣло?

Слендеръ. Устроилъ! Самый умный человѣкъ въ Глостерширѣ не добьется тутъ толку — вотъ хоть сейчасъ повѣситься!

Пэдждъ. Да что же случилось, сынокъ?

Слендеръ. Пришелъ я въ Итонъ вѣнчаться съ миссъ Анной Пэдждъ, а она оказалась здоровеннымъ парнемъ. Не будь это въ церкви, я исколотилъ бы его, или онъ исколотилъ бы меня. Не сойди я съ этого мѣста, если я не думалъ, что иду съ Анной Пэдждъ, и вдругъ она — почтальонъ.

Пэдждъ. Ну, стало быть, вы ошиблись — это несомнѣнно.

Слендеръ. Для чего вы говорите мнѣ это? Конечно, ошибся, если принялъ мальчика за дѣвушку. Но хоть онъ и нарядился въ женское платье, мнѣ его не надо было-бы, хотя бы я даже обвѣнчался.

Пэдждъ. Ну, это вы сами сгруппили. Развѣ я не сказалъ вамъ, какъ узнать мою дочь по платью?

Слендеръ. Да я и подошелъ къ той, что была въ бѣломъ — и сказалъ ей: «Тсс!» а она сказала мнѣ: «тише!» какъ условились мы съ Анной. И все-таки вышло, что это не Анна, а почтальонъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Добрый Джорджъ, не сердись. Узнавъ о вашемъ замыслѣ, я одѣла мою дочь въ зеленое, и въ настоящую минуту она, конечно, обвѣнчана съ докторомъ въ приходской церкви.

Входитъ Каюсъ.

Каюсъ. Гдѣ мистриссъ Пэдждъ! Чортъ меня побери, я въ дуракахъ! Я женился на garson, на мальчикѣ, на pausan, чортъ меня побери, на мальчикѣ — не на Аннѣ Пэдждъ, чортъ меня побери! Я въ дуракахъ.

Мистриссъ Пэдждъ. Да вы взяли ту, что была въ зеленомъ?

Каюсъ. Да, чортъ меня побери, а вышло, что это мальчикъ. Я подыму на ноги весь Виндзоръ, чортъ меня побери. (*Уходитъ*).

Фордъ. Это странно! Кому же досталась настоящая Анна?

Пэдждъ. Мое сердце предчувствуетъ. Вотъ идетъ мистеръ Фентонъ.

Входятъ Фентонъ и Анна Пэдждъ.

Пэдждъ. Что это значить, мистеръ Фентонъ?

495

Анна. Простите, добрый батюшка! Простите, добрая матушка!

Пэдждъ. По какому же это случаю, сударыня, вы не пошли съ мистеромъ Слендеромъ?

Мистриссъ Пэдждъ. Почему это, сударыня, вы не пошли съ докторомъ?

Фентонъ.

Совсѣмъ ее смутили вы. Всю правду

Я вамъ скажу. Готовили вы ей
Постыдный бракъ безъ всякаго влеченья
Взаимнаго. Но знайте, что она
И я давно обручены; отнынѣ жъ
Такъ крѣпокъ нашъ союзъ, что разорвать
Его ничто не въ силахъ. Святъ проступокъ,
Свершенный ею, и нельзя его
Назвать непослушаніемъ, обманомъ,
Отсутствіемъ почтенія; вѣдь, этимъ
Она себя избавила навекъ
Отъ тысячи проклятій богохульныхъ,
Что вызываль бы постоянно въ ней
Насильный бракъ.

Фордъ.

Ну, полно огорчаться:

Вѣдь этому ничѣмъ не пособишь.

Въ любви всѣмъ править Богъ. Помѣстья покупаетъ

За деньги человѣкъ, женъ небо посылаетъ.

Фальстафъ. Я очень радъ, что ваша стрѣла, хотя вы и прицѣлились въ меня,
попала въ васъ самыхъ.

Пэдждъ.

Да, тутъ ничѣмъ не пособишь. Ну, Фентонъ,

Пошли вамъ Богъ и радости, и счастья!

Чего нельзя избѣгнуть, то должны

Мы принимать.

Фальстафъ.

Когда собаки ночью

Охотятся — всю дичь легко поднять.

Мистриссъ Пэдждъ.

Довольно мнѣ сердиться!

496

(Фентону). Много, много

Веселыхъ дней пусть небо вамъ пошлетъ!

Любезный мужъ, теперь домой всѣ вмѣстѣ

Отправимся — (Фальстафу) вы тоже съ нами, сэръ —

И у камина вмѣстѣ посмѣемся

Надъ нашею продѣлкою въ лѣсу.

Фордъ.

Пусть будетъ такъ.

(Фальстафу). Однако, обѣщанье,

Потоку данное, сдержали вы, сэръ Джонъ:

Ведь точно съ мистриссъ Фордъ ночуетъ нынче онъ. (*Уходятъ*).

П. Вейнбергъ.

¹ Эпилогъ произносится однимъ изъ актеровъ.

² Объ этомъ сборникѣ см. т. I, стр. 421. *Ред.*

³ Источникомъ драмы герцога Брауншвейгскаго послужилъ рассказъ, обнародованный Михаиломъ Линднеромъ въ его *Rastbüchlein* (Вольфенбюттель, 1558).

⁴ Тутъ у Шекспира непереводаемая игра словъ, вслѣдствіе чего мы ее замѣнили иною, наиболѣе подходящею.

Перев.

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ. Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

ВИНДЗОРСКІЯ ПРОКАЗНИЦЫ.

(*The merry wives of Windsor*).

Стр. 447. *Я перенесу это дѣло въ «Звѣздную*

Палату».

«Звѣздная Палата» — зала засѣданія уголовного суда въ Вестминстерѣ: потолокъ ея былъ расписанъ золотыми звѣздами.

Стр. 447. *Да, Слендеръ — и Cust-alorum*

Cust-alorum — сокращеніе латинскаго *custos rotulorum*, хранитель актовъ. Слендеръ этого термина не понимаетъ, также какъ «*coram*» (передъ) и «*armigero*» (оруженосецъ). (Слова изъ официальной подписи судьи: «*Jurat coram me, Roberto Shallow, armigero*» т. е. клянется предо мною, Робертомъ Шэлло, оруженосцемъ (эсквайромъ) — Слендеръ принимаетъ за дворянскій титулъ Шэлло.

Стр. 448. *Сказывали мнѣ, что въ Котзель*

ее обогнали.

Котзель (*Cotsall*, въ дѣйствительности *Cots wold*) въ Глостершайрѣ, холмистая местность, гдѣ происходили извѣстные бѣга.

Стр. 448. *Но не цѣловаль дочери вашего льсничаго —*

вѣроятно цитата изъ старой, потерянной баллады.

Стр. 449.

Ахъ ты бенбургскій сыръ (Banbury cheese).

Насмѣшка надъ худобой Слендера. Бенбюри городокъ въ Оксфордшайрѣ, извѣстный изготовленіемъ тощихъ сыровъ. «Сними платье и ты будешь, какъ бенбургскій сыръ, состоящій только изъ корки» говорится въ современной Ш. пьесѣ «*Jack Drum's Entertainment*». На худобу Слендера указываетъ и Пистоль, обзывая его въ слѣдующей фразѣ Мефистофелемъ (намекъ на спутника Фауста въ пьесѣ Марло).

Стр. 449. *Клянусь этими перчатками...*

Перчатки были предметомъ большого щегольства во времена Шекспира, и Слендеръ изъ фатовства клянется перчатками, какъ признакомъ того, что онъ слѣдитъ за модой.

Стр. 450.

Ахъ, ты, пришлецъ изъ горъ.

Валисцевъ постоянно дразнили ихъ гористой суровой родиной. Въ «Генрихъ V» много насмѣшекъ по этому поводу.

Стр. 450.

Что скажешь ты на это,

Джонъ Румяный (Въ ориг.: Scarlet and John — такъ звали двухъ товарищей популярнаго разбойника Робинъ-Гуда въ старой англійской балладѣ). Scarlet — багровый — намекъ на красный носъ Бардольфа.

Стр. 450. *...если бы могъ получить мою*

книгу пьсень и сонетовъ.

Шекспиръ, какъ предполагаютъ, имѣетъ ввиду лирическаго стихотворенія лорда Сэррей и др., появившіяся въ 1557 г. подъ заглавіемъ: *Songes and Sonnets, written by the Right Honorable Lord Henry Howard, late Earl of Surrey and others.*

Стр. 450. *Гдѣ моя «Книга Загадокъ» —*

Здѣсь имѣется ввиду книга «The Booke of Merry Riddles», очень популярная во времена Шекспира.

Стр. 452.

Спущеннаго Секерсона я видѣлъ разъ двадцать.

Секерсонъ — имя медвѣдя, котораго часто спускали съ цѣпи и травили въ Paris-Garden, вблизи театра шекспировскаго «Глобусъ».

Стр. 454. *А у него цѣлый легионъ серебряныхъ*

ангеловъ —

Ангель — монета съ изображеніемъ ангела. Эта игра двумя значеніями слова «ангель» — изъ наиболѣе частыхъ у Шекспира.

Стр. 454. *Она — Гвіана вся полная золота*

и щедрости.

Намекъ на рассказы о богатствахъ Гвіаны сэра Вальтера Ралэя послѣ его экспедиціи въ Южную Америку, въ 1596 г.

Стр. 454. *И значитъ я, носящій на бедръ*

Булатный мечъ, Пандаромъ Трои стану

Пандаръ (о которомъ см. далѣе въ «Троилъ и Крессидъ») считался типичнымъ представителемъ сводничества, такъ какъ онъ былъ посредникомъ между Троиломъ и собственной племянницей Крессидой.

Стр. 458. *Кажется, никакой легкостью въ обращеніи не могла я подать этому фламандскому пьяницъ...*

Фламандцы имѣли репутацію пьяницъ во времена Шекспира. Въ «Отелло» Яго говоритъ, что англичанинъ перепьетъ даже толстопузаго голландца.

Стр. 460.

Въ иныхъ вещахъ надежда — песь безхвостый

(а curtail dog), т. е. собака, у которой обрѣзали хвостъ въ знакъ того, что она больше не годится для охоты.

Стр. 460. Или пока кукушка не запѣла.

По народному повѣрью, которое Шекспиръ часто приводитъ въ своихъ пьесахъ, кукушка высмѣиваетъ своимъ кукованьемъ обманутыхъ мужей.

Стр. 460.

Ни въ чемъ не повѣрю такому китайцу.

571

Китаецъ (Cataian — отъ стараго англійскаго названія Китая Catai) — былъ синонимомъ мошенника.

Стр. 462. Проваливай въ свой замокъ Петчъ.

(Въ ориг.: to your manor of Pickt-hatch, go).

Pickt-hatch — часть Лондона, имѣвшая дурную славу, вслѣдствіе множества расположенныхъ тамъ домовъ терпимости. Фальстафъ иронически называетъ Pickt-hatch помѣстьемъ Пистоля.

Стр. 462.

и даже — это еще поважнѣе — пенсіонеры.

Пенсіонеры (pensioners) — члены королевской лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ знатныхъ и видныхъ изъ себя военныхъ.

Стр. 468. У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ

птички малы и т. д.

Чтобы заглушить страхъ, Эвансъ поетъ отрывки изъ разныхъ пѣсень, безсвязно сочетая ихъ. Первые четыре стиха взяты изъ стихотворенія Марло «The passionate shepherd to his love» (сборникъ «The passionate pilgrim»); «Я възсѣдалъ у вавилонскихъ водъ» — переложеніе 137 псалма.

Стр. 469. Я прожилъ на свѣтъъ восемьдесятъ

лѣтъ съ лишнимъ.

Это число (fourscore years and up ward) не опредѣленіе точнаго возраста Шалло, а обычное обозначеніе старости.

Стр. 470. Что тебѣ нравится больше: руководить моими глазами или смотрѣть на пятки твоего барина?

По обычаю того времени, знатныя и богатыя дамы брали съ собой, отправляясь гулять, щегольскихъ пажей, которые шли впереди своихъ госпожъ; мужчинъ же сопровождалъ мальчишка, идущій сзади. Должность пажа была почетнѣе, на что указываютъ слова м-ссы Пэдждъ и отвѣтъ Робина.

Стр. 471.

Ужель ты мой, брильянтъ небесный...

Въ ориг.: Have I caught my heavenly jewel.

Начало одной пѣсни изъ сборника Sidney's as trophel and Stella.

Стр. 471.

Онъ водить дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ...

Въ этихъ словахъ указаніе на то, что въ «Виндз. Проказн.» Фальстафъ изображенъ не послѣ опалы при Генрихѣ V, а во время дружбы съ принцемъ Галемъ. Комедія эта — одинъ изъ эпизодовъ его прежней жизни.

Стр. 481.

*Тетка моей горничной, толстая баба изъ
Брентфорда. —*

Намекъ на опредѣленное лицо, веселую трактирщицу въ Брентфордѣ, мѣстечкѣ между Виндзоромъ и Лондономъ; ея остроты и шутки собраны были Робертомъ Коплэндомъ въ книгѣ «*Jyl of Brendford's Tastament*».

Стр. 486.

его постоянная постель и временная постель

(his standing-bed and trucklebed). Trucklebed — низенькая складная кровать, которая помѣщалась подъ обыкновенной кроватью и выдвигалась изъ подъ нея въ случаѣ надобности.

Стр. 486. *Твой эфесецъ зоветъ тебя*

Эфесцы (Ephesians) — шуточное прозвище гулякъ.

Стр. 491. *Пусть теперь льется картофельный
дождь,*

...пусть бушуетъ мятель изъ ванили -

Картофель и ваниль часто приводятся у современниковъ Шекспира въ числѣ возбуждающихъ средствъ (aphrodisiaca).

Стр. 491. *Дѣти-сиротки судьбинъ (you orphan heirs of fixed destiny).*

Шекспиръ разумѣетъ подъ этими словами дѣтей земныхъ родителей, усыновленныхъ по вѣчнымъ рѣшеніямъ рока феями.
